

"Понедельник 6:23 (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Часть 1. Дима

Они развелись два месяца назад. Просто проснулись однажды утром, молча позавтракали, собрались и, прихватив документы, пошли в ЗАГС. Нет, они не вспоминали, как заходили в эту светло-коричневую дверь с отбитым косяком два года назад в праздничном настроении и с радостно гомонящими гостями следом. Они были красивой парой, говорили все и дарили цветы.

Когда они входили в ЗАГС второй раз, они тоже были красивой парой. Улыбались и подтрунивали друг над другом, как в старые добрые студенческие времена. У Димы постоянно развязывались шнурки на кедах, а Вика предсказывала ему, что он наступит на них и упадёт на колени перед тёенькой, ставившей штампы на предпоследней странице их паспортов.

В тот день им было легко. Впервые за долгое время им вновь было легко друг с другом.

Никогда не женитесь на своих подругах, думал Дима, заправляя за ухо девушки упавшую на высокий бледный лоб прядку. «Моя милая, лучшая, самая дорогая ошибка», - прошептал он ей на ухо и слегка прикоснулся губами к виску.

Она улыбнулась и медленно провела рукой по его спине. «Мы пытались», - честно ответила она, и это её тихое «мы» звучало сильно и уверенно. На душе стало спокойно и темно. Свет погас - пора спать.

Он уехал от ЗАГСа на машине, она - на автобусе.

Дима вошёл в пустую квартиру, где ещё, казалось, блуждал её высокий мягкий голос. По утрам она любила петь в душе, одну и ту же песню - «Я ехала домой». И он всегда грустил, слушая её, и где-то в глубине души считал себя виноватым в этой грусти. У них всё было хорошо, каждый раз убеждал он себя, и она себя убеждала и его убеждала. Они много говорили. Понимали друг друга с полуслова, никогда не ссорились. Даже когда она увидела эти рисунки, она лишь сдержанно вздохнула и спросила, набрав силы для улыбки: «Оно никуда не ушло, да?»

И Дима не смог соврать. Честность - это то, на чём строились их отношения с самого начала. Он кивнул и понял, что скоро она уйдёт и оставит его с этим одного. Быть может, так нужно было сделать с самого начала.

После этого они прожили вместе полгода. Протянули. Пока не появился другой мужчина. Он просто пришёл и сказал Диме, что Вика любит его, и они будут встречаться открыто. «Пока ты не дашь развод», - сказал Виталий и заправил свой тёмно-синий респектабельный галстук за чёрный респектабельный пиджак. Он был старше Димы на пять лет, он был директором компании, где работала Вика, и ухаживал он красиво, Дима был в этом уверен. Вика любила этого человека, и это было видно в его глазах, блестящих от солнечного света яркой весны за окном.

Дима не стал скандалить. Он просто достал домашнее вино, которое Викина мама привезла с дачи, и они с Виталием выпили по три рюмки.

- А ты странный, - искренне признался директор компании его жены. Он снял свой респектабельный пиджак и кинул на соседний стул. Белоснежная рубашка бликовала на солнце. - Я готовился к несколько другому приёму.

- К какому? - Дима снисходительно улыбнулся и отставил бутылку. В голове уже начинало замыкать, а поговорить хотелось в трезвом уме и твёрдой памяти.

Виталий улыбнулся и взъерошил свои аккуратно уложенные волосы. Теперь он был больше похож на человека.

- Думал, что ты будешь скандалить и обвинять Вику в измене.

- А ты её стал бы защищать? - Дима усмехнулся.

- Ну да... - сдался Виталий и смущённо улыбнулся. Он был пьян, и от этого честен с абсолютно незнакомым ему человеком, вроде бы соперником... Но отчего-то не получалось.

- Я никогда не обвинял Вику, я не умею обвинять.

- Никогда-никогда? - Виталий наклонился чуть ближе и даже подмигнул Диме. - А если честно? - почти шёпотом спросил он.

- А зачем? Я готов взять вину на себя, даже за то, что ты сидишь тут передо мной и гнёшь из себя крутого победителя, - просто ответил Дима и угрожающе постучал пальцами по столешнице.

- Дмитрий, может быть, дуэль? - Виталий продолжал хмельно улыбаться.

- Не хочу, - Дима откинулся на стуле и сложил руки на груди. - Я занимаюсь кунг-фу с пяти лет, поэтому у тебя нет шансов. Зачем мне позорить будущего мужа моей любимой девушки?

Виталий прекратил улыбаться и хмуро посмотрел в окно.

- Ты её всё ещё любишь? - спросил он и медленно поскрёб щёку рукой.

- Мои чувства остались неизменны с первого дня нашего знакомства, и её тоже.

Виталий повернул голову, что-то хрустнуло в его шее, какой-то позвонок. Он больше не смеялся и не улыбался. Он вновь стал директором компании, где работает Вика. Но Дима не был его подчинённым, поэтому ему стало жаль Виталия. Обычный парень с простыми реакциями, готовый защищать то, что считает своим. Вике повезло с ним, он не изменит ей даже в мыслях. Дай им бог.

- Вика хочет развода, - твёрдо произнёс Виталий тоном Виталия Семёновича.

Дима дружелюбно улыбнулся.

- Может быть, ещё по рюмочке?

- Нет, хватит, мне на работу идти. Так Вика любит тебя или нет? - Виталий смотрел прямо и не моргая. Диме он нравился. Даже слишком... Его хотелось дразнить. Дурацкая привычка нарываться на неприятности.

- Мы просто хорошие друзья, - сдержался Дима, - и всегда ими были. Ничего большего. Так что не переживай.

- А я и не переживаю, - Виталий поднялся из стола и вальяжно закинул на плечо свой пиджак. - Я верю своей девушке.

- Это самое главное, - вздохнул Дима и тоже поднялся из-за стола. - Доверие - это самое главное...

- Скажи, ведь это ты ей изменял? - спросил вдруг Виталий около самого порога. - Я не понимаю, что между вами пробежало.

- А тебе и не нужно понимать. Всё уже закончилось, - Дима открыл входную дверь и выпустил гостя. - Берегите себя.

Дверь закрылась за Виталием и Диминой семейной жизнью.

«Александр Владимирович Яковлев - начальник отдела маркетинга» прочитал Дима на табличке кабинета номер пять. После развода он взял отпуск на две недели, и когда вернулся, увидел произошедшие в его отсутствие изменения. Раньше, ещё до того, как Вика ушла в другую компанию, здесь было написано её имя.

- Как отдохнул? - Лида всегда любила спрашивать первой, хоть что-то в данной организации осталось неизменным. - Подцепил новую девчонку? Или пил, не просыхая?

- Да, да, нет, да, - ответил Дима, усаживаясь за свой компьютер и включая систему.

- Я задала тебе три вопроса, а не четыре, - улыбнулась она и подвигала бровями, так, как умела только она, профессионалка в соблазнении мужчин.

- А ты даже помнишь?

- Фуф, ну ты как всегда в своём репертуаре. Я уж думала, что будешь страдать.

- А почему я должен страдать? Это было обоюдное согласие. Мы вернулись к тому, с чего начали.

Лида состроила недовольную гримаску и махнула рукой.

- Знаем мы вас, мужиков, никогда не признаётся в своих слабостях.

- Ну вот, ты сама за меня ответила, молодец, - Дима засмеялся, но тут же умолк. В кабинет зашёл незнакомый высокий мужчина в свитере и джинсах, заправленных в высокие армейско-рокерские сапоги. Эта деталь одежды почему-то вызвала приступ лёгкой паники в душе Димы, и в груди сладко и больно заныло.

- Лида, отправьте это по факсу в Ирландию, адреса там написаны, - сказал незнакомый мужчина и положил перед притихшей девушкой пачку отчётов. Он вышел, даже не поздоровавшись с Димой, и тот сразу понял, что это их новый начальник отдела маркетинга - Александр Владимирович.

- Господи, как же я его боюсь, - Лида передёрнула плечами и придвинула к себе бумаги так, словно они были частью этого странного начальника и тоже могли таить в себе опасность. - Он точно какой-нибудь маньяк.

Дима ничего не стал говорить. Он впервые за долгое время чувствовал себя растерянным и влюблённым. Безумие какое-то. Этого не может быть, эффектные сапоги и одна скучная фраза, брошенная вскользь, и то не ему.

Александр Владимирович... А какие сигареты вы курите?

Вечером Дима с облегчением понял, что в разводе много плюсов.

Он взял карандаш и впервые после института в открытую стал быстро набрасывать портрет Александра Владимировича, он получился слишком суровым и более взрослым. Интересно, сколько ему лет? Тридцать пять? Сорок? У него короткие чёрные волосы, седины не видно. Твёрдый подбородок и прямой английский нос, нахмуренные брови и жёсткая линия почти бесцветных губ. Может, больше сорока?

Он женат. И то, что на пальце нет кольца, ещё ни о чём не говорит. Дима сам не носил кольцо. Он вообще не любил побрякушки, крестик тоже относился к разряду побрякушек. Вера должна быть в душе, наверное... Хотя веры тоже не было.

У него есть дети. Александр Владимирович окутан одиночеством и холодом, но в его манерах есть какая-то неуловимая плавность, которую мужчины приобретают после того, как часто держат на руках маленьких детей. Сын и дочь, скорее всего.

Дима провёл карандашом по линии бровей и взгляделся в тёмные глаза, внимательно смотревшие на него с бумаги.

Ему нравятся мужчины. Карандаш замер на секунду, а вместе с ним и сам Дима.

Бред... Это невозможно. Этого хотелось и не хотелось одновременно.

Дима отложил рисунок и встал с дивана. Надо покурить. В доме, как назло, не осталось ни одной сигареты.

- Рассеянность когда-нибудь тебя погубит, - усмехнулся Дима своему отражению в зеркале. И накинув куртку, вышел из квартиры. Прогулка пошла на пользу, больше никаких бредовых мыслей в голове не было. А эскиз так и остался недорисованным.

- Димка, ты на корпоратив пойдёшь? - Лида явно скучала, сегодняшняя её работа закончилась, но поскольку новый начальник не спешил заводить дружеские отношения с коллективом, то девушка не могла пойти и отпроситься у него. А сам он заходил крайне редко, и так, что вопросы задавать ему было невозможно. Словно он мог убить ответом.

- Не знаю, у меня мама приезжает в выходные перед праздником, не оставлю же я её одну вечером? - Дима закрыл Corel и снял очки. Глаза болели от ярких красок и постоянного напряжения мышц, даже очки не спасали.

- А жизнь свою ты как собираешься устраивать? Там будет много красивых девчонок... Познакомишься.

- А зачем они мне? У меня ты есть, - Дима засмеялся.

Лида картинно надула губы и отвернулась к окну. Солнце ещё высоко стояло над горизонтом. И стоявший вдалеке кран отражённо поблескивал одним-единственным окном.

- У меня Вадик есть, - вздохнув, сказала она. - Но он не любит всякие такие тусовки, так что я иду одна, составь хоть мне компанию, раз по новой жениться не хочешь!

- Ну раз я вместо Вадика, то думаю, стоит пойти.

- Дурак ты, - снисходительно улыбнулась Лида, а потом подпёрла подбородок кулачком и сентиментально вздохнула: - Красивый, зараза. Я когда тебя первый раз увидела, подумала, что один из наших моделек.

- Ростом не вышел я для модельки, да и читаю несколько больше ста слов в минуту. Могут возникнуть проблемы с общением.

- Да ты ж у нас ума палата. А я со своим красным биологическим прям пэтэушницей себя чувствую в этой фирме. Один интеллектуал, зачморит даже и не поймёшь когда, другой вообще скажет слово, так все сразу строятся затылок в затылок. Отдел маркетинга - одни кретины-медалисты. За кого замуж-то выходить, Дима, посоветуй?

- В соседнем здании работает весьма перспективный электрик, Вадим Петров, почему бы не подмигнуть ему? - Дима прикусил язык, потому что всяким шуткам должен быть предел, но его всегда трудно определить.

Лида вспыхнула и с чувством кинула в сторону соседнего компьютера коробку со скрепками. В полёте коробочка раскрылась, и скрепки блестящим дождём посыпались на пол.

- Лида, это война, - серьёзно сказал Дима и, разогнавшись на стуле, хотел проехать по проходу между столами с принтерами, но наехал на собственный злосчастный шнурок. Кресло резко затормозило и перевернулось, накрыв неудачливого воителя сверху и придавив пальцы на правой руке.

- Вот бя...

Лида засмеялась так громко, что растерявшийся и ушибленный Дима подумал, что сейчас и потолок рухнет в придачу. Но потолок не рухнул, потому что смех мгновенно оборвался.

- Лида, позвони в модельное агентство и закажи двух-трёх девочек, желательно блондинок, на завтрашнюю сессию.

- Да, Александр Владимирович, сейчас позвоню.

Дима хотел бы никогда в жизни не выбираться из-под этого стула, так и пролежал бы до скончания века на полу с отдавленным пальцем, закусывая губы, чтоб не материться вслух, а только про себя. Но жизнь - несправедливая штука. Александр Владимирович одной рукой поднял стул и откатил его на место, а другую протянул Диме, чтобы помочь подняться. И вроде бы, чего такого? Схватился за протянутую руку и встал - так делают все нормальные люди. Но Дима никогда не считал себя нормальным, может, поэтому он смотрел в лицо Александра и не двигался. Секунду... другую... Дима не моргал, Александр Владимирович тоже. А потом рука опустилась ниже, крепко ухватила Диму за плечо и дёрнула вверх.

- В следующий раз будь осторожнее на дорогах, - улыбнулся Александр, отпуская Димино плечо и отводя взгляд. - Лида, как позвонишь, можешь идти домой.

- Хорошо, Александр Владимирович, - сдержанно согласилась девушка. И стала активно изображать видимость работы.

Дима посмотрел на закрывшуюся за начальником отдела маркетинга дверь и внезапно покраснел. Его только сейчас накрыло осознание того, что за стыдобу он тут устроил.

- Ну ты лох, - Лида сокрушённо покачала головой, а потом опять прыснула, так же громко, как когда Дима свалился со стула.

- В точку, - выдохнул он. И опять посмотрел на дверь.

Всё-таки Александру Владимировичу нравятся мужчины.

А через два дня Дима понял, что это просто фанатизм какой-то. Он видел Александра во сне, слышал его голос, как только закрывал глаза, рисовал портреты, какие-то абстрактные наброски. В каждом встречном мужчине он отмечал схожие черты, и каждый раз сердце сладко замирало, когда эти черты особенно угадывались.

Дима подошёл к двери Александра Владимировича и, собравшись с духом, постучал. Ему нужно было заверить чертежи по новому проекту - дело пяти минут, но Дима полдня бродил по своему кабинету, не решаясь отнести их.

- Да, войдите, - раздался неожиданно весёлый голос Александра.

Дима даже вздрогнул и ещё больше напрягся. Весёлый?

Дверь противно скрипнула, и Дима вошёл в обитель зла и порока, как все сотрудники фирмы за глаза называли этот кабинет.

На него одновременно уставились две пары глаз, причём Александр не смотрел в его сторону, перед ним лежал какой-то пёстрый журнал с полуобнажёнными девушками. Такие журналы в фирме не были в диковинку. Модели, в них снимающиеся, принимали участие и в съёмках рекламы компании.

В кожаных креслах напротив стола Александра сидели двое стильно одетых мужчин и приветливо улыбались вошедшему Диме, подбадривая.

- Александр Владимирович, я принёс макет... - уверенно начал Дима, но его тут же прервали.

- Положи на стол, я потом посмотрю, - кинул Александр, не отрывая взгляд от журнала. - Мне не нравятся эти девушки, у одной слишком скучное лицо, а по другой видно, что она глупа, - сказал он, обращаясь к одному из мужчин. - Я думаю, что лучше взять мальчиков.

- Можно и мальчиков, только с ними сложнее работать, самомнение и все дела. Их трахать хорошо, а не снимать.

- Говоришь как знаток.

- Ну, с тобой никто не сравнится...

Александр коротко рассмеялся.

Дима положил папку на стол и вышел из кабинета на ватных ногах. Он прошёл по коридору, уткнулся в стену и только тут понял, что его кабинет находится в другой стороне. Когда он проходил обратно мимо приоткрытой двери с табличкой «Александр Владимирович Яковлев и бла-бла-бла», до его слуха донёсся голос начальника:

- Да у меня сын выглядит старше, чем он...

Он? Это я, что ли, сначала подумал Дима, а потом понял, что они, скорее всего, говорят о каком-нибудь мальчике из журнала, и тревожное липкое отчаяние наполнило его изнутри.

Он окончательно убедился в том, что влюбился, и должен на что-то решиться.

В среду у Александра тренировка в спортзале. Значит, у Димы тоже будет.

Он шёл по узкому коридору, холодный кафель обжигал ноги, а в груди бухало сердце. Нужно было выпить что-нибудь, думал он и в отчаянии скользил рукой по гладкой стене. Во второй он сжимал глянцевый пакетик, который казался ему слишком тяжёлым, хотя весил всего ничего. Не хватит... смелости не хватит. Назад, нужно повернуть назад, пока ещё не поздно. Где-то совсем рядом зашумела вода. Душ. Звук льющейся воды манил за собой. «Терять нечего, чего ты боишься, Дима? - слышалось в шипении воды. - Если хочется, то нужно делать, жалеть будешь потом, не сейчас. Сейчас нужно просто идти, шаг, другой...»

В душе было светло, слишком светло, чтобы решиться на что-то большее. Свет всегда выглядит обличающе. Но тем лучше. Нет места для заблуждения.

Пять кабинок, четыре из которых свободны. Есть ещё шанс воспользоваться одной из них. Но Дима прошёл к самой дальней, занятой, и каждый шаг как по раскалённым углям отдавался болью во всём теле. «Я уступаю тебе, что же тебе не нравится?!» Но телу не нравилось то, на что его толкали, каждый мускул напрягся, каждый нерв натянулся как струна на гитаре, того и гляди, лопнет. Это как перед боем, успокаивал себя Дима. Концентрация и расслабленность одновременно. Вдох-выдох, вдох-выдох. И на грани сознания и предчувствия - а если он откажется?

И бескомпромиссный ответ - он же никому не отказывает.

Последний шаг и он встал перед ним как есть, обнажённый и открытый. Он сдался, пусть победители судят.

Александр скользнул по его телу коротким цепким взглядом и быстро вернулся к глазам. Лицо было бесстрастным. Ни тени улыбки или хоть какой-то заинтересованности. Дима запаниковал. Точно откажет. А может, и чёрт с ним? Не судьба так не судьба. Он хотя бы попробовал, упрекнуть себя не в чем.

- Там четыре свободные кабинки, - прервал ход его мыслей Александр и отвернулся к крану, точным движением прибавил напор, и запрокинул голову, позволяя воде бить по его лбу и скулам.

Дима смутился и хотел уже было воспользоваться советом, но всё равно упорно продолжал стоять на месте. Он знал, что второго раза у него уже не будет, никогда. Нужен именно этот человек.

- Я знаю, я пришёл не мыться, - голос прозвучал неожиданно твердо и нахально. Это было не похоже на него, обычно, когда он нервничал, внятно говорить не мог.

Александр обернулся и второй раз посмотрел на Диму, внимательнее. А потом что-то вспыхнуло в его глазах, словно он вдруг понял, что когда-нибудь умрёт.

И это было такое безумное ощущение пульса жизни, никогда ранее Дима не чувствовал себя таким живым. Он сделал ещё два шага в направлении Александра и улыбнулся. Они стояли,

разделённые струями воды и всем миром.

- Смело, - сказал Александр без улыбки и сам приблизился к Диме, провёл руками по его плечам. Он был выше на полголовы, широкий и опасный. От него пахло мятным гелем для душа и пороком.

Дима поднял голову и посмотрел ему в глаза. «Этот человек убьёт тебя», вспомнил он свою первую мысль, когда увидел Александра в офисе.

- Я боюсь тебя, - прошептал Дима и прижался к твёрдому упругому телу плотнее. Волна разрушительного восторга накрыла его с головой. Наконец-то!

Александр провёл костяшками пальцев по Диминой спине сверху вниз до поясницы и остановился. Дима не смог сдержать тихого довольного стона - это было чертовски приятно и столь же чертовски неправильно - и вложил в руку Александра пакетик с презервативом.

- Мальчик ещё, - выдохнул Александр и резко развернул Диму к себе спиной. - Упрись руками в стену, будет удобнее.

Стена была тёплая и скользкая, вода текла на плечи, на спину, а в голове было тихо и спокойно. Не отказал.

Александр быстро разминал его спину, бока, ягодицы, а потом вошёл. Неожиданно и резко. Боль была столь ошеломляющей, что Дима не смог сдержать крика.

- Потерпи, сейчас будет лучше, - Александр прикоснулся губами к его шее и стал медленно двигаться внутри. Стало ещё больнее, боль пульсировала в животе, в спине, бежала по венам к голове, Дима задыхался в ней и тщетно пытался поймать ускользающую от него стену. Но Александр держал его крепко, не позволяя упасть.

А потом уверенная рука коснулась его паха и стала двигаться. Дима вовсе пропал. Не было ни боли, ни удовольствия, только пульсация крови где-то в голове и ощущение ритма, больше ничего. А потом и этого не стало.

Когда он смог ощущать себя вновь, понял, что сидит прямо на полу, прислонившись плечом к стене. Вода по-прежнему текла сверху, и Александр рвано дышал ему в затылок, гладил по голове и всё ещё поддерживал за пояс, словно он мог упасть.

Дима не хотел анализировать то, что произошло. Потом, он подумает об этом дома. А сейчас хотелось... хотелось... Черт возьми, почему же так больно? И одиноко.

- Не плачь, первый раз самый трудный, - Александр крепче прижал Диму к себе и поцеловал в плечо.

- Уйди, пожалуйста, - Дима прекратил нервно всхлипывать и отстранился. Он по-прежнему не смотрел на Александра, и возможно, больше никогда не захочет. - Оставь... я сам.

Он ушёл молча, тем лучше.

А потом Дима поднялся с пола, сполоснул лицо, тело, которое получило то, что желало и сполна, и вышел из душевой, завернув кран.

Дима сидел в машине и курил. Кажется, это была уже третья сигарета, а может быть, и четвёртая. Очертания домов незнакомого района за окном погрузились в синие сумерки, и от этого на душе стало ещё паршивее. Боль притупилась, но всё равно ощутимо гуляла где-то под кожей, превращая каждое движение в трудную задачу и желание себя пожалеть.

Конечно, винить в случившемся некого, но Дима не ожидал, что это будет так странно. Страшно, больно, но вместе с тем завершённо. Всё встало на свои места, и в голове было опустошение. Скорее неприятное в своей неожиданности, но Дима уже тогда понял, что к этому можно привыкнуть. Первая тренировка.

Он затушил окурок и завёл мотор. Нужно выпить какое-нибудь обезболивающее и поспать. Утро вечера мудренее. На это вся надежда.

За весь оставшийся вечер Дима ни разу не вспомнил об Александре.

Ванесса Мэй как тот кузнечик истошно запиликала на скрипке где-то в области правого полушария мозга. Четверг... работа... завтрак... логотип... ёжик... мама... Дима понял, что вновь начинает засыпать, и резко открыл глаза. Обычно он быстро вскакивал с кровати, но сегодня он только поднял ногу, как закусил губу от пронзившей спину боли.

- Зашибись, – простонал он и замер, прислушиваясь к себе. Нет, сегодня было лучше, чем вчера, определённо. Но на работу в таком состоянии идти невозможно. Тем более - Дима потёр лоб и тяжело выдохнул - Александр там. И он сразу поймёт, что происходит. Станет ли он жалеть? Сожалеть?

- Игнорировать, - уверенно резюмировал Дима и, крихтя, поднялся с кровати. Природа звала и очень настойчиво.

Вернувшись в комнату, Дима набрал номер Лиды.

- Утро доброе, мой милый, - пропела девушка, как только установилась связь. - Опаздываешь?

- Утро злое, - усмехнулся Дима. - У тебя там вроде была знакомая в больнице, которая может нарисовать справку от всех бед?

- Да, есть такая, позвонить?

- Будьте так любезны, Лидия Васильевна, - проговорил Дима голосом Александра Владимировича. И сердце забило быстрее от мысли, что Александр не только выглядит человеком, который может сделать больно, он действительно сделал это. И пусть по желанию Димы, но факт остаётся фактом.

- На сколько дней и что за недуг тебя мучает?

Неудачный сексуальный опыт, с тоской подумал Дима, вспомнив вдруг свои гадкие слёзы и последовавшие за ними слова Александра. Вроде бы он даже успокаивал.

- Два дня насморка и смерть.

- Там не про насморк, - громко засмеялась Лида в трубку. - Ладно, сочиним какой-нибудь простудилифилис. Смотри, не забудь через два дня, где работаешь.

- Потом рассчитаемся.

- Нее, я деньгами не беру. На корпоратив со мной пойдёшь, будешь отрабатывать повинность.

- Ладно, обещаю крепко подумать, - Дима обвёл комнату невидящим взглядом и опять вспомнил вчерашнее событие, теперь прикосновения уверенных пальцев к своей спине. Кожа мгновенно покрылась мурашками. Да, обдумать и вспомнить есть ещё много чего.

- Без вариантов, Димочка, - Лида хихикнула в трубку, а потом добавила серьёзно: - Отдыхай. Пойду начальнику доложу, что тебя не будет - обрадую. Эх, грехи мои тяжкие.

- Спасибо, Лид.

Дима отключил телефон и опустился обратно на кровать. Мысли крутились вокруг одного и того же - нужно пойти поесть и прекратить уже вспоминать!

День прошёл незаметно, разрабатываемый проект поглотил всё внимание и мысли. За него обещали хорошие деньги, можно будет выплатить последний взнос за квартиру. Дима построил эту квартиру для Вики и своих будущих детей. Ну как было заведено. Вот только с детьми не сложилось, всё время и силы вбухали в карьеру, квартиру, машину, мысли о чём-то большем. Да и опасались, что Димина предрасположенность может передаваться по наследству: Вика боялась, и Дима об этом знал. Вообще всё это было глупостью от первого и до последнего слова.

- Лида, ну как там поживает начальник? Когда я могу зайти за расчётом?

Девушка засмеялась. Она была очень лёгкой на подъём и юмор ценила, что особенно радовало Диму. А что самое главное - никогда не задавала глупых вопросов, даже если и видела что-то.

- Я сказала, что ты заболел и железно будет больничный.

- И что он ответил? - Дима поводит ручкой по листу, обвёл заглавные буквы какой-то статьи о монолитном строительстве.

- Сказал: «Угу, принесите, пожалуйста, распечатку переговоров».

- Значит, всё в порядке, будем жить, мать Россия, - усмешка получилась немного нервной, но Лида спишет всё на помехи связи, Дима даже не сомневался. - Ну всё, до пятницы.

Лида захлебнулась радостью, трубка зашипела - пришлось убрать её от уха подальше.

- Ты всё-таки идёшь, да? Сволочь такая! Я тут мучаюсь, его уламываю, а он издевается! - фонтанировала эмоциями девушка, в то время как Дима рисовал на листочке какую-то колючую проволоку. Да, Фрейд бы много чего сказал по этому поводу. Но Дима и без Фрейда знал, что это значит.

- Да, я иду. В конце концов, кто против хорошего алкоголя на халяву?

- Меркантильная душонка, заедешь за мной в семь. И ни минутой позже.

Лида отключилась.

Ну раз звёзды в лице чрезмерно активной коллеги так настойчиво просят, чтоб Дима был на этом празднике жизни, он там будет. В конце концов, кого ему бояться? Он ничего плохого не сделал и не собирается жалеть. А то, что Александр, как он был уверен на сто процентов, даже внимания на него не обратит, будет самым лучшим вариантом. И к чёрту всякие бредни про

чувства.

Дима сидел в самом тёмном углу зала и медленно потягивал виски. Пятый подход к фуршетному столу закончился тем, что Лида ухватила парня под белые руки и усадила на этот стул, взяв клятвенное заверение, что Дима никуда больше не пойдёт и не наступит дочери мэра города на ногу. А ещё он, кажется, не должен больше обзывать начальника автобусного парка скуперджем и во всеуслышание заявлять, сколько сотен долларов стоит кольцо его жены. На какие средства? Задавал Дима риторический вопрос каждому встречному, а потом вдруг понял, что он занимается какой-то фигнёй и позорится. Никогда не умел держать себя в руках, если вдруг пьянел чуть больше нормы.

Александр не пришёл, и Диму почему-то это очень напрягло. Хотелось даже с кем-нибудь поспорить так, чтоб дело дошло до мордобоя. Но люди не склонны вступать в драку, они всеми возможными средствами пытались сгладить возникающие конфликты, и наконец Диме это надоело - он позволил себя усадить на стул. Отчего-то вспомнилась Вика, которая строго контролировала количество выпитого Димой алкоголя, но так аккуратно, что он даже не замечал этого. Всё-таки им было хорошо вместе, и вдруг показалось, что ни с кем больше так не будет. Вика - мягкая, трепетная, понимающая... Идеал девушки. Дима обожал её, но не любил. Никогда не любил.

- Нелюбовь, нелюбовь... - Дима поболтал бокалом, наблюдая, как кубики льда танцуют в тёмной, обманчиво вязкой жидкости, и сделал небольшой глоток.

Лида кадрила какого-то бухгалтера. И довольно-таки удачно кадрила, тот пригласил её к своему бухгалтерскому столику и, очевидно, рассказывал про то, как свести дебет с кредитом. И отчего девушки западают на всяких электриков и бухгалтеров? Они же никакие. Да, то ли дело brutальные начальники... Один взгляд, и ты труп.

Дима сполз чуть ниже по стулу и устало вздохнул. Интересно, почему он не пришёл? Интересно, почему это вообще его волнует? Мало было двух дней отходняка?

- Хочется ещё, - ответил Дима спрашивающему его льду в стакане. Лёд всё знал и даже где-то сочувствовал.

- Говорящие предметы? - Лида неожиданно материализовалась рядом и нависла над Димой, тоже посмотрела в стакан. Нет, с ней лёд разговаривать не хотел. - Может, тебя домой подбросить, а то уснёшь тут ещё?

- Нееее, - Дима замотал головой слишком активно. Стало дурно. - Я ещё посижу, музыку послушаю. Нелюбовь... нелюбовь...

- Ну сиди, только не спи. Я попозже подойду ещё.

Она ушла, а светлее не стало. Дима поднял голову и увидел тот самый страх и трепет, о котором грезил ночами.

- А-хре-нет, - медленно протянул он и смущённо улыбнулся, произвольно усаживаясь на стуле ровно. - То есть я хотел сказать, здрасти, Александр Владимирович...

- Выздоровел?

- Да я и не болел... За пятьсот рублей можно любую справку получить. Вы разве не знали?

Дима задним числом понял, что явно сморозил какую-то глупость, но какую, понять было сложно. Вообще все акценты куда-то сместились. Один только остался на месте - Александр Владимирович всё-таки пришел, и это было здорово.

- Знал, я сам часто так делал в институте. Но мне казалось, ты давно уже не студент.

- А я вечный студент. Знаете, этот, который в «Бедном саде» у Чехова.

- Вишнёвом, - Александр улыбнулся. И где же тебя так учили улыбаться-то? Прямо хоть умирай от счастья... - У Чехова сад был вишнёвым.

Дима опустил голову и тяжело вздохнул.

- А вы шутку совсем не понимаете, да?

Александр Владимирович продолжал улыбаться, но глаза его были серьёзными. Он внимательно смотрел на Диму, явно над чем-то размышляя.

- А ты сегодня весь вечер юморил, - он опустил на корточки, и теперь Дима смотрел на него сверху вниз. Хотя ничего не поменялось. Или всё же?.. - Мне на тебя пожаловались вышестоящие инстанции. Просили принять меры.

Дима, не отрывая взгляда, смотрел на Александра и медленно терял связь со своим сознанием. Где-то посередине произошло короткое замыкание.

- И? Вы не можете меня уволить, я не являюсь вашим подчинённым... только если написать доклад...

Александр не дослушал и пружинисто поднялся на ноги. Он окинул зал быстрым взглядом, а потом сказал как бы между прочим:

- Я буду ждать тебя в машине.

И ушёл. Вот так запросто сказал и ушёл... Захотелось выругаться матом, но Дима сдержался. Александр Владимирович никогда не ругается матом, а это значит, что никому не положено.

- А я не пойду, - залпом осушив бокал, произнёс Дима и тут же усмехнулся. - Пойдёшь как миленький, - добавил он, и на душе стало тепло от того, что на этот раз выбора ему не оставили и сомневаться не позволили.

Вечер только начинается.

Конечно же, самое сложное, что есть в жизни - это отпроситься у мамы на дискотеку. Потом - отпроситься погулять с друзьями у жены, а следующее по сложности мероприятие - отпроситься с вечеринки у коллеги по работе.

- Дима, я тебя отвезу домой, - Лида вцепилась в плечо мёртвой хваткой и не хотела отпускать от себя ни на шаг.

- Дорогая моя, брильянтовая, - Дима на чём свет стоит проклинал себя за то, что решил предупредить девушку, что он уходит. - Я уже взрослый мальчик, ты не думаешь? Сам доеду на такси.

- Да куда ты в таком виде приедешь?

Дима на миг задумался, а правда, куда? Но точно куда-нибудь, где будет горячо. И вообще... смех накатывал волнами. Лида даже испугалась и отпустила Димин локоть.

- Приеду по нужному адресу, - просмеявшись, ответил он и серьёзно добавил: - Да ладно, я правда в порядке, не волнуйся. Клей своего бухгалтера дальше, а то вон совсем заскучал. - Дима с Лидой одновременно посмотрели в сторону бухгалтерского столика, откуда на них пялился бледненький мальчик с глазами репрессированного поэта. - И где такие снулые рыбёшки обитают?

- В нашей бухгалтерии, дурак, - Лида довольно улыбнулась и хлопнула Диму по плечу. - Смотри, если завтра я позвоню, а ты будешь труп, я тебя убью ещё раз.

- Есть, сэр, - Дима криво отдал честь и потопал к выходу, стараясь сдерживать себя, чтобы не перейти на бег.

На автостоянке было невозможно тихо. После шумного зала даже уши заложило. «Тойота» Александра Владимировича стояла в самом дальнем углу, ближе к выезду.

Дима помаячил около машины, рассматривая её и находя вполне себе впечатляющей. Александр сидел на переднем сидении и смотрел в раскрытый ноутбук. Мягкий неоновый свет падал на его лицо, делая его ещё жёстче, чем оно было на самом деле.

- Ну всё, сынок, молись, - прошептал Дима и, коротко вздохнув, постучал в боковое окно рядом с водительским креслом. Соседняя дверь открылась сама собой, Александр по-прежнему внимательно смотрел в ноутбук, игнорируя Диму. Хотя, чего надо-то? Дверь открыли, и на том спасибо.

Дима опустил в удобное кресло и захлопнул дверь. В салоне едва слышно играл Вивальди и было очень тепло, слишком тепло. Над бровями выступил пот. Дима смотрел прямо перед собой, ожидая, когда к нему обратятся. Сам он говорить не мог, волнение уже подступило к горлу и сжало его. Кролик пришёл к удаву, скоро удав его удавит.

Александр повернулся к Диме и показал раскрытый ноутбук. Там был проект нового бизнес-центра, который фирма собиралась строить весной этого года. Дима ненавидел этот проект. Ханжеский и абсолютно бесталанный. Заказывали в какой-то столичной конторе. Дима был уверен, что он сделал бы лучше, но его не просили.

- Что не так? - Александр Владимирович смотрел на Диму открыто и слишком уж приветливо. Неожиданно, весьма. И приятно.

- Вы одеты, как эсэсовец, - ответил Дима. Тоже неожиданно. Александр выгнул бровь и закусил губу, чтобы сдержать улыбку.

- Мне тоже нравится, но я про проект спрашивал.

Дима улыбнулся и ему ответили. Это явно был знак. Знак того, что ему дозволено говорить правду.

- Из-за этих узоров на стенах, - он показал пальцем на экране, Александр слушал его внимательно и не перебивал, - складывается впечатление, что колонны кривые. А ещё потолок нависает из-за того, что колонны кажутся кривыми. А лестница... да это хрень какая-то! Стиль

абсолютно не выдержан! А делать окна такими маленькими и под потолком – это вообще прошлый век! Вы по мне соскучились?

- Спасибо за консультацию. – Александр закрыл ноутбук и отложил его на водительское сидение. - А что, так заметно?

Дима отвернулся к окну, чтобы хоть немного успокоиться. В голове продолжал бухать музыкальный бит, и мысли совсем потеряли точку опоры. Только он подумал о том, что хочет коснуться Александра, как уже осознал, что несмело целует его в улыбающиеся губы. Время совершило какой-то невероятный кульбит, и Дима уже целует Александра слишком уж откровенно, комкая жёсткую ткань стильной эсэсовской куртки на его плечах.

А потом он вдруг резко остановился, понимая, что, по сути, ему не отвечают, а только позволяют целовать, аккуратно поддерживая голову. Вот это попадалово... Щёки мгновенно загорелись, и Дима почти протрезвел.

- 2:0 в твою пользу, - лукаво улыбнулся Александр Владимирович и отпустил Диму. Тот медленно отполз и прибился к окну, чувствуя себе самым несчастным придурком на планете. Никогда прежде его так не обламывали: все (ну те две, что были...) девчонки говорили, что он хорошо целуется.

- А у нас соревнование, что ли? – едко ответил Дима и поскрёб пальцем обивку сидения.

- Скорее влечение.

Александр вышел из машины и открыл заднюю дверь.

- Надеюсь, взаимное? – спросил Дима, когда тот устроился рядом. И от собственной наглости стало так радостно, что даже явное неучастие Александра в незапланированном поцелуе уже не выглядело таким фатальным. Он же ещё с ним? Так в чём проблема?

Александр положил руку Диме на шею и слегка взъерошил волосы на затылке. Он посмотрел так, что сердце провалилось куда-то в желудок от страха и предвкушения. А потом пальцы сжались, и Александр привлёк Диму к себе. Почти касаясь губами, тихо и низко проговорил:

- В лучших традициях жанра.

Целовался Александр Владимирович просто охренительно. Нежно и жёстко, требовательно и мягко, и всё одновременно. От этого контраста внутри горело и тянулось к тому, что способно выжечь дотла. словно последний раз, подумал Дима, закрывая глаза и теряясь в удовольствии. Никогда прежде он не думал, что хочет отдаваться. Именно этого он хочет, чтобы кто-то твёрдо знал, что с ним делать. И дело не в подчинении и бесхарактерности. Это было простое неконтролируемое желание получать удовольствие, ни о чём не задумываясь и полностью доверяя.

Когда Дима открыл глаза, Александр смотрел на него и улыбался. И всё-таки как же классно он улыбается...

- Твой телефон, - сказал тот-кто-классно-улыбается, и Дима вздрогнул, приходя в себя и понимая, что в кармане куртки КиШ прыгает со скалы от несчастной любви, и, надо думать, уже не один раз успел разбиться.

- Увлёкся, с кем не бывает.

Кто с доброй сказкой входит в дом? Кто с детства каждому знаком? И кто, блин, мешает целоваться?

- Мам, привет. Да, слушаю, - Дима широко улыбнулся в зеркало заднего вида и, поймав тёмный взгляд Александра, слегка смутился. Как-то странно разговаривать с мамой и чувствовать его тёплые пальцы на своей шее. Мама никогда не поймёт таких отношений, поэтому Дима ни словом, ни делом не проявлял своей ориентации. Рано или поздно мама всё равно узнает, и Дима надеялся, что случится это всё-таки поздно. Для её же блага. - Да, конечно, я тебя встречу. Ага, третий вагон, да... в четыре пятнадцать. Буду. До встречи.

Дима отключился и посмотрел на часы. Неожиданно накатила какая-то дурацкая мутная усталость. Это всегда происходило после разговоров с мамой. Она была слишком хорошей. И семью она строила правильно и детей воспитывала так, что все соседи завидовали, какие они умными и красивыми росли. Вот, выросли. Умнее не придумаешь.

Десять тридцать пять - высветил маленький дисплей. Время ещё есть.

Александр убрал руку с Диминой шеи и молча пересел в водительское кресло. Баста, карапузики, кончились поцелуи.

- Куда поедем? - Дима с тоской посмотрел на лежащие на руле широкие ладони и коротко выдохнул. Он становился трезвым, и решимость его медленно таяла. Опять будет больно, мама заподозрит что-то неладное и будет сочувствовать, чего Дима терпеть не мог.

- Ко мне, сбежим от твоей мамы через окно, - Александр заговорщицки подмигнул и выехал с автостоянки на дорогу.

- От моей мамы далеко не убежишь.

- От меня тоже.

«Тойота» затормозила около светящегося неоновыми рекламами торгового центра. Дима открыл глаза и понял, что успел даже отключиться под монотонный внутренний диалог с мамой. Внутренняя мама говорила ему, что он делает большую глупость и никогда не заботится о своём здоровье.

Александр вернулся быстро и небрежно кинул на заднее сидение пакет с логотипом аптеки. В содержимом пакета сомневаться не приходилось. Диме стало душно, и он понял, что краснеет. Всё-таки... это было не так, как в прошлый раз, когда он полностью владел ситуацией и был один. Теперь их двое. И что это значит, пока не очень понятно.

- Два года традиционной супружеской жизни и развод? - Александр смотрел на Диму чуть насмешливо и покровительственно.

- Прочитали мои секретные материалы?

Дыхание выровнялось, но голос всё равно подводил, чуть похрипывая.

- На лбу у тебя прочитал.

- Я ещё не привык к таким отношениям, - оправдание вышло каким-то вялым. Да... секса у них с Викой было немного, если не сказать честнее - кот наплакал. Они всё больше говорили.

Александр посмотрел назад и вновь завёл мотор.

- Мальчик, - едва слышно произнёс он, и это было лучшее, что Дима когда-либо слышал о себе. Снисходительно и любовно, как мамин вечерний поцелуй в щёку, - редкий, но запоминающийся надолго.

Они выехали за черту города в коттеджный посёлок, за окном накрапывал дождь, и от этого на улице было ужасно тоскливо. Дима примерно представлял, где живёт Александр Владимирович. Лида принесла грандиозную новость на хвосте однажды утром. Влетела в кабинет, где Дима досматривал пятый сон, и заорала, что их начальник отдела маркетинга - мафиози. И вообще... дальше пошёл непередаваемый на русский язык диалект, но Дима даже не удивился. Ну мафиози и мафиози... Почему-то ему он мог позволить быть кем угодно, хоть римским императором. А потом Лида рассказала сплетню про дом за городом. И Дима опять не удивился. Они с Викой тоже хотели строить дом, но вместо этого развелись.

- Прямо замок графа Дракулы, - вздохнул Дима, в тусклом свете фар увидев трёхэтажный коттедж из чёрного кирпича, перед парадным входом в который высились две лиственницы.

- А ты прекрасная Вильгельмина? - хмыкнул Александр.

Дима стусевался. В детстве его часто называли «дамочкой», а не «Димочкой».

- Какая у вас красивая дочка, - сюсюкали мамы институтские подруги, умиляясь пятилетнему Диме. Не так уж и мало, чтобы не понимать. - Как назвали?

- Дима, - коротко отвечала мама, улыбаясь.

До сих пор в памяти осталось то, как у сюсюкальщиц вытягивались лица от удивления и сомнения... Правда что ли, мальчик?

Александр вышел из машины и, забрав с собой ноутбук и пакет из аптеки, направился к дому. Дима затормозил. Что-то вдруг приспичило подумать. А может, не стоит? Второй раз на те же грабли. Ведь это правда был неудачный опыт. Страх ворочался где-то под сердцем, медленно сжимая его в тиски, даже дыхание сбилось.

- Да, Вильгельмина из тебя никудышная, скорее Дездемона, которая забыла на ночь помолиться, - Александр открыл дверь машины и подождал, пока Дима сам выйдет.

- Так не терпится? - съязвил Дима в ответ и резво зашагал к дому. Никто никогда не смел обвинять его в трусости. Раз уж приехал, то поздно думать. Да, пожалуй, волшебный пендель, прописанный Александром Владимировичем, был в самый раз.

В доме было тихо и прохладно. Большая тёмная гостиная выглядела скорее пугающе, нежели впечатляла. Дима зябко поежился и снял ботинки.

- Не бедствуете, - нервно усмехнулся он.

- Можешь не стесняться и спросить - на какие средства? - Александр прошёл по гостиной и включил свет в смежной комнате, там, по всей видимости, располагалась кухня, потому что послышался шум воды.

Дима вспомнил свои недавние пьяные выходки и устало потёр виски. Теперь его будут чморить

все, начиная с Лиды и заканчивая, не дай бог, директором. Хотя... ну и фиг с ними, если будут ещё и об этом помнить, то Дима тут ни при чём. Пусть лучше думают о сексе. Очень отвлекает от жизни.

- Чай, кофе, потанцуем?

- А есть что-нибудь для мальчиков?

Дима прошёл в кухню и залюбовался обтянутой тонким джемпером спиной Александра. Да, он был великолепен в своей недосыгаемости. И всё-таки, сколько ему лет? И где его жена, если она, конечно, есть? Конечно, есть.

- Мама разрешает тебе пить горячительные напитки?

- А ещё я трахаюсь с мужиками, это она тоже мне разрешает, - соврал Дима и коротко рассмеялся - это же надо нести подобную ахиною? - а потом поднял взгляд на Александра и увидел, что тот перестал улыбаться, губы его сурово сжались. Шутка ему явно не понравилась. Только вот чем? Грубым словом или множественным числом?

- Виски?

- Валяйте.

Раз уж всё испортил, то надо хоть напиток по-человечески и опять же на халяву. Корпоратив, чтоб его, - начальники скидываются на банкет по пятьсот рублей, а все остальные по тысяче.

Дима сделал два больших глотка и только тут заметил, что Александр пьёт кофе и смотрит на него, не моргая.

- Нравлюсь? - подмигнул Дима, чувствуя приятное тепло в области живота, а потом и ниже. Алкоголь всегда быстро согревал его и возбуждал непристойные мысли тоже быстро.

- У тебя модельная внешность - это привлекает внимание рекламщика.

- Только это?

Александр усмехнулся. Вокруг его глаз появились морщинки, и Дима понял, что уже ничего не соображает. Опять хотелось целоваться и всё что угодно больше. Он с трудом оторвал взгляд и допил виски. Голову повело с ещё большей силой, чем на вечеринке. Тем лучше, будет не так больно.

- Пошли, пока ещё можешь, - Александр проговорил это около самого Диминого уха и коснулся его губами. От места прикосновения врассыпную разбежались мурашки, и температура вмиг повысилась от возбуждения.

Они поднялись на второй этаж, в сумеречную спальную комнату, где ничего нельзя было разобрать, кроме большой низко стоящей кровати с аккуратно уложенными подушками.

- Сами укладываете подушки? - засмеялся Дима и, сделав один шаг по направлению к кровати, наконец понял, что боится. Всю дорогу боялся и даже алкоголь не помог.

- Приходит специальный человек, - Александр обнял его со спины и провёл носом по шее вверх к затылку. А потом развернул к себе лицом и поцеловал, так напористо и страстно, что Дима чуть не потерял сознание. Вот уж чего не хватало, так это свалиться в пьяный обморок. От

одной этой мысли в голове стало немного яснее. Яснее, что он совсем чокнулся из-за этого эсэсовского начальника.

- В душ... есть? - Дима отстранился сам, сообразив, что как-то же надо... чтобы всё было хорошо.

- Заботливый мальчик, - Александр отпустил Диму и кивнул на дверь напротив. - Там всё есть, наденешь мой халат.

Дима стоял под тёплыми струями и смотрел на дверь, гипнотизируя её. Он хотел, чтобы Александр зашёл и взял его прямо здесь, пока ещё в голове туман и думать невозможно о правильности и неправильности. О дальнейшем?

- Здесь и сейчас, - прошептал Дима и довольно улыбнулся, делая воду прохладнее. Всё-таки они неплохо понимали друг друга, несмотря на все различия. А вдруг этой ночью всё не закончится?

Александр не зашёл в душ, а когда Дима вернулся в комнату, его не было. Горел нижний матовый свет, и где-то поблизости слышались звуки новостной передачи. О нём что, забыли?

Часть 3. Александр.

Дима не хотел идти на звуки прогноза погоды, ему вообще ни черта уже не хотелось. Хотя нет, спать хотелось. Причём желательно дома и одному.

Он прошёл по комнате. Лаконичный интерьер: ничего лишнего и интересного. Чувствуется присутствие дизайнера. Скорее всего, какой-нибудь знакомый по старой дружбе отписал Александру Владимировичу моднейший дизайн комнаты, где он будет спать со всяким назойливыми Димами.

- Сегодня я не напрашивался, - тихо огрызнулся Дима сам на себя и, навернув второй круг по комнате, заметил стоявший на тумбочке кожаный фотоальбом. Да, любопытство было вторым Диминым недостатком. На первом месте, конечно же, стояла тяга к приключениям и тому, что умом не понять и аршином не измерить. И дело было не в России.

Он открыл альбом на первой странице и встретился взглядом с красивым молодым человеком, которого Александр Владимирович обнимал за плечи. Они оба широко улыбались в камеру, счастливые и чем-то очень довольные. Дима задним числом подумал, что Александр Владимирович очень органично смотрится рядом с мальчиками, словно оттеняя их порывистость и наивность, успокаивая и оберегая.

На следующих страницах тоже были фотографии этого мальчика. Красивый, но явно не модель, слишком массивная нижняя челюсть портила смазливое впечатление. Любовник, что ли?

Дима вздохнул и перевернул следующую страницу. Настроение медленно стремилось к нулю, опять Александр смотрел в камеру, а стоящий сзади мальчишка пристроил к его голове рожки.

- Очень смешно, - прокомментировал Дима и затылком почувствовал, как на него смотрят. Он набрал в грудь побольше воздуха и обернулся, не закрывая альбом. Раз выложили на всеобщее обозрение, значит, он имел право его посмотреть. Александр стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, в одном нижнем белье, и бесстрастно смотрел на Диму.

- Изучаю ваши секретные материалы, - Дима захлопнул альбом и положил его обратно на тумбочку.

- И как? Достоин? - Александр плавно оттолкнулся от косяка и медленно подошёл к Диме. Тот вновь почувствовал возбуждение и страх. А кто же две минуты назад собирался домой?

- Харизматичный мальчик... модель? - Дима поднял руку и провёл пальцем по ключице. Рука дрожала.

- Нет, студент, - Александр перехватил его ускользающую руку и, приблизив к губам, осторожно коснулся запястья, а потом закинул себе на плечо, другой - обнял Диму за пояс и мягко привлёк ближе. - Ревнуешь?

- Ревную, но вас это не касается, - вздохнул Дима, откидывая голову назад и позволяя целовать себя в шею. Чёрт возьми, как же это было приятно. Руки сами собой легли на голову Александра и погладили по коротким жестким волосам.

- Я даже и не надеялся, - Александр улыбался, и в глазах его читалось такое желание, что Дима сам стянул с себя халат и отбросил его в сторону.

- Это ваш сын? - наивно предположил он, приподнявшись на цыпочках и целуя Александра в щёку, тот тихо засмеялся и подтолкнул Диму к кровати. Уложил и навис сверху, опираясь на руки.

- От тебя ничего нельзя скрыть, - горячий шёпот обжёг ухо, и Дима невольно застонал от удовольствия и какой-то безумной детской радости. Неужели и впрямь угадал? Значит, не любовник... И, может быть, что-нибудь... а вдруг?

А потом они целовались. Медленно, с оттягом. Скользили на шёлковой простыне и раскидывали подушки.

Александр поднял ногу Димы себе на плечо и тот сразу вспомнил, как это было в прошлый раз. Сердце забило в горле, и Дима шумно задышал через нос, пытаясь справиться со страхом, но у него ничего не получалось. Так не хотелось, чтобы было больно, как всё хорошо было секунду назад. Александр внимательно вглядывался в его лицо и расслабленно скользил пальцами по голени. Он этих неспешных прикосновений становилось только хуже, Дима хотел, чтобы уже быстрее прошло всё плохое и можно будет насладиться тем, что останется.

- Успокойся, больно не будет, - Александр наклонился ниже и нежно поцеловал Диму в губы. Тот подался вперёд и непроизвольно вцепился пальцами в крепкие твёрдые плечи.

- Я спокоен, - Дима задышал ещё громче и чаще, чувствуя пальцы на внутренней стороне бедра, а потом они обхватили его и стали гладить сначала медленно, а потом быстрее, и потолок внезапно пошатнулся. Дима подумал, что он сейчас определенно куда-нибудь свалится.

- Смелый мальчик, - Александр целовал его скулы, брови, переносицу, губы, а Дима только стонал всё громче и громче и хватался руками за плечи, простыню, какие-то подушки, господи... куда же всё ускользает?... - Красивый... ещё совсем неумелый.

А потом он почувствовал горячие влажные пальцы внутри себя и закричал, выгибая спину и пытаясь куда-нибудь всё-таки уже упасть.

- Тихо, тихо, дыши глубже.

Александр погладил его по щеке и поцеловал подборок. Возвращаться в реальность было неожиданно легко и хорошо. Прохладный воздух комнаты ласково обдавал разгорячённую кожу. Александр гладил Димины брови и улыбался, глядя на него. Когда он успел поменяться? Ведь совсем недавно Дима его боялся, а теперь... теперь он хотел улыбаться в ответ и покурить ещё вместе с ним.

- Вика тоже любила смотреть на меня, - Дима закрыл глаза и глубоко вздохнул. Он всегда был откровенен после секса, рассказывал всё как на духу, а потом жалел. Но если не говорить, то жизнь превратится в постоянное бегство от страхов и сомнений. - Я был для неё лучшей подружкой. Так унижительно...

- А кем она была для тебя?

- Тоже подругой, - искренне ответил Дима. - Да, глупость всё это, я понимаю.

- Она обычная женщина, которой нужен обычный мужчина, - это закон жизни, - Александр наклонился и поцеловал Диму в лоб. Его губы были прохладными и мягкими. Замурчать бы от удовольствия, да вдруг не так поймёт? Хотя пока он всё понимал правильно, даже страшно от того, что это вообще возможно.

- У тебя есть сын, как ты смог?

Перейти на ты получилось просто, словно они давно уже знали друг друга. Теперь Александр для него больше чем «Вы». Улыбка напротив стала лукавой и слегка развратной.

- Ты же смог? Два года мог.

- Она боялась и постоянно предохранялась. Мы оба предохранялись.

- Ты честный. Слишком честный, женщин это пугает.

- А твоя жена не знала, что ты спишь с мальчиками? - Дима от удивления даже рот приоткрыл, чем не преминули тут же воспользоваться.

- Я не сплю с мальчиками, - Александр отстранился, чтобы раздеться окончательно.

- Ты их просто трахаешь, - закончил Дима за него и, не глядя в глаза, перевернулся на живот, морально готовясь к основной части банкета.

- Не унижай себя, это тебе не к лицу, - твёрдые пальцы легли на его напрягшиеся плечи, погладили. - Тебе же это нравится, расслабься. Всё будет хорошо.

Александр наклонился и поцеловал Диму в ухо, прихватил губами и слегка потянул на себя, продолжая мять спину пальцами.

- Да, я хочу тебя... очень хочу, - Дима прерывисто задышал и встал на колени. - И получу, - выдохнул он, обернувшись и посмотрев на довольно улыбающееся лицо Александра.

- Видеть цель, не замечать препятствий. Мне нравятся твои принципы.

Дима честно попытался расслабиться, но получалось с трудом, ничто не могло его отвлечь - ни ласки, ни поцелуи, ни лёгкие укусы. Он спешил, нервничал, подавался навстречу, и, в конце

концов, совсем растерялся и прекратил дёргаться. Что будет, то будет.

- Не торопись, - Александр поцеловал его спину и стал медленно скользить пальцами внутри. Дима не понимал уже, что происходит, от каждого ритмичного движения в голове мутилось, и сознание то включалось, то падало во тьму. А потом он совсем перестал ощущать своё тело и контролировать движения. Лишь один раз он вынырнул на поверхность и понял, что Александр уже в нём и медленно раскачивается. Надо же... И совсем не больно, а казалось... Дима громко и влажно выдохнул, а потом опять пропал. Это было совсем не так как с Викой. Хотя и оргазм был и желание получить удовольствие. Но это... это было совсем иначе. Это было настолько дико, первобытно и безгранично, так словно тело и дух, наконец, слились воедино. Что хотело тело, радовало душу, что желала душа - тело безропотно выполняло.

- Я люблю... тебя, - шептал Дима в горячечном бреде, потому что так чувствовал, так хотел, так жил. - Люблю... тебя...

И пусть это никогда не заканчивается.

- Дима, мама приехала, - голос был где-то рядом, тихий, щекотный... И воздушные шарики, жёлтые, красные на праздник девятого мая. Они шли с мамой смотреть на парад. Лялька прыгала где-то рядом, распугивая голубей, а Дима сжимал в руке тонкую и очень ценную ниточку и смотрел на небо, где ветер качал большой, круглый шарик, жёлтый, как собственное солнце. И гордость, и удовольствие, и ожидание чуда переполняли изнутри. И хотелось бежать вслед за голубями, за Лялей, за шариком.

- Шарик... - проговорил Дима вслух и широко улыбнулся.

- И ёлка, и новый год, - всё там будет, - голос опять донёсся откуда-то сверху и картинка тёплого майского дня начала таять как фруктовое желе, смешивая краски, вкусы, ощущения. А потом мама наклонилась и коснулась щеки, скользнула к губам и стала целовать не так, как положено маме. Дима замер, понимая, что что-то тут явно не в порядке. Резко открыл глаза и всё понял. Оттолкнув Александра, он попытался выбраться из кровати, но ноги запутались в лёгкой простыне. Нужно было срочно посмотреть, который час. Мама сказала, что приедет в четыре... четыре, четыре и сколько?!

- Да кто же придумал эту хрень?! - Дима дрыгал ногами и руками, не обращая внимания на устремлённый на него насмешливый взгляд. За окном было ещё темно, но в четыре утра и должно быть темно. Вроде бы...

- Дизайнер, последний писк моды, между прочим, - Александр мягко и уверенно толкнул Диму в грудь, останавливая его барахтанье. Ах да... есть же ещё и он. Неожиданное открытие. Быстро распутав Димины ноги, Александр поднялся с кровати и посмотрел на наручные часы.
- У тебя десять минут на то, чтобы умыться, одеться и поедem.

Освободившийся от оков Дима резво вскочил с кровати и так же резво плюхнулся обратно. Голова болела просто страшным образом. И в горле першило. Простыл, что ли? Или... орал слишком громко. Господи как же хорошо, что здесь нет соседей!

- Поедем - это кто?

- Ты, я и машина. Ждём только тебя.

Дима с трудом попытался собрать остатки здравого смысла и задать правильные вопросы.

- Моя мама... - начал он и смутился. - В общем, она не знает.

- Не знает, значит, крепче спит.

Александр усмехнулся и, наклонившись, чмокнул растерянного Диму в щёку, а потом провёл рукой по спине сверху вниз.

- Обещаю держать себя в руках. Я жду тебя внизу, поторопись.

В машине опять потянуло в сон, и расслабленное тело мягко укачивало туда-сюда, туда-сюда под музыку Вивальди.

- А у тебя нет чего-нибудь пободрее? - протянул Дима, растирая щёки, чтобы хоть немного проснуться.

- Тебя не бодрит классика?

- В мире, где есть панк-рок и спид-металл, классика как-то не бодрит. Я сейчас отключусь нафиг.

- А кто тебе мешал спать ночью? - Александр говорил абсолютно серьёзным тоном и с постным выражением на лице. Его хотелось пнуть и почему-то очень больно.

- Ересь всякая снилась, - Дима хмыкнул, а потом коротко рассмеялся, чувствуя, что начинает просыпаться. - Порнографическая, между прочим. Александр Владимирович, а как вы относитесь к порно?

- Ровно отношусь. Иногда, правда, бывает очень зажигательно.

- И кого вы предпочитаете, блондинок или брюнеток?

- Без разницы, всё равно крашенные. Главное, чтобы ноги были длинные и грудь побольше.

Дима понял, что медленно начинает злиться. Вот же чертовы нервы! Простой стёб, а где-то неприятно колет. Об этом нужно подумать, а сейчас просто успокоиться. В конце концов, все тут взрослые люди и прекрасно знают, зачем собрались.

- Значит, у меня нет никаких шансов, - вздохнул Дима и демонстративно заглянул в ворот рубахи в поисках большой груди.

Александр усмехнулся и посмотрел на Диму таким взглядом, словно хотел съесть целиком и без соли. Тот медленно покраснел и отвернулся к окну. И что он всегда так откровенно смотрит? Вроде бы взгляд как взгляд, а только вот хочется раздеться и сползти по стене, и неважно, что кругом люди.

- Твоя прелесть иного свойства, - проговорил Александр и вывернул на привокзальную площадь.

- И какого же?

Вот это уже интереснее. Я ль на свете всех милее? Всех румяней и белее? Конечно, нет. Ты вообще мужик, тебе по статусу не положено.

- Непосредственность и целеустремлённость.

Александр остановил машину около входа в здание вокзала. Часы показывали 4.10.

- Очень возбуждающе, - Дима закусил палец, пытаясь оторвать этот дурацкий заусенец. И что его всё бесит сегодня? Ведь вроде бы всё хорошо. И разбудили, и подвезли, и даже вот целуют сейчас. Слишком уж горячо целуют перед встречей с мамой. Наверное, всё дело в маме, которая обязательно спросит, почему Дима развёлся, а у него нет для неё ответа.

- Надо идти... - Дима с большой неохотой оторвался от Александра и открыл дверь. - Спасибо, всё было хорошо.

- Передавай привет маме.

Дима проводил взглядом уезжающую «Тойоту» и подумал, что не хочет больше её провожать. Очень уж тоскливое действо. И вообще, что теперь? Куда дальше?

- Маму встречать, - ответил Дима на свой же вопрос и зябко поёжился. Девушка с хроническим гайморитом объявила о прибытии поезда из Перми к третьей платформе.

В конце концов, у Димы всегда есть понедельник - день, когда он может увидеть Александра, и ничто ему не помешает.

Мама не стала спрашивать про Вику и развод. Одно Димино предложение о том, что она встретила свою настоящую любовь, положило конец всем остальным вопросам. Димины мама сама была замужем три раза, поэтому точно знала, что это такое, когда любовь нечаянно нагрянет. Может, у Димы это от мамы? Так нагрянуло, что все выходные прошли как в тумане. Вроде бы всё то, и разговоры и прогулки, и даже какие-то мамины старые друзья приходили, очень весёлые ребята, журналисты. Но всего этого было мало. Когда попробовал живое пиво, баночного уже не хочется.

- Скучаешь, сынок? - Дима положил голову маме на колени, и она медленно перебирала его волосы. По телевизору показывали какой-то чёрно-белый фильм про войну. Солдаты танцевали вокруг костра и пели что-то разухабистое. Хотелось выть в голос.

- Да, - честно признался Дима и маме и себе. Так не хотел всё усложнять, но разве он мог? Разве он умел когда-нибудь что-то делать чуть-чуть?

- Кто-нибудь и тебя полюбит, обязательно. Ты же у меня такой умница, красавец, добрый мальчик... - мама не знала, что творила. Вроде бы успокаивала, но Диме становилось всё хуже и хуже. Хотелось встать и уйти работать, загрузить все мысли проектами и чертежами, чтобы не вспоминать, как Александр называл его мальчиком. Вскользь, невзначай, как, наверное, всех тех, кто был младше его лет на десять.

- Мама, я ничего не могу им дать, - голос дрогнул, и в глазах зацепало, но Дима сдержался. Раньше он плакал только у мамы на коленях, когда обижали, когда что-то не получалось, и становилось легче и всё плохое уходило. У Димы было счастливое детство. - Что я могу дать?

- Тепло и верность, любовь и опору, поддержку. Людям иногда бывает так одиноко, что они забывают об этом и черствеют. А ты не забываешь, никогда не забываешь.

Дима закрыл глаза и глубоко вдохнул мамин запах - что-то яблочное, слегка горьковатое и такое большое, - что не смог сдержаться и всхлипнул.

В воскресенье в гости пришла Вика, и они сидели втроем на кухне, как обычно, словно ничего

не изменилось. А по сути, ничего и не изменилось. Просто стало легче и приятнее быть вместе. Мама очень радовалась тому, что Дима с Викторией остались друзьями и не затаили обиды.

- Как твой муж, здоров?

- Да, всё в порядке. Много дел на работе... задерживается.

Женские разговоры – это что-то с чем-то. Дима уже начал дремать под монотонное женское чириканье, как вдруг разговор повернул в сторону, которую он даже предположить не мог.

- Саша Яковлев? – удивлённо переспросила мама. – Конечно, знаю. Его отец у меня преподавал в институте философию. Неужели он вернулся из заграницы? У него там бизнес вроде был, жена?

- Да, вернулся. Работает в Димкиной компании в отделе маркетинга. У него с директором давние приятельские отношения.

Дима напрягся так сильно, что даже пот выступил над губой. Вот это совпадение! Мир тесен, честное слово. Ужас и страх.

- Владимир Петрович Яковлев был таким красивым мужчиной, все девчонки наши повлюблялись в него. Бегали домой, пироги носили. Он тогда с женой и грудным Сашкой в общежитии жил. Жена не работала, денег мало было в семье, едва сводили концы с концами. Вот мы и бегали, помогали, кто чем мог. А он такие лекции читал... я до сих пор помню всю философию. А потом... - мама махнула рукой и стала доливать чай. Дима нервно постучал пальцами по столу. Нетерпение жгло его изнутри. Отец Александра Владимировича, его прошлое совсем рядом, бери – не хочу.

- И? Что потом? – не выдержал он затянувшейся паузы.

- Баранку будешь? – мама протянула ему баранку и тяжело вздохнула. Значит, потом было что-то плохое. Но что же? Что?

- А потом он задушился. Но то уже на служебной квартире было. Пошёл в ванную и повесился на дверной ручке.

Сердце пропустило удар, и Дима вмиг представил себе, как мать Александра Владимировича входит в ванную комнату и видит своего мёртвого мужа. Нет, она не кричит. Она спокойна и бледна. Он не один раз говорил, что так, как они живут, жить нельзя. Это неправильная жизнь, говорил он и с остервенением принимался за чтение философских трактатов, не обращая внимание на крики голодного ребёнка.

- Тяжёлые были времена... - вздыхала мама, но Дима и Вика смотрели друг на друга с ясным пониманием того, что это не причина. Никакая это не причина.

- А что было потом с его женой и ребёнком? – Вика обмакнула баранку в чай и отложила в сторону, не откусив.

- С квартиры они съехали зимой. Кажется, у Нади были какие-то родственники в деревне. К ним, наверное, и поехали. С тех пор я её не видела. А про Сашу узнала от своей приятельницы, она жила с ним в одном доме, когда он только институт закончил, а потом женился на какой-то девице и уехал в Латвию.

- По расчёту, что ли? - Дима от удивления не знал, куда себя деть. Ерзал на стуле и постоянно проносил чай мимо рта и проливал на себя.

- Да ты что? - мама даже засмеялась. - Да у неё ни кола, ни двора не было. Приехала в Россию в одном пальтишке рваненьком, Саша её приютил у себя, а потом и замуж взял. Но я свою приятельницу не очень люблю, она просто завидует их счастью. Свою дочь хотела за Сашку выдать, да он даже и думать не стал. Он весь в своего отца пошёл, ему высокие и красивые девушки всю дорогу нравились, а у Любки дочка-то от горшка два вершка и склочная ужасно. Так ей и надо.

Мама стала рассказывать ещё про каких-то своих знакомых, но Диме уже это было неинтересно. Он встал из-за стола и сказал, что ему нужно работать.

Дима вращался на стуле и думал, что или он прекратит уже вращаться, или его стошнит. В голове было пусто. Думать не хотелось напрочь, работать напрочь не моглось. Затормозив стул, Дима достал сотовый и набрал номер Лиды.

- Ну что же ты не позвонила? - спросил он сходу, в кои то веки опережая свою коллегу. - А вдруг я труп, а ты не пришла меня опознать?

- А я звонила твоей маме, так что не гунди.

- Подлые женщины, а я даже не в курсе!

- Между прочим, именно женщина родила тебя, засранца, так что давай говори, что нужно? Я же знаю, что ты не просто так звонишь.

- Конечно, я же меркантильная душонка. У тебя есть телефон Александра Владимировича?

- О блин... Ну ты спросил... Сейчас подожди, посмотрю в записной книжке под номером 666.

Дима опять начал вращаться на стуле, пока Лида пыхтела в трубку.

- Да ногу свою убери, я встать не могу, как медведь косолапый разлётся, - слышалось на заднем плане. Дима невольно улыбнулся. - Вот, нашла. Сотовый и домашний, записываешь?

Дима схватил со стола блокнот и положил его на колени.

- Ага, диктуй.

Записав номер, он небрежно черкнул рядом буквы «А.В.» и кинул блокнот обратно на стол.

- Только смотри корвалол выпей перед тем, как звонить, а то он очень не любит разговаривать по телефону не по делу.

- Ага, приму убойную дозу и усну, дозвонившись. Пусть порадуетя.

Лида засмеялась и отключилась. Вот это девчонка! Всё всегда знает и ничего не знает. Незаменимый человек.

Дима звонить не собирался. Просто узнал номер, чтобы был. Хоть что-то.

В понедельник Дима пришёл на работу на пять минут раньше Лиды и уже успел три раза ненавязчиво пройтись по коридору. Всё это было по делу! Отнести бумажку туда, отнести

бумажку сюда. В нормальное время Дима, во-первых, опоздал бы, а во-вторых, - сами, блин, носите свои бумажки!

Дверь Александра Владимировича была обречённо закрыта. И где он? Вот уж любопытно, так любопытно. После того, как Лида спросила, что стряслось, Дима перестал пинать ножку стола и решил уgomониться. В конце концов, он же не псих какой, чтобы из-за вспыхнувшей вдруг любви забывать обо всём на свете! Он спокойный и адекватный, опытный и уверенный в себе. Точно, так теперь он и станет думать и займётся уже наконец работой.

К трём часам дня Дима совсем сдулся. Лида рассказывала о том, как она провела выходные. Они с Вадиком-электриком ездили на турбазу, катались на лодках и пили палёный самогон, а потом пугали соседей русскими народными песнями. Так всё просто, и вроде бы и любви особенной не наблюдается, а всё равно весело проводят время. И никто не скажет, что это невозможно, временно и на одну ночь. Наоборот, все поддержат и пожелают счастья, а вдруг всё-таки получится?

Дима зевнул и напряг мышцы спины. От постоянно сидения в одном положении спину неприятно тянуло. Захотелось встать и поработать немного идиотом - ещё раз пройтись по коридору. И повод вроде есть.

Но Лида его опередила. Зазвонил телефон. Дима замер в ожидании. Может, он всё-таки пришёл?

- Да, Александр Владимирович, сейчас принесу, - отрапортовала Лида и, взяв со стола какую-то гиперважную папку, убежала.

Дима посмотрел на закрывшуюся дверь и широко улыбнулся. Александр где-то рядом, и это уже хорошо.

Радость длилась недолго. Через пять минут Лида со страшными глазами влетела в кабинет и, закрыв дверь, комично схватилась за сердце.

- Где мои капли от любовных ран? - застонала она. Да, определённо где-то внутри неё уже который год лежит труп погибшей актрисы.

Дима слегка нервно усмехнулся, чувствуя, что что-то произошло. Никогда не любил неожиданности.

- Поняла вдруг, что начальник - это мужчина всей твоей жизни?

Лида замахала руками.

- Да иди ты со своими шутками.

Уже чуть легче. Но всё равно напряжение не покинуло Диму.

- Тогда что?

Лида прошла к своему столу и плюхнулась в кресло, раскинув руки в сторону.

- Там у него в кабинете такой мальчик сидит... ммм... Это же тот самый, которого я всю жизнь ждала! - Она чувственно закатила глаза и мечтательно улыбнулась.

А Дима подумал, что то, что на него вдруг свалилось - это определено потолки всех

вышестоящих этажей. Мальчик, значит... «А ты разве не знал?» - внутренний голос издевался и плевался ядом. Безжалостно и правдиво. А кому сейчас легко? Дима закусил нижнюю губу и посмотрел на чертёж. Самое лучшее сейчас - заняться работой, а потом уже разобраться. Только вот в чём? И с кем? Конечно же, с собой и своим проснувшимся вдруг собственническим инстинктом.

- Добрый день, Дима, - Александр Владимирович зашёл как всегда неслышно, можно сказать даже подкрался. Ага, как...

- Пи*дец, - процедил Дима сквозь зубы и уронил мышку под стол. Программа жутко тормозила, словно отсутствие настроения у пользователя передалось ей воздушно-капельным путём. Дима не смотрел на Александра. Ему было и страшно, и стыдно. Но ничего поделать с собой он не мог, упорно отводил глаза, хотя как же сильно хотелось посмотреть!

- Лида, позвони в МЧС, скажи, что началась ядерная зима, - Александр говорил своим обычным будничным тоном, поэтому Дима не сразу понял, что это шутка, причём в направленная в его адрес. А потом медленно выполз из-под стола и виновато улыбнулся.

- Мышка повесилась, - вздохнул он и сел на своё место. Александр Владимирович что-то говорил Лиде, но услышать его было решительно невозможно. Дима превратился в зрение. Совсем не изменился. Ну ещё бы, за два-то дня. В животе стало жарко, а потом и лицо вспыхнуло. Вот попадалово. Дима беззастенчиво ласкал его взглядом, пока никто не видел, и почти забыл о том, что совсем недавно бесился и ломал офисное оборудование.

А потом они встретились взглядами, и Александр Владимирович ласково улыбнулся в ответ.

- Дима, выйди на минутку, мне нужно с тобой поговорить.

Он точно знает все приёмы НЛП и ещё владеет гипнозом, причём перманентно и мгновенно. Дима молча поднялся и пошёл вслед за ним, даже не успев по привычке посомневаться.

В коридоре было тихо и прохладно. Александр погладил Диму по щеке и, когда тот попытался отстраниться, быстро поцеловал в губы. Неглубоко, но очень нежно. Коварный... да, самое правильное слово. Садист - ещё правильнее. Люди же могут выйти!

А потом он приобнял растерявшегося Диму за плечи и наклонился почти к самому лицу. В нос ударил запах свежести, моря и мяты. Дима расплылся в счастливой улыбке, он знал этот запах. Его можно пить большими глотками до тех пор, пока море не будет внутри.

- Там у меня сидит модель для рекламы торгового центра. Мне он слишком нравится, поэтому я не могу мыслить объективно. Нужна чья-то помощь. Рекламщики говорят «да», просто прочитав его фамилию. Мне такой подход не нравится. Посмотри ты, а потом мне скажешь: да или нет.

Дима медленно раскачивался на каблуках и слушал, опустив голову. Так всё-таки это правда. А что? Потрахались очень даже неплохо. Только зачем же одновременно двоих окучивать? Мог бы намекнуть, и Дима сам бы ушёл, помня только лучшее.

- Да, я посмотрю. Без проблем, - голос звучал твёрдо, и на том спасибо.

- Вот и славно, я в долгу не останусь. - Александр лукаво улыбнулся и потрепал Диму по голове.
- Я уеду на полчаса, ты кабинет закрой потом. А я зайду к тебе после.

- Через полчаса закончится рабочий день, - сухо напомнил Дима.

- Тогда я к тебе домой заеду или завтра поговорим.

«Он ушел, а после него осталась музыка». Дурацкие бульварные романчики, а поданы, как элитарные детективы. Идиотизм сплошной, а не литература.

Дима посмотрел на свои дрожащие пальцы и сжал их в кулаки, потом разжал и медленно выдохнул. Ладно, посмотрим, что настолько понравилось Александру Владимировичу, что он даже разучился объективно мыслить.

Дима открыл кабинет и на секунду затормозил на пороге. Его встретили холодные голубые глаза и два метра модельного тела. Высокий блондин в жёлтом ботинке. Ну и вкусы у вас, Александр Владимирович.

Часть 4. Мальчик.

- Привет, - растягивая гласные по-московски, поздоровался блондинко. Дима сразу его возненавидел. - Может, принесёшь кофейку, а то у вас тут холодно.

Вот это человечество! Вот это самомнение. Учись, студент.

Дима молча прошёл по кабинету и присел на край бесконечного стола Александра Владимировича.

- У нас автомат стоит в коридоре. Если хочешь, сходи сам, - Дима говорил убийственно спокойно и не переставал смотреть в лицо мальчика с обложки журнала. Кажется, это была реклама мужской туалетной воды. Весьма достойная сессия. Только неужели Александру мог нравиться такой типаж? Как-то примитивно, для девчонок, что ли... Ага, то ли дело сам Дима - такой прям для мальчишек, куда деваться.

- А я думал, что у вас тут сервис и все дела, - моделька надула губки так мило, что Диму чуть не стошнило. Может, на Александра это действует? Эдакий наивный и расстроенный вид: я такой милый, приручите меня. А что? Тоже своего рода психологическая атака. Александр сильный, ему нужен слабый партнёр для контраста. Чтоб глазками хлопал, тупил и в рот заглядывал. Ах да... Дима одёрнул себя, его же просили быть объективным и в долгу не останутся!

- Ты снимался в рекламе «HUGO BOSS»?

- И там тоже, - мальчик оживился и принял серьёзный вид. Этому их тоже видимо, учили, потому что получилось до ужаса комично. - Я вообще много где снимался. Моё портфолио у Александра Владимировича на столе. И, если честно, я не понимаю, что ещё нужно обсуждать.

- А тебя ещё не приняли, поэтому время есть.

- А ты вообще кто? Фотограф?

Дима улыбнулся и помотал головой. А в наивности есть свои плюсы. Это и впрямь выглядит забавно. Мальчик, даже с ним разговаривая, подсознательно думает, что его снимают на камеру, и ручки так складывает аккуратно, словно боится испачкаться о подлокотник. Конечно, эти ручки и мордашка стоят много денег. Их надо беречь.

- Вообще-то я проектный дизайнер. Пришёл на тебя посмотреть.

- Зачем?

Губки бантиком, бровки домиком, - прям про него песенка. Объясните, мама-папа, что к чему. Да если бы Дима сам знал, что к чему, может, и объяснил бы.

- Просили заценить объективно.

- Александр Владимирович? - у мальчика явно стресс. Уже и ручки задрожали от возмущения. Кстати, нервничать им тоже запрещено, ну чтоб морщинки не появились, вокруг глаз, например. Дима коротко выдохнул, вспомнив глаза Александра, когда он улыбается. Нужно быстрее всё закончить и уйти домой.

- Нет, Бенедикт XVI, - устало ответил Дима и чётко определился с ответом. Мальчик подойдёт для рекламы, на все сто процентов. И цвет волос, и типаж лица, тон кожи, фигура - именно то, что надо для проекта. Лицо рекламной кампании.

- А это кто?

- Папа Римский, - хмыкнул Дима, спрыгивая со стола.

- Очень смешно, - недоверчиво ответил мальчик и тоже поднялся. Посмотрел на Диму сверху вниз и снисходительно улыбнулся, очевидно, прощая все его прегрешения. - Я принят или как?

- Александр Владимирович завтра позвонит и всё скажет. Пока. Выход по коридору и направо.

Блондин ушёл. А Дима ещё задержался в кабинете. Кинул взгляд на лежащую на столе папку с портфолио, и любопытство всё-таки одержало верх над гордостью.

Сесть на место Александра Дима не решился, так же пристроился на краю стола и стал просматривать яркие картинки. А мальчик был красивым, с этим не поспоришь. И такая специфически чистая красота, никаких примесей - прям ангелочек, заблудившийся в большом уютном городе. Дима вздохнул и открыл альбом на предпоследней странице. Уши мгновенно вспыхнули. Мальчик снимался обнажённым в довольно-таки откровенных позах. И не один, а с партнёром. Это Александр Владимирович называл зажигательным? Дима захлопнул альбом и небрежно откинул его на край стола. Да выкинуть его в окно! Прям тетрадь смерти, повезёт тому, кто найдёт. Ещё как повезёт.

Во рту скопилась слюна, значит, пора покурить. И лучше бы чего-нибудь покрепче. Выпить тоже было бы неплохо.

Дима закрыл кабинет Александра Владимировича и, собрав свои вещи, ушёл домой раньше, чем рабочий день закончился.

- Если кому-нибудь срочно понадобится, скажи, чтоб звонили на сотовый.

ЦУ Лиде даны, точки над і расставлены, компьютер выключен.

Работа после работы - это отдельное удовольствие. Но Дима иначе не мог жить. Он привык забивать каждый час, каждую минуту чем-нибудь. Вика всегда беспокоилась из-за того, что Дима не умеет отдыхать и расслабляться.

- Даже во сне считаешь свои пиксели, - Вика смеялась и изображала спящего Диму, уткнувшегося носом в подушку и болтающего вслух: - «Золотое сечение... не соблюдено». Кто

про что, а он про сечение.

- Ну, у всех свои ужасы. Ты просто не знаешь, какой это кошмар, когда нарушается гармония, - Дима смутился и с лёгким волнением думал о том, что он ещё мог говорить во сне, не отдавая себе отчёта. Может быть, что-то и говорил, да только Вика не стала бы прикалываться над этим.

- Знаю, - тихо отвечала она, и Дима точно знал, что скоро они разбегутся. И никто не будет слушать его бормотание во сне и прикалываться.

Может, завести кота?

Дима кинул сумку на пол в прихожей, дурацкая привычка - разбрасывать вещи где попало. И вновь включил компьютер. Со стола поверх кучи старых чертежей и набросков на него смотрел блестящими окнами новый торговый центр, который будет рекламировать этот... а кстати, как его зовут? А, не важно, пусть будет Андрюша.

- Успокойся, Ромео, - усмехнулся Дима и плюхнулся в кресло, открыл AutoCAD. - Кто тебе мешает наслаждаться жизнью? Никакой договорённости не было, ну так и в чём проблема?

С компьютером Дима любил разговаривать всегда. С чертежами тоже разговаривал, обзывал их выкидышами Пикассо, но очень редко. Чаще просто болтал о том, о сём. Иногда полезно поговорить с неодушевлёнными предметами. Они умеют тактично промолчать, когда нужно. Особенно это важно, когда задаёшь риторические вопросы, и настроение ни черта не попадает в очевидные ответы.

- И сопли распустил, как девчонка! - ругался Дима и строил парадное крыльцо загородного дома директора электроэнергетической компании. Получалось довольно-таки неплохо. Дом в английском стиле с мансардой. А у Александра всё-таки шикарный замок... Ничего лишнего, одна жуть. И внутри как-то холодно и стерильно, словно это не дом, а музей. Дима терпеть не мог музей, - ни тронь, ни сядь, ни смейся.

А на сотовый никто так и не позвонил.

- Завязывай с этим нытьём уже, надоел, честное слово.

Очень разумное предложение. В конце концов, на Александре не сошёл клином белый свет. С одним попробовал, можно и с другим попробовать. Бери пример с маэстро. Внаглую подъезжать уже умеешь.

Точно! Лучшее средство от депрессняка - это еда. Вкусная и здоровая пища поможет вам забыть обо всём на свете! Вот блин, Дима поморщился от того, что поймал себя на мыслях в жанре рекламных штампов. Ещё годик работы рядом с маркетологами и вообще будет спец в обувании народа.

Пельмени - очень даже быстро, вкусно и здорово. Конечно, мама оставила какие-то щи-борщи, но почему-то на них смотреть не хотелось. Энтропийный период, очевидно, подумал Дима, доставая пачку замёрзших пельменей из супермаркета.

Когда Дима запускал в кипящую воду последний скрученный буквой зю пельмешек, в дверь позвонили. Может, не открывать? А то ещё позарятся на пельмени, а их больше нет, как и хлеба, кстати... из-за любви даже в магазин лень сходить.

Ну кто же ещё зайвится под вечер и при полном параде?

- Добрый вечер, Дима, - Александр улыбался и явно напрашивался войти. Хотя можно было сократить экзекуцию и просто сказать, что Андрюша одобрен, но отчего-то язык не повернулся. Александр же такой весь... свой в доску.

- Пельменей хватит только мне одному, - Дима пропустил Александра Владимировича в квартиру и закрыл дверь, - поэтому можешь даже не рассчитывать.

- Можно откупиться чаем, я разрешаю.

Александр разулся и без особого приглашения прошёл в кухню.

- Не бедствуешь, - усмехнулся он, мельком рассматривая нескромное Димино жилище. Да, коридор у него был длинный и широкий. Только вот немного портили прекрасный вид две вещи: посередине валялась сумка и почему-то один шерстяной носок. Второй Дима так и не нашёл. Наверное, в ванной где-нибудь забился.

Кухня тоже была вполне сносная. Вика любила готовить, поэтому выбрала плацдарм по себе. Дима кухню терпеть не мог. И не только потому, что напрочь не умел готовить, а просто как-то в больших пространствах он терялся. Всё детство провёл в маленькой комнатёнке с завешанными плакатами стенами. Иногда Дима скучал по своей тёмной норе, где он по ночам рисовал соседского мальчика. Получалось похоже, и с ним можно было разговаривать. А с соседом он даже не здоровался, жутко стеснялся. С тех пор много воды утекло.

Александр подошёл к плите и выключил газ, конфорка уже давно утонула в воде от убежавших пельменей.

- Первый раз остался без присмотра? - Александр Владимирович в принципе всегда вёл себя хамски по отношению к людям. Кто-то его не любил за это, кто-то любил. Дима явно относился ко второй категории. Невольная улыбка поползла по лицу, и в груди немного потеплело.

- Я избалованный маменькин сынок. Учтите, Александр Владимирович.

- Никогда бы не подумал, что маменькины сынки питаются магазинными пельменями.

- Все хотят жить.

Александр по-хозяйски прошёлся по кухне, отодвинул Диму, зависшего около раскрытого шкафа с посудой, сам достал тарелку и вывалил в неё пельмени. Потом опять же сам налил себе чаю и сел за стол. Да, определённо начальник - он и на чужой кухне начальник.

- Александр Владимирович, - Дима достал майонез и вбухал приличную дозу в дымящуюся тарелку. Пахло просто потрясающе! Едой. - А почему вы...

Димы замолчал на полуслове, наблюдая, как Александр с явно нескрываемым аппетитом уплетает его любимую «Ниву».

- Ты съел мою последнюю конфету? - обречённо спросил Дима и молча поставил тарелку с пельменями на стол.

Александр улыбнулся и согласно кивнул. Аккуратно сложил фантик и протянул Диме.

- На ней не было написано. Ты что-то хотел спросить.

Дима хмыкнул, принимая фантик и почему-то засовывая себе в карман.

- Почему многие вас не любят, Александр Владимирович?

И нафига? Дима застыл с недонесённой до рта ложкой, догоняя ту дурь, что сморозил. Александр, конечно же, вмиг стал серьёзным и исподлобья посмотрел на Диму. Пуля прошла навывлет прямо через голову.

А потом он поднялся с места и подошёл к Диме, тот даже дышать перестал, наклонился и мягко поцеловал в губы. Глазки сами собой закрылись, и Диминая рука непроизвольно потянулась к его шее, чтобы задержать ещё ненадолго. Как же соскучился...

- Меня не любят, потому что на девяносто девять «нет», я лишь один раз отвечаю – «да».

Дима отложил ложку и притянул Александра обеими руками, сам поцеловал. Господи, ну что же ты за человек-то такой? Разве так можно относиться к человеку? Чтобы умереть было не страшно от одного только слова – умри.

Александр осторожно отодвинул Диму и усадил на место, поцеловал в макушку.

- Поешь сначала, а потом будем выяснять причины и следствия.

- Ты с ним спал?

Это, видимо, магнитные бури. Мозг совсем размагнитился. Но если Дима об этом думал, то почему он должен молчать? А иначе... иначе не будет гармонии.

- Нет, – твёрдо ответил Александр и, обхватив Димину руку, поцеловал запястье. Видимо, фетиш. Очень хороший фетиш.

- А... зачем тогда? – растерянно спросил Дима, поглаживая пальцами шершавую щёку Александра.

- Я уже говорил. И ты меня слушал. Он подойдёт для рекламы?

Дима отнял руку и громко сглотнул. Какая нафиг еда? Он уже ни черта не соображает, и внутри всё скрутилось в тугий горящий узел возбуждения.

Дима отвёл глаза от матового, недвусмысленного взгляда напротив и согласно кивнул. В ушах шумело, и нужно было срочно выйти...пока Александр не заметил. Хотя, конечно уже заметил и, стянув с себя пиджак, кинул на пол.

- Я видел, что у тебя дома так принято, – улыбнулся он и, взяв Диму за руку, поднял со стула. – Как я понял, есть ты уже не хочешь.

- Пельмени – это не моё любимое блюдо, – попытался отвлечься Дима и вести себя немного адекватнее озабоченного кота, которого бессовестно гладят по голове. Это же... – Охренеть можно, – прошептал он и прижался к Александру ближе. – Спальня по коридору и налево. Кто последний прибежит, тот...

Когда поцелуй закончился, Дима понял, что уже лежит на полу, прямо на кухне и Александр стаскивает с него штаны, чему-то там довольно улыбаясь. Не добежали.

Он смотрел на Диму, неторопливо снимая рубашку, а тот тянул его к себе, чтобы поцеловать. И

чтобы он не смотрел так пронзительно. Очень уж не по себе становилось.

- Дима, за тобой гонятся? – Александр нежно и решительно уложил Диму обратно на пол и придержал рукой за плечо, чтобы он не суетился, и, наклонившись, наконец-то поцеловал. Пальцы пробежались по животу и опустились ниже. Дима от вспыхнувшего возбуждения прикусил губу, но ничего не почувствовал – чужую, что ли? Перед глазами плавали круги в виде пельменей и воздушных шариков. Дима шире раздвинул ноги и крепко вцепился в плечо Александра, чувствуя, как напряглись его мышцы.

Они целовались до тех пор, пока Дима не потерялся. А потом уже его целовали без его участия и разрешения.

- Отелло, вылитый Мавр, - шептал Александр на ухо и убирал волосы со лба Димы. - Я больше не буду провоцировать.

- Ты же знаешь, как я к тебе отношусь, не делай так больше, - не открывая глаз, ответил Дима, и попытался выбраться из-под Александра. Нужно было сходить в ванную и привести себя в божеский вид.

- Не убегай, у меня есть ещё пять минут.

Дима растерянно замер и лёг обратно на пол.

- Не останешься? – тихо спросил он, погладив лежащую на его груди руку.

- Встреча с заказчиками из Англии.

- Что-то они поздно вато собрались заказывать.

- Они уже заказали. Теперь хотят посмотреть красоты нашего города.

Дима сдержанно выдохнул, прекрасно понимая, какие красоты смотрят по ночам. Но ревновать на этот раз не получилось, ему же сказали – не ревнуй. Скорее, просто тёплая расслабленность от медленных поглаживаний по голове растекалась внутри, и стало так хорошо, что даже плохо. Лежать бы так вечно и не слышать, как и в самом деле через пять минут закрылась входная дверь за Александром. Он всегда держит своё слово, с тоской подумал Дима, поднимаясь, наконец, с пола.

А наутро он обнаружил на своём рабочем столе три килограмма конфет «Нива» и небрежно нацарапанную записку – «Последняя - моя».

Да, определённо стоит взять за правило приходить на работу чуть раньше Лиды. На всякий случай.

- Дима, можешь не маячить за дверью, а просто зайти, - Александр сидел за столом и даже головы не поднимал, Дима это точно видел в приоткрытую дверь.

- Я не маячу, а выполняю общественное поручение.

Улыбка растягивала губы даже без разрешения и особенных усилий. Всё-таки никто ему не дарил три килограмма любимых конфет. Надо было поблагодарить. Только вот отрывать от работы не хотелось. Сегодня Лида весь день летала туда-сюда, из кабинета в кабинет, куда-то звонила, что-то отправляла и принимала. Дима даже сам два раза принял факс, пока её не

было в кабинете. С англичанами контракт был заключён, ну ещё бы... Кто сможет отказать Александру Владимировичу, тот явно враг себе и всем своим близким – проклянёт. Лида злилась, что Александр Владимирович разогнался как электропоезд и не обращает внимания на то, что чисто физически невозможно выполнить все его поручения.

- И какое общество тебя послало? – Александр отвёл взгляд от ноутбука и выгнул бровь, глядя на Диму, закрывающего дверь.

- Общество анонимных гомосексуалистов, - хмыкнул тот и подошёл вплотную к Александру, посмотрел сверху вниз и коротко вздохнул. – Требуют, чтобы я превысил свои полномочия и склонил занятого работой начальника к разврату.

Александр обнял Диму за пояс одной рукой и усадил себе на колени.

- Народ всегда прав, поэтому действуй.

Да, это определённо был лучший поцелуй в истории фирмы. В коридоре кто-то разговаривал и громко смеялся. Потом Лида на кого-то психанула, пробегая мимо кабинета. Цок-цок-цок каблучками, и Дима подумал, что его сердце прямо сейчас остановится. Но его быстро отвлекли, сжав пальцами шею. Весьма собственнический жест, где-то на периферии сознания с радостью отметил Дима и медленно отстранился. Дыхание совсем закончилось. Александр чмокнул его в щёку и отпустил.

- Да, кстати, у тебя когда день рождения?

Дима растерялся. Вот уж даты он всегда запоминал плохо, будь то свой день рождения или новый год - одна фигня. Зачем запоминать, всё равно кто-нибудь напомнит. И без того в башке столько цифр, что, того и гляди, из ушей посыплется.

- В октябре... третьего, - напряг Дима память.

- Отлично, у меня есть для тебя подарок, - Александр достал сотовый телефон и стал что-то искать.

- Да? В мае?

- Я надеюсь, что до октября ты успеешь закончить проект.

Дима медленно опустился на край стола и, задумавшись, постучал костяшками пальцев по матовой поверхности. Проект? Есть только один проект, о котором все говорят уже давно. Тот самый, который Диме очень не нравился. Неужели?..

- Но его уже выкупили у «Омеги», - недоверчиво предположил Дима, на что Александр снисходительно улыбнулся и, дотянувшись, погладил Димину коленку.

- И что с того? Я не хочу, чтобы там стояла какая-то хрень вместо лестницы. И окна – это же прошлый век, ну, ты меня понимаешь?

У Александра очень хорошо получалось изображать голос пьяного Димы и то, как он морщил нос. Всё, что ли, запомнил? Вот стыдища-то... Надо прекратить пить так безобразно.

- Но это куча денег... - Дима всё ещё не верил, потому что это был полный бред - выбрасывать столько денег в мусорное ведро, по сути. Ну не понравилась ему лестница, бывает.

- Это дешевле, чем потом перестраивать, - резонно возразил Александр и серьезно посмотрел на Диму. - Возьмёшься?

- Да... конечно, возьмусь, если это реально. - Голос сел и даже захрипел на середине фразы. А щёки горели от радости и восхищения. Он даже и подумать не мог, что этот проект всё-таки будет его.

Александр кивнул и набрал чей-то номер, не отпуская Димину коленку. Значит, уходить не нужно.

- Да, Сева... это Александр. Останавливай запуск. Да, без вариантов, Сева. Не мне тебя учить, как его остановить. Да, будет новый проект. Да потому что головой думать надо, а не кидаться на длинные ноги. Закрывай и не думай, если не умеешь. Да, давай. - А потом он отложил сотовый и посмотрел на Диму. - Завтра директор подпишет бумаги, и проект будет твоим.

Дима широко улыбнулся.

- Ну спасибо, блин, большое. Впервые слышал, чтобы так с директором разговаривали. Я, будь на его месте, вообще бы всю Землю остановил нафиг.

- Я знаю, что ты от меня без ума. Но мне работать нужно.

- Понял, отваливаю.

Дима спрыгнул со стола и, открыв дверь, обернулся на пороге, чувствуя на себе взгляд Александра. Они молча посмотрели друг на друга, и Дима вышел.

Кто-то сверлил потолок, Дима вынырнул на поверхность и понял, что это всего лишь сотовый истошно верещал о том, что пришло сообщение.

- Твою мать... - вздохнул Дима, увидев на экране время - три утра. - И какому придурку не спится? Мне-то спится... и очень хорошо.

Развернув сообщение, Дима напряг зрение, чтобы прочитать расплывающиеся буквы.

«Есть два билета на балет, что ты думаешь по этому поводу?»

Незнакомый номер, без подписи. Дима вскочил и сел кровати, вмиг проснувшись. Александр, что ли?

«Когда я сплю, я не думаю. Это свидание?»

«Это балкон. Не люблю балет»

«А зачем тогда билеты?»

«Там темно и не видно, что я сплю»

«Ходишь на балет, чтобы спать? О_О»

«У всех свои заморочки. Составишь компанию?»

«Да»

Дима нажал отправку и закусил губу. Это вообще уже ни на что не похоже. Прямо как роман. Самый обычный, как у всех, с конфетами и свиданиями.

«Хорошо, я за тобой заеду. Лида»

Дима похлопал глазами, пытаясь отогнать наваждение. Но подпись была однозначной и никуда пропадать не собиралась. Шутка? Или нет?... Да, как-то на Александра не очень похоже приглашать его на свидание, приехал бы просто и всё.

Дима дрожащими руками набрал этот чёртов неизвестный номер и несколько бесконечных гудков слушал, как колотится в висках сердце.

Наконец, трубку взяли, но отвечать не спешили.

- Лида? Совсем что ли офигела писать в четыре утра.

- Это не Лида, это какой-то неизвестный дядя, - от сердца вмиг отлегло. Всё-таки это он. - И сейчас не четыре, а только три утра. И у меня уже рабочий день начался.

- Да, пораньше начнём - попозже закончим.

- Ладно, ответ получен. Ложись, спи дальше. Пока.

Александр отключился, и Дима ещё несколько минут смотрел на телефон, пока не заснул опять. И приснилось ему, что на балете можно не только спать, потому что это же балкон... тьфу, нет, не то... потому что это любовь.

Часть 5. Двое.

Последний раз, когда у Димы от любви сносило башню до такой степени, что уже и спать не хотелось, был... не был. Да пожалуй, такого не было никогда, и что с этим делать, тоже было непонятно.

Хлопать глазами, глядя в тёмный потолок, по которому скользят отсветы проезжающих мимо дома машин, было до ужаса странно и, если честно себе признаться, тревожно. Это точно какая-нибудь болезнь, подумал Дима, вставая с кровати и включая компьютер. Что-нибудь вирусное.

- Ага, и передающееся половым путём, - ответил компьютер загрузочной страницей. Работать в два ночи, конечно, приходилось и ранее, но это была вынужденная мера, а не так, чтобы лишь бы куда деть расплавившиеся напрочь мозги. «Заеду...» А когда, трудно было сказать?

Александр был повсюду: его голос, запах, вкус, дыхание... Дима даже не думал о нём, а всё равно незримо чувствовал присутствие чего-то большого, нового и пугающего, и сердце глухо било сто двадцать в минуту.

Конечно, влюблённость бывала и раньше. Лёгкость, беспричинный позитив и улыбки по утрам. Дима честно признавался себе, что это было только его и ни с кем делиться он не собирался. И было совсем не важно, что предмет обожания не знал ни о чём и жил себе преспокойно рядом или учился в параллельной группе, было достаточно только того, что он есть и на него иногда можно посмотреть.

А теперь? Дима вертел в руке телефон, автоматически просматривал контакты, периодически

зависая на номере с пометкой А.В. Ну не звонить же ему в два часа ночи? И по какому поводу?

- Меня плющит и колбасит, Александр Владимирович, что вы думаете по этому поводу? – проговорив этот бред вслух, Дима кинул телефон на кровать и перестал о нём вообще думать. Ему дали проект, нужно собрать материал. Очень даже хорошая причина просыпаться по ночам.

Интересно, а это взаимно? Не влечение. Надо спросить, но как же страшно, а если нет?

- Забей, - выдохнул Дима и, включив ночник, загрузился работой.

А спросить всё равно нужно. Если уж начал идти, то нужно идти до конца. А ещё наглость – второе счастье. Да, а привычка – вторая любовь. На том мир и стоит.

Александра Владимировича опять не было с самого утра. Лида ликовала и оттягивалась по полной. Вид бледного и уставшего Димы почему-то развлекал её просто невероятно. И подкалывала и подкалывала, что же ему, бедняжке, не спалось, может, комарики пищали и кусались? Умереть, как смешно. Впервые Дима подумал о том, что всё-таки у Лиды нет близких друзей не просто так.

- Димочка, а давай я в тебя влюблюсь? – вдруг спросила она ни с того ни с сего, записывая в книгу регистрации какие-то секретные переговоры.

Дима хмыкнул и оторвался от компьютера.

- Ну попробуй.

- Буду собирать твои фотки, приклеивать в альбомчик, показывать подружкам и вздыхать по ночам.

Дима напрягся. Всё-таки Лида была не настолько простой, чтобы что-то говорить от балды. Что-то тут есть. Может, она экстрасенс? И видит насквозь?

- У тебя же нет подружек. Совсем недавно жаловалась.

- Ай, фигня, - махнула рукой Лида и как-то плотоядно улыбнулась. У Димы аж скулы свело от напряжения. Она знает. Или догадывается. – Можно просто для себя держать, чтобы иногда просматривать. Во! Ещё можно стихи писать. Знаешь, Димасик, стихи – это самое совершенное признание в любви.

- Вообще-то Земфира сказала это про песни.

- Слушаешь Земфиру? – Лида спросила это, не отрывая взгляда от тетради, но у Димы всё похолодело внутри от тона её голоса. Вот тебе и девочка-ромашка.

- Слушаю, даже на концерт ходили с женой, - Дима врал про концерт, но нужно было упомянуть Вику, чтобы мозгокопание Лиды натолкнулось на некоторую преграду. Дураку понятно, куда она копает.

- А я думала, ты рок там всякий, хэви-метал, волосатых мужиков любишь, - Лида засмеялась и показала, как они, эти самые волосатые мужики, трясут своими волосами. – Дим, ты собственник?

Вопрос, конечно, попал прямо в голову. Да, гламурная девочка, встречающаяся с электриком,

оказалась экстрасенсом. В это проще было поверить, чем в то, что то, что Лида сейчас несёт, не имеет никакого глубинного смысла. Ну что же, чёрт возьми, ты знаешь?!

- Нет, - пожал Дима плечами. Он вёл себя спокойно и расслабленно как всегда, даже голос не поменялся, хотя это самый подлый предатель из всех возможных. - Если человек хочет быть со мной, пусть будет, если нет - я держать не стану.

Лида отложила ручку и, подперев голову рукой, серьёзно посмотрела на Диму. И тот мгновенно понял, что сейчас наступит конец света - Лида что-нибудь выдаст.

- Вчера вечером ты домой свалил и на своей тачке врезался в какой-то джип, когда выезжал со стоянки. Потом ещё бегал вокруг, руками размахивал, как бешеная канарейка...

Дима вспыхнул. Он даже и не мог подумать, что у его внезапной истерики будут свидетели. Ну конечно, кроме того придурка, который поцарапал машину и ещё что-то там пытался объяснить на древнерусском матном.

- Ну?..

- Зашла я в это время в кабинет к Александру Владимировичу, он там по телефону с кем-то разговаривал и в окно смотрел на твою активную деятельность. Улыбался.

- И что? - Дима выгнул бровь и ждал продолжения, но Лида вместо этого широко улыбнулась и встала из-за стола.

- Вот я и говорю, влюбиться хочу. Хоть в кого-нибудь, - тише закончила она, выходя из кабинета.

Дима растерянно поводит курсором по чертежу и расплылся в улыбке. За ним опять присматривают.

Сообщение о том, что Александр приедет в шесть вечера, пришло без пятнадцати шесть. Дима посмотрел на экран и медленно отложил телефон. Вот незадача. Надеть было абсолютно нечего. Этот новый проект съел все мозги, поэтому о магазине забылось сразу, как только вспомнилось. К тому же Дима просто ненавидел ходить по магазинам. Комплекс детства, ага, он самый. Мама любила наряжать Диму во всякие модные вещички, как она называла этот процесс прилюдного унижения. И постоянно выбирала одежду на размер меньше, чтобы Дима был похож на тростиночку. Это тоже была её фраза, которая периодически вспоминалась ночами, и Дима стоял в одном нижнем белье посреди торгового зала, а мама говорила, что он тростиночка и вообще прелестный ребёнок. Но в один прекрасный день Диме надоело и он заявил, что больше с мамой по магазинам ходить не станет и ни про какие штанишки и свитерочки слушать не желает. С тех пор в магазин он заглядывал как тот солдат, у которого горит спичка.

Парадно-выходной пиджак остался ещё со времён школы. Тёмно-синий, очень приятный на ощупь, удобный и, понятное дело, старомодный. Но Дима наплевал на моду с высокой колокольни, главное - не выглядеть неопрятным, а остальное фигня.

Когда раздался звонок в дверь, Дима носился по дому в трусах и рубашке в поисках утюга, похоже, подлая Вика забрала его в свой новый дом. А пиджак по закону подлости совершенно случайно навернулся с вешалки ещё в прошлом году и помялся.

- Только ничего не говори! - предупредил Дима вошедшего Александра и продолжил

занимательную беготню от кухни до гостиной и обратно.

Александр молча прошёл в гостиную, окинул комнату беглым взглядом и, поймав за руку психующего Диму, указал пальцем в сторону окна, где за занавеской на подоконнике прятался этот несчастный утюг. Когда в твоём собственном доме неожиданно обнаруживаются незнакомые вещи, это похоже на шок. Дима впервые в жизни видел этот утюг, и пользовался, насколько память не изменяла, тоже впервые. Освоение новой техники получалось на троечку с минусом, потому что всё усугублялось тем, что Александр, не имея ни такта, ни сочувствия, сидел в кресле и неотрывно следил за неловкими движениями Димы.

- Нравится смотреть на то, как люди работают?

Александр кивнул, вот же, блин, откровенный!

- Имеющий глаза да увидит, особенно, когда и послушать есть чего.

- А ты матом совсем не ругаешься? Даже если молоток на ногу упадёт?

Дима нервно хихикнул, представив, как бы это выглядело. Почему-то идеальный и невозмутимый Александр прямо просил, чтобы ему на ногу уронили молоток.

- Если я беру в руки молоток, то забиваю им гвозди, а не роняю на ноги.

- А как же теория вероятности и эффект неожиданности? - Дима отставил утюг в сторону и критически осмотрел свой пиджак. Для сельского клуба сгодится, но не для театра. Да, колокольня для плевания на моду и приличия хоть и высока, но разум всё-таки победил, и Дима, не раздумывая долго, откинул пиджак в сторону. Можно пойти в одной рубашке.

- Я не отвлекаюсь и контролирую свои движения. Например, не вижу смысла гладить пиджак, чтобы пойти в рубашке. Решу сразу, что если гладить не умею, то нужно искать иные варианты.

Дима широко улыбнулся и, прикусив нижнюю губу, подошёл к Александру. Поставил колено на край кресла и наклонился к самому уху, чувствуя тепло и запах кожи. Дурман. И в голове стало так легко от того, что можно делать всё, что угодно. Он же разрешает!

- Я люблю, когда на меня смотрят, - прошептал Дима и, не удержавшись, быстро скользнул губами по ушной раковине Александра.

- Опасный момент, - засмеялся тот и обнял Диму одной рукой за пояс, прижимая к себе, а вторую запустил под рубашку. Погладил живот и скользнул выше.

- О бя... - выдохнул Дима, чувствуя как подушечки пальцев сжимают сосок. Вдруг стало жарко и щекотно. Хотелось выскользнуть, но Александр не позволил.

- Не ругайся. - Рука сползла с груди на живот, а потом чуть ниже, приспуская резинку и запутываясь пальцами в жёстких волосах.

- Бля... - Дима громко задышал и поцеловал Александра в висок.

- Ладно, можешь ругаться. Мне даже нравится.

- Обойдётся.

Дима нахально улыбнулся и стал быстро стаскивать с Александра пиджак.

- У нас же есть время на маленькие радости?

- Конечно. И пусть весь театр подождёт.

Дима остановился на третьей пуговице и вмиг стал серьёзным.

- Когда начало?

- Начало уже положено, так что продолжай.

Дима сполз с коленей и исподлобья посмотрел на Александра. Он, как всегда, был невозмутим и спокоен, даже развалившийся в кресле в полурасстёгнутой рубашке. Моментально вспомнился молоток.

- Мы никуда не едем, что ли? А нафига я тут убивался с этим утюгом?

- Ты же всё равно ничего не нагладил, так зачем жалеть?

- Ты меня бесишь, - вздохнул Дима и нервно передёрнул плечами. - Давно не работал клоуном. Я вообще не понимаю, какого...

Александр поднялся с кресла и расстегнул брюки. Дима замолк и, широко раскрыв глаза, смотрел на то, как брюки скользят вниз и остаются лежать на полу. Почему-то от них невозможно было оторвать взгляд, словно это вторая кожа вдруг свалилась с Александра и он остался совсем беззащитным.

- Не понимаешь? Сейчас объясню.

Конечно, щаз! Кто тут ещё беззащитный?!

Дима не успел поднять глаза, как его опрокинули на диван и раздели.

- Ух ты... Вот это скорость, - засмеялся он, но Александр прервал смех поцелуем. Терпким и глубоким.

- Вкусный, свежий мальчик, - выдохнул он Диме в ухо и поднял его ноги себе на плечи. Тот растерянно охнул и опять засмеялся.

- Прямо как американские горки. Мёртвая петля...

Александр наклонился ниже и опять поцеловал.

- Твои сравнения бесподобны. А сейчас потерпи.

Дима почувствовал прикосновение к коже, движение и инстинктивно напрягся, а потом страстный поцелуй отвлек его от раздумий на тему «потерпи», и когда Александр вошёл, он даже не успел испугаться. Не до того было. Удовольствие на грани боли, кажется, он уже начал привыкать к этому. И желать повторения постоянно.

- Как ты можешь быть бодрым после секса? - Дима растёкся по сидению автомобиля и сонно следил за дорогой. Вивальди, который стал почти родным, что-то там выражал по поводу времён года на заднем плане, и в голове кружились образы недавнего разврата. Кажется, Дима

только и повторял, что «ещё... да, сделай ещё так». Под Вивальди очень даже хорошо пошли воспоминания.

В театр они всё-таки поехали. Александр под пытками выдал ценную информацию, что начало в восемь часов.

- Я всегда бодрый после занятий спортом, - подмигнул он.

Был бы Дима в более вменяемом состоянии, точно бы ему врезал. А может быть, и нет. Он же шутит. Наверное...

- Лида нас подозревает. Видела, как ты улыбался, глядя на меня в окно.

Дима отвернулся, немного смутившись. Они стояли на светофоре, и какая-то девушка, сидевшая за рулём соседнего автомобиля, мило улыбнулась. Дима невольно ответил ей улыбкой. Всё-таки настроение у него было хорошее.

- Женщины склонны искать смыслы везде, даже там, где их нет, поэтому и разочаровываются часто.

Дима всё ещё продолжал улыбаться, мельком глянув на Александра. И даже когда автомобиль тронулся, и они понеслись по трассе, обогнав улыбчивую девушку на красной «Ладе». А потом улыбка померкла, и Дима устало закрыл глаза.

- Толкнёшь, когда приедем, - ровно проговорил он, чувствуя, как горло медленно, но верно сдавливают от волнения. Зачем он так сказал? Всё же было хорошо, и большего не требовалось.

Всё на ваше усмотрение, Александр Владимирович. Спорт так спорт.

Балет был до ужаса скучным. Единственное, что развлекало – это мальчик в колготках в роли принца, который прыгал по сцене с таким грохотом, что даже на балконе было слышно.

- Лебединое озеро – балет для профилактики, - зевнул Дима и устало потёр виски. Ему хотелось домой, чтобы подумать в спокойной обстановке без музыки, мальчиков в колготках и пристального взгляда Александра. Нет, он с интересом смотрел балет, но Дима периодически чувствовал на себе его взгляд, и становилось ещё хуже, чем было в машине. Он не хотел выглядеть жалким и уязвлённым. Ему вообще всё было по барабану. Если бы...

- Для траура, - поправил Александр, на что Дима даже не улыбнулся. К горлу подкатила противная тошнота. Это всегда случалось, когда он особенно нервничал. Нужно было срочно попить воды и успокоиться.

- Я сейчас вернусь.

В фойе было прохладно. Дима опустился на тахту, стоящую около входа в туалет и медленно выдохнул добрую половину напряжения. Мысли с бешеной скоростью проносились в голове. Может быть, Александр просто пошутил, чтобы в очередной раз задеть и вызывать реакцию? Бихевиорист хренов. Стимул – реакция. Да нет... просто...

- Он действительно так думает, - прошептал Дима и постучал кончиками пальцев по деревянному подлокотнику тахты. – Без вариантов.

Стало чуть легче. Дима всегда предпочитал иметь лишь одну точку зрения, что не позволяло

сомневаться и отступить. Александр его не любит, решил Дима, и это намного упрощает дело.

- Это вообще самое лучшее, что могло бы быть, - улыбнулся он смотревшему на него с портрета Леонардо, а потом опустил голову и шмыгнул носом. - Чувства - это прошлый век, энергия - это век нынешний. Хочешь - бери, не хочешь - вали! Тебя никто не привязал, - тише заключил Дима и, подняв голову, резко вздрогнул.

- Мальчик в колготках растрогал?

Александр стоял, засунув руки в карманы и лукаво улыбаясь. Отказаться от него просто невозможно, в отчаянии подумал Дима и согласно кивнул.

- Домой хочу. Балет после секса - деньги на ветер.

- Это подарок, я ничего не платил.

- И кто же такой щедрый? - Дима встал с тахты и пошёл первым, стараясь не оборачиваться.

- Твой директор.

- А твой?

- А я тут проездом. Сева просил помочь, я согласился.

Дима на миг замешкался, обрабатывая только что полученную информацию. Жёсткий диск не хотел запускать программное обеспечение. Очевидно, перегрелся. Александр может уехать?

- И надолго? Согласился... - Дима посмотрел на Александра и ласково улыбнулся, поймав его тёплый взгляд.

- Как пойдёт.

Он опять подхватил Димину руку и поцеловал запястье, там, где трепетно билась жилка. А потом коснулся губами линии жизни, словно оставляя свой след. Навсегда, пронеслось в Диминой голове. Это останется с ним навсегда.

- Ты знаешь, что песня - это самое совершенное признание в любви?

В машине Диме стало чуть легче. Или, может быть, после этого, уже ставшего традиционным поцелуя. Александр слегка улыбнулся, но ничего не ответил.

- Вот эта, например:

Предельная осень гуляет по Питеру

И встретить тебя, да и поговорить бы

Нам смущаясь столкнуться холодными лбами

И чтоб заискрилась земля между нами.

И чтоб по мостам до изнеможения,

И чтобы всю ночь глубина и скольжение

И не расставаться так суток на трое

И чтобы рефреном: нас двое, нас двое, нас двое, нас двое...

- Любишь слова?

Дима смотрел в окно и едва мог дышать. Это было слишком для него. Честно и очень страшно.

- Не люблю мифологию.

Они остановились на светофоре и, когда Дима посмотрел на Александра, тот молча обхватил его пальцами сзади за шею и привлёк к себе. Поцеловал.

- Нас двое.

* Текст песни Д. Арбениной

Часть 6. Бархат.

Сына звали Юрой. Это Лида сообщила утром в пятницу, когда влетела на крыльях любви к работе в кабинет, где Дима уже всюду трудился - так запишут потом в анналах истории. Но на самом деле всё выглядело несколько иначе, он развалился на стуле и откровенно спал, прикрываясь монитором. Утром работать было жёстко как сложно. Лучше вообще не засыпать и жить в режиме нон-стопа, пользы было бы больше.

- Спи-спи, всё на свете проспичь! - Лида заорала Диме в ухо и ещё потом долго смеялась, когда он инстинктивно дёрнулся встать как с кровати и ударился коленкой об стол.

- Твою мать, Лида! - с трудом понимая, где он вообще находится, поздоровался Дима. - Обожаю армейские шутки!

- Тебя в армию не взяли, так что отработывай.

Лида скинула пиджак и подошла к окну, открыла форточку. В кабинет потёк душный запах сирени.

- И что же я проспал, когда спал? - Дима сладко потянулся и подёргал впающую в летаргический компьютерный сон мышку.

- У Александра Владимировича родился ребёнок, - серьёзно проговорила она и, поймав прифигевший Димин взгляд, издевательски подмигнула, - лет двадцать назад.

- Он приходил, что ли, сюда? - полюбопытствовал Дима, чувствуя, как сердце постепенно успокаивается. Вот же подлая женщина! Знает, с какой стороны подавать информацию, чтобы она усвоилась.

- Ага, - Лида продефилировала по кабинету и села на своё место. - Дверь мне открыл, пожелал удачного рабочего дня. Одним словом, полная противоположность своего отца. Просто душка.

Дима улыбнулся, вспомнив мальчика на фото рядом с Александром. Всё-таки он угадал. Действительно сын.

- Лови момент, сын начальника, к тому же ещё и душка. Достойный кадр.

- Сволочь ты, Дима, - ласково протянула Лида и чувственно вздохнула. - У меня, может быть, впервые такое отношение к парню, а ты про выгоды... - А потом она махнула рукой и стала прежней Лидой. - Да не, маленький он, ещё в институте учится, и зовут его по-дурацки - Юра. Все Юры какие-то нервные.

- Имя-то тут при чём?

- Как при чём? - Лида изобразила искренний шок. - А в постели как же звать? Надо, чтобы приятно было.

- А зачем звать?.. - удивился в свою очередь Дима и тут же осёкся. А он Александра всегда только по имени-отчеству называл, да и то... стебаясь. Ну прям такая любовь, куда деваться. Но как его можно назвать Сашей? Это же... как не про него вообще. Он Александр Владимирович. Александр... Любимый Александр.

- Конечно, сам придёт, я даже не сомневаюсь, - Лида хмыкнула и бросила на Диму красноречивый взгляд, способный зажечь бенгальские огни. Димочка, гори! - Всегда было интересно, а это больно?

Дима хотел бы оказаться сейчас на Северном полюсе, чтобы, во-первых, остудить отчаянно горящие уши, а во-вторых, чтобы отделаться от Лиды, выжидательно смотрящей на него в упор. «А вам не приходило в голову копыё?» - некстати вспомнился КВНовский прикол.

- Терпимо, - честно ответил Дима и добродушно улыбнулся. Ну а что ему ещё оставалось делать? Сама догадалась, никто не виноват.

- О... - теперь настала очередь Лиды краснеть. Это было несколько неожиданно. - Слушай, Минаев... я же только предположила... Охренеть...

- Да, охренеть можно, - усмехнулся Дима и вернулся к работе. А это оказалось намного проще, чем он думал вначале. В конце концов, он был уверен в том, что Лида ему не опасна. Она и раньше это чувствовала. Относилась, как к младшему братишке. Дима надеялся, что это так и останется между ними.

- А сын его знает? - тише спросила Лида, немного придя в себя.

Дима пожал плечами. Он и сына-то ни разу не видел. Фотографии не считаются. И почему-то даже не хотелось. Вообще, семья Александра его мало волновала. Дом его был холодным. Очевидно, на всё есть свои причины, и Диму они не касаются.

- Сегодня в клубе будут танцы, пойдёшь?

Дима открыл один глаз и посмотрел на часы. Ну конечно - пять утра. Брать трубку на автопилоте он мог, а вот общаться ещё пока не научился. Но очень скоро адресируют. Ну никакого уважения к чужому сну!

- Ты прям вовремя... как раз о тебе думал, - сонно прохрипел Дима в трубку и тяжело вздохнул, усаживаясь на кровати. Александр хмыкнул в ответ, видимо, не оценив прикол. Хотя, фиг его знает. - Какие танцы? В честь чего?

- У директора твоего день рождения, нужно веселиться в обязательном порядке. Тебя разве не учили этому в институте?

Дима растерянно почесал лоб. Он даже и не знал о дне рождения. Наверное, Лида говорила, только он в последнее время всё, что не касалось Александра, пропускал мимо ушей.

- А я тут при чём? – выдал он самый правильный и самый короткий вопрос. – Я вроде как специалист среднего звена, с директорами не общаюсь.

- Не стоит напрашиваться на комплимент. Сева сказал, чтобы я тебя взял. Ты же теперь наше всё.

- Гонишь, конечно же... - Дима уже совсем проснулся и раскраснелся. Наверное, светился даже в темноте, так стало вдруг жарко и приятно. Он всегда любил, когда его хвалят как бы между делом, так, что даже и не поспоришь чисто из скромности. Александр всегда отвечает за базар. И почему ещё никто не придумал такую фигню, которая бы позволяла целоваться через телефон?

- Вдохновляю на подвиги. – Александр явно улыбался на том конце, и Димины ладони стали влажными, сейчас точно начнёт нести всякую чушь в эйфории, а потом будет стыдно. - Утюгом убиваться не нужно, дресс-код отменяется.

- Я ещё не согласился... - помялся Дима. Просто это на самом деле было очень странно – идти в клуб с директором и Александром. Словно это строительство карьеры не тем путём, каким он всегда хотел её строить. Дима, конечно, обожал Александра во всех его проявлениях, но быть его протеже не хотел. – Нужно соблюдать дистанцию.

Александр молчал ровно одну секунду. За это время Дима уже тридцать три раза пожалел о своих словах, но отказываться не стал.

- Я давно тебя не видел, - тихо сказал Александр, и это всё решило.

- Я приду.

Клуб назывался «Бархат». Раньше был «Примус», дизайн которого разрабатывал сам Дима в лучших рокерских традициях. Строчки из известных песен на стенах, кожа и металл, чёрно-красная сцена и заводские трубы под потолком. Это был любимый Димин дизайн, жалко, что не прижился.

Всё изменилось, когда клуб выкупили столичные джентельмены и устроили в нём логово порока и разврата – тотальный гламур, вход по пропускам, отборные девочки и много-много необоснованных понтов. Дима в «Бархате» не был ни разу. Он вообще танцевал плохо и боялся напиваться в общественных местах. Но каждый раз напивался и всегда это выходило ему боком.

Всеволод Игнатьевич пришёл с двумя девушками, которые не очень-то были похожи на его родственниц. Типичные длинноногие блондинки из недавней рекламы зеркальных лифтов. Красивые, улыбчивые, в общем, неплохие девчонки, думающие, что всё можно получить чуть быстрее, чем положено. Главная проблема – переступить через себя, всего-то...

Дима жутко смущался и нёс какой-то бред про милицию, которая его сберегла на две тысячи рублей сегодня утром, нервно развлекал общественность, стараясь не смотреть всё время на Александра, который даже в гламурном клубе выглядел как завсегдатай, и одновременно оставался самим собой. Таким же чертовски притягательным и вместе с тем пугающим. Когда Дима наблюдал за его общением с директором, он поверить не мог, что сам подошёл к нему тогда в душе. Это невозможно. Просто невозможно. Перед ним заискивают, его боятся даже

раскрепощённые девушки, уже три раза положившие ручки Диме на плечи и колени, они опасно косились в его сторону и боялись задеть ненароком.

После первого коктейля - Дима так и не понял, чего туда намешали, но очевидно, что-то очень крепкое - стало так хорошо, что даже Всеволод Игнатьевич, которого Александр называл просто Севой, стал таким простым и своим парнем, что Дима совсем расслабился и стал получать удовольствие от вечера.

- За именинника, - поднял Александр бокал и сделал небольшой глоток, неотрывно глядя на Диму. Тот залпом осушил свой бокал и отвёл глаза на Свету, да, кажется, ту, что сидела справа, звали Светой, а вторую - Ирой, хотя... может, и наоборот, они же так похожи. Но Свето-Иры Дима не увидел. Перед глазами стояло лицо Александра. Он явно думал о сексе, и это читалось на дне его тёмных блестящих глаз и в лукавой полуулыбке. Интересно, о чём конкретно он думает? О том, чтобы сделать это у всех на виду или куда-нибудь выйти? А может... вообще уехать отсюда, пока ещё Дима может соображать? Хотя зачем соображать? На Александра можно положиться и ещё выпить! Да, Сева, я так тебя понимаю! Наливай.

В ушах грохотала музыка, разговоры стали приватными, Свето-Ира ушла танцевать, покинув рассуждающих о скучном бизнесе мальчиков.

- Когда Саша мне позвонил и сказал, чтобы я остановил проект, я думал, что урюю его, когда увижу, - Сева обнял Диму за плечи и наклонился ближе, чтобы не кричать громко. - Ну ты же знаешь, что урыть его невозможно? Он же у нас этот... как его... твою мать, Македонский! Александр, бля, Македонский! Только коня не хватает. А так одно лицо...

Сева засмеялся, глядя на сидящего напротив Александра и показывая ему большой палец, мол, ты ваще крут, чувак.

- Ты слушай меня, парень, я уже пять лет директор, и всё равно хочу назвать его по имени-отчеству иногда. Представляешь? Представляешь... какой это человек... - Сева уткнулся носом Диме в плечо и хрюкнул от смеха. А он хороший директор, подумал вдруг Дима, стараясь хоть немного отвлечься от всепоглощающего взгляда напротив. Он его обволакивал, раздевал, скользил по разгорячённой коже, облизывал и щекотал. Диме казалось, что он реально чувствует нежные прикосновения в области паха и прикусил губу, чтобы не застонать от удовольствия. От Александра исходила такая мощная энергия, что возбуждение перманентно бродило под кожей, и ничто не могло утолить жажду, никакая выпивка и разговоры. Нужно было как-то отвлечься, а то руки сами собой тянулись к запретному. Не здесь!

- Я старше тебя, не забывай, - хрипло проговорил Александр и улыбнулся вернувшемуся в реальность Севе. Этого голоса Дима не выдержал и резко поднялся с места. Танцы! Надо пойти потанцевать, иначе... иначе он просто свалится в обморок от перевозбуждения и невозможности что-либо с ним сделать.

- Я танцевать, кто со мной? - он ненавязчиво коснулся плеча Александра, по телу прошла электрическая волна, и тут же отдернул руку. Тепло осталось на ладони.

- Две прекрасные девушки, - Александр лукаво улыбнулся и подмигнул. Он это делает специально! Специально, чтобы Дима точно свалился на пол. Не дождётся! Дима всё-таки выдержал этот невозможный взгляд и вполне твёрдой походкой дошёл до Свето-Иры, с радостью принявшей его в свою компанию.

Музыка в стиле техно, девочки в стиле секси, жизнь в стиле лайфа, глаза цвета кофе, следящие за танцполом - Дима был счастлив, как никогда счастлив. А потом мозг просто отключился.

Осталось одно лишь движение.

- Дима, мой... только мой, посмотри в зеркало, - Александр стоял сзади и обнимал за пояс. Дима с трудом включил сознание и понял, что стоит, держась руками за края раковины в туалете и смотрит... о боже... Александр целовал его шею, задрал джемпер и гладил живот. Дима смотрел на шальные от удовольствия глаза напротив, на влажные розовые скулы и призывно приоткрытые губы и думал о том, что это действительно зажигательно. Ни одна мысль о том, что мальчик в зеркале - это он сам, его не посещала. Это была шизофрения. Там, в зеркале, происходило что-то из ряда вон... а здесь в реальности дикий водоворот иных ощущений. И чёрт бы с ней, с этой шизофренией. Наслаждение затопило всё. Дима облизал губы, развратно, смакуя ощущаемую истому и сладко застонал.

- Я хочу тебя... всегда хочу тебя, - шептал Александр, глядя в зеркало из-за Диминого плеча и кусал его за ухо. - Красивый... мой мальчик.

Дима невольно закрыл глаза и громко задышал. Александр расстегнул его брюки и стал гладить уверенно и быстро. Он целовал Диму в шею сзади, прихватывал зубами и тянул. Дышал в ухо и двигал, двигал рукой, так, что Дима потерял ощущение пространства и уже не понимал, кто смотрит на него в зеркале и где вообще зеркало... В голове вспышками проносились обрывки мыслей, откровенные слова Александра, его поцелуи, его приказ:

- Выйди и дверь закрой с обратной стороны.

Дима широко распахнул глаза, понимая, что их кто-то увидел, но ничего не было в его карте памяти, только животное удовольствие и желание, чтобы Александр не останавливался... К чёрту всех! Хочу... тебя...

Руки соскользнули с края раковины, и Дима качнулся вперёд, упираясь одной ладонью в запотевшее зеркало. Из крана текла вода, где-то рядом гроыхала музыка. Александр обнимал его и крепко прижимал к себе.

- Кто это был? - скользя пальцами по холодному стеклу, спросил Дима. Увидев своё незнакомое лицо, Дима подумал, что он впрямь красивый и очень юный, словно школьник. Растерянный и довольный.

- Не знаю, - Александр прикусил кожу на шее и, сполоснув руку, закрыл кран. Стало так тихо, что можно было услышать два сбившихся дыхания. - Стыдно?

Дима повернулся к Александру лицом:

- Пох*й.

И, притянув его к себе, поцеловал.

Когда Дима вернулся к столику, там произошли значительные изменения. Сева держал на руках одну из Свето-Ир и откровенно лапал её, другая девушка громко завидовала и была уже в таком невменяемом состоянии, что травила какие-то матерные анекдоты. Рядом с Александром сидел кто-то новый и смутно знакомый. Дима напряг остатки разума и узнал этого мальчика - Юра.

- Дима, это Юра. Юра, это Дима, - коротко представил Александр и Дима встретился взглядом с тёмными пронзительными глазами. Твою ж мать... один в один как у Александра. Да, на фото Юра был не похож на отца, а вживую... даже слишком. Но Дима был невменяем, поэтому даже

не смутился. Приветственно поднял руку и широко улыбнулся.

- Привет-привет.

Дима аккуратно поднял ноги развалившейся на его месте отвергнутой Свето-Иры и плюхнулся на диван. Девушка тут же водрузила свою модельную красоту ему на колени и вышла в космос от радости. Ну пусть полежат, не жалко.

Юра смотрел на Диму косым изучающим взглядом. Как бы невзначай, но Дима на раз заметил его заинтересованность. Очевидно, мальчик что-то уже знал, но не всё, потому что его интерес был скорее внешнего свойства.

- А ты модель? – спросил Юра, сделав глоток коктейля, того самого, от которого у Димы пошли порнографические глюки. Но у мальчика такого не случится, самого важного ингредиента, который раздевает взглядом, у Юры не было. – Я сам фотограф, у тебя впечатляющие данные.

Дима мотнул головой. Если бы не удерживающие его на месте дополнительные ноги, точно бы свалился под стол. В голове было настолько лихо, что трудно было даже взгляд сфокусировать на лице собеседника.

- Я проектный... типа дизайнер, - протянул Дима и хотел взять свой бокал, но Александр ненавязчиво отодвинул его в сторону. Очень замечательно! И впрямь хватит уже. – Моделью быть очень сложно, а я ленивый...

Юра засмеялся и посмотрел на отца. Дима замер, поймав этот взгляд, и понял, что Юра тоже боится Александра и как бы спрашивает разрешения говорить дальше. И тот разрешал лёгкой улыбкой. Вот уж чего не ожидал, того не ожидал...

Ну такое прям снисхождение, куда деваться! Отчего-то Диме стало не по себе. По его представлению родители не должны себя так вести с детьми. Ну а впрочем... наверное, его это не касалось. Своего отца он помнил смутно, что-то такое нервное и достающее маму постоянно.

Диму больше занимала мысль, что спать в таком состоянии будет ой как непросто. Американские горки крутили его с бешеной скоростью, когда он закрывал глаза.

- Не сложнее, чем дизайнером. А ты работаешь с отцом?

- Нет, где-то рядом... Лида работает с ним и всё мне докладывает, - хихикнул Дима.

- Очередная папина фанатка?

Дима уже не мог сдерживаться и засмеялся громко, чем явно смутил Юру.

- Да она его терпеть не может. Его вообще очень трудно терпеть... - тише добавил Дима и мельком посмотрел на Александра. Тот откинулся на диване и сосредоточенно набирал кому-то сообщение. Но Дима мог поклясться, что он всё слышит и потом ему будет хана. О боже... быстрее бы была эта хана... дома на кровати, суток на трое.... нас двое, нас двое...

- Я сейчас вернусь, - Александр был явно чем-то недоволен. - Дима, ты больше не пьёшь, Юра, проследи за ним.

Сказал, как отрезал. Дима с Юрой хором кивнули и проводили его взглядом, пока он не

смешался с толпой танцующих.

- Ну и такие тоже встречаются. Латентные фанатки, - продолжил Юра. В отсутствие отца он не стал меняться, что несказанно обрадовало Диму. Юра не играл милого сыночка, интересующегося папиными коллегами. Ему действительно хотелось разговаривать с Димой.

- А ещё какие латентные есть?

- Ты про мальчиков? - Юра подался к Диме и заговорщицки улыбнулся. По всей видимости, коктейль нашёл и его мозг и медленно ел, если не уже... Глаза Юры блестели и на щеках вспыхнул румянец. - Дохлый номер. Он с этим завязал после Марка.

Дима где-то чувствовал ревность, но где она была, понять было сложно. Сейчас нужна информация. И очень много.

- Это ещё кто такой?

- Папин любовник. Сволочь ещё та. Я его даже заказать хотел, да он потом сам отвалил.

- Так всё серьёзно? - Дима облизал пересохшие вдруг губы и потянулся за бокалом с коктейлем, но Юра мягко остановил его руку. Понятно... что папа сказал - закон.

- Да я не знаю, что у них там было... Этот Марк был пренеприятнейшим типом, но отцу нравился. А потом разонравился, чему мы все только обрадовались.

Дима постучал пальцами по столу и что-то как-то загрузился. Его всегда напрягали истории о прошлом. Вроде бы информация, но кому она сейчас уже нужна? Только настроение портить.

- Слушай, Дима. А тебя можно будет поснимать когда-нибудь? - Взгляд напротив горел профессиональным азартом, Дима даже слегка смутился. - В свободное время, часик. Я просто фанат разных типажей. Совсем большой фотограф.

- И какой у меня типаж?

- Городской мальчик-мажор, - честно ответил Юра и улыбнулся ещё шире. - Получаешь наслаждение от жизни и ни о чём не паришься. У тебя всё есть, и может быть только лучше, больше и дороже.

Дима прикусил губу, чтобы не рассмеяться в голос. Такое о себе он слышал впервые.

- Теперь появилась ещё одна причина не идти в модели.

- Я не угадал? - Юра был явно расстроен. Боялся, видимо, что Дима откажется сниматься.

- Ну если говорить только об этом, то угадал, наверное, - пожал Дима плечами и зевнул. Глаза сами собой закрывались и даже техно-долбёжка и американские горки не могли вернуть его в тонус.

- Ты согласен?

Да уж... семейная традиция - добивать собеседника короткими однозначными вопросами. А с другой стороны, и чего такого? Ну пофоткает мальчик, порадуетя...

- Да, как-нибудь можно устроить. Пошлю маме красивые картинки. Повесит на стену в

рамочках.

- Извини, Дима. Я не хотел тебя задеть. Просто ты меня вдохновляешь, и я не могу отпустить тебя просто так.

- Ладно, запиши мой номер телефона. Позвони, когда я вспомню, как меня зовут.

- Позвоню, обещаю.

Когда Александр вернулся, Дима уже всю дремал, уткнувшись носом в кожаный диван. Больше за столиком не было никого. Все ушли на фронт танцевать.

- Поехали домой.

Александр погладил Диму по голове и помог подняться. Это было самое ужасное возвращение в мир из всех возможных. Пospать пять минут, а потом опять вставать и куда-то идти... Голова кружилась так, что того и гляди, оторвется и покатится. Тело в связи с этим объявило бойкот голове и жило своей какой-то аморфной жизнью. Дима ухватился за плечо Александра и едва мог передвигать ногами. Но его не торопили.

- А можно я буду называть тебя Сашей? – спросил Дима, когда они уже благополучно добрались до машины и сели внутрь.

- Можно, - Александр наклонился и, подняв лицо Димы, поцеловал его в щеку.

- Мне понравился твой сын, - довольно улыбнулся Дима и закрыл глаза. - Он действительно твой сын.

Часть 7.Выходной.

Дима медленно плывал в какой-то мягкой мути под музыку Вивальди. Это было настоящим подключением к космосу, и цветы на потолке - анютины глазки у мамы на балконе, облака какие-то... поцелуй... Глюки были настолько реальными, что Дима, даже открыв глаза и глядя на дорогу, не понимал, что это дорога, а не река. Они же плывут по реке, по Большой Воде, как индейцы майя. А потом что-то заставило его окончательно вернуться в реальность.

- А куда мы едем? – спросил он, собирая некультурно развалившиеся колени и усаживаясь на кресле ровно.

- Ко мне, - ответил Александр, улыбувшись. Последний из Могикан, благоговейно восхитился Дима, а потом помотал головой, вспоминая холодную комнату, где побывала нога дизайнера. Только не сегодня.

- Не хочу. Поехали лучше ко мне.

- Дома и стены помогают? – Александру явно не понравилось предложение, Дима это почувствовал, но уступать не хотел. Ну не нравились ему большие пространства. Никогда не нравились.

- Я плохо сплю в гостях, - усмехнулся Дима и закусил нижнюю губу.

- Твоя правда, - Александр протянул руку и ухватил его за коленку, слегка сдавил пальцами. - Поедем к тебе, спать тебя укладывать.

Дома было хорошо. Тихо и прохладно. Дима с трудом разулся, раскидав ботинки по коридору и, пошатываясь, прошёл в ванную.

- Там... ну ты знаешь, - махнул он рукой в неопределённом направлении и тяжело вздохнул. - Если я через десять минут не вернусь, ты один знаешь, где меня искать.

- Осторожнее, - серьёзно проговорил Александр, проходя в гостиную и зажигая свет.

- Угу, - буркнул Дима и закрыл за собой дверь.

Включив воду, он ополоснул горящее лицо и подняв голову посмотрел на себя в зеркало. Теперь там был он - Дима. Такой же как всегда, только немного пьяный... ну нечего, конечно, скромничать, много пьяный. Глаза мутные, губы раскраснелись и улыбка шальная-шалая.

- В стельку, - усмехнулся он и застрелил себя из указательного пальца, - стыдищааа... Ну не умеешь пить - не берись! Но казалось-то... это всё подлый коктейль...

Дима с третьей попытки расстегнул ремень на брюках и стянул их до середины бедёр, потом подрыгал ногами, чтобы они сами свалились. Видел в каком-то эротическом фильме. Хоба так! И брюки упали в одно мгновение, там в кино. Дима дрыгался как минимум минуту, прежде чем решил, что эротический герой из него не получится, и руками стянул брючины, зашвырнул штаны куда-то в угол, потом и джемпер туда же. От него пахло Александром, его туалетной водой и собственным запахом. Дима замер посередине ванной, прокручивая в голове обрывки недавнего разврата в туалете. Это было... Дима на автопилоте включил воду в душе и, сняв нижнее бельё, встал под тёплые струи. А собственно, почему в прошедшем времени?

Дима решительно вышел из-под струй и распахнул дверь. Сейчас он покажет класс! Движения были резкими, поэтому дверь долбанулась об стену так, что даже лампочка мигнула в ванной, ну и чёрт бы с ней. Дима поджал губы и твёрдой походкой от колена прошёл по коридору. Вода быстро испарялась с кожи, но изменённое состояние сознания упорно отказывалось говорить о холоде. Оно говорило о порно. «Быстро, качественно, порно». А что? Вполне себе актуальный лозунг.

Дима прошёл в гостиную, не глядя на Александра. Мозг работал в резервном режиме. И точно определял, что нужно делать, а чего не стоит. Он подошёл к тумбочке и открыл верхний ящик. Свалка каких-то документов, разноцветных проводков и почему-то фантиков из-под конфет, - извечный бардак и ни одного намёка на то, что он, собственно, искал. Вроде бы он положил их сюда... Нужно сначала найти, а потом уже приглашать. Так будет правильно. Дима чётко знал, как правильно. Он всегда всё делал правильно.

- Впервые вижу стриптиз вокруг комода, - подал голос Александр, и Дима непроизвольно хихикнул, продолжая рыться в макулатуре. Надо будет завтра разобраться, - ставим галочку.

- Никогда не угадаешь, что я ищу, - Дима обернулся и чуть не свалился на пол. Александр сидел в кресле в расстёгнутой рубашке и перекачивал в пальцах зелёный блестящий пакетик. - ***ец... Как ты это делаешь?

- Тренировался долго.

- Ёжик, нашёл? Нет ещё... - Дима медленно подошёл к креслу и, наклонившись, зубами взял пакетик из руки Александра. Тот скользнул рукой по Диминой спине, но он ловко увернулся. Тело было такое пластичное, словно без костей. По крайней мере, так казалось. Он провёл указательным пальцем по сдержанно напрягшимся бровям Александра и выдохнул через нос.

Они несколько секунд молча смотрели друг на друга. Дима водил пальцем по лицу, пока улыбка напротив не отвлекла его.

- Я жду приглашения, - Александр поймал руку и переплёл свои пальцы с Димиными. Тот опять коротко вздохнул и потянул за собой.

В ванной комнате клубился пар, Дима скользнул обратно под струи воды и, обернувшись, поманил Александра.

- Как в первый раз, - слегка улыбнулся он и протянул пакетик. Рука дрожала. - Ты совсем не изменился.

«Я всё ещё боюсь тебя», - Дима не решился сказать это вслух. Не стоит, он и так всё видит и знает.

Александр быстро разделся и подошёл к Диме. Провёл рукой по его плечу и потом по шее, потербил кончики волос и наклонился, чтобы поцеловать. Сейчас всё иначе, только страсть осталась прежней.

- Хочу тебя, - Дима отстранился и посмотрел в потемневшие от нескрываемого желания глаза. А потом повернулся спиной к Александру и упёрся руками в стену.

- Надеюсь, в этот раз ты меня не прогонишь, - не упустил случая поддеть Александр.

Дима едва справился с собой, чтобы не сползти вниз от этого тихого шёпота и, повернув голову, нахально усмехнулся в ответ:

- Посмотрим.

Александр ущипнул Диму за бок. Тот громко засмеялся и дёрнулся в сторону, но его удержали на месте.

- Не отпущу, - серьёзность в голосе Александра отозвалась мурашками, разбежавшимися по всему телу, от шеи, где горячие губы ласкали чувствительную кожу, до низа живота, где всё горело от предвкушения.

- Не отпускай.

Руки скользили по кафелю, Дима прижимался к нему щекой - прохладно - и закусывал губы. Несмотря на опьянение, сознание было включено. Каждое движение чувствовалось острее из-за повышенной температуры. Каждый поцелуй, прикосновение... проникновение. Хотелось закрыть глаза и забыться, как обычно, но Дима упорно этого не делал. Нужно было понять... что-то нужно было решить для себя...

- Расслабься... потом подумаешь.

Александр двигался медленно, словно специально увлекая за собой, чтобы нужно было тянуться, стремиться, догонять. А потом, когда Дима настигал, его накрывало, и он тихо стонал, не в силах сдерживаться и что-либо понимать. И его уносило всё выше и выше. И хотелось кричать от восторга. Снова и снова, до тех пор, пока не насытится.

- Может быть, сможешь?

Дима вынырнул из мягкого облака эйфории и окинул ванную комнату мутным взглядом.

Комнату он узнал, и это было уже хорошо. Александра, вытирающего его плечи, тоже, и это было вообще прекрасно. Сам он сидел на стиральной машинке и держался за висевший на вешалке халат, чтобы не упасть. Как в детстве, улыбнулся Дима, вспоминая, как мама мыла его в деревенской бане, а потом вытирала большим пушистым полотенцем и заправляла волосы за уши, чтобы они не падали на лоб. Дима провёл рукой по щеке Александра и почувствовал, как в глазах защипало. Вот это полный трюндец. Сейчас он точно разревётся пьяными слезами прямо при своём страхе и трепете. Ну он же такой классный!

- Не прокатит, - вздохнул Дима, вспомнив, о чём его спросили, и, опустив руку, глубоко вздохнул. Ещё бы доползти до кровати, и жизнь вообще удалась. Продать душу дьяволу за прекрасное мгновение. - Я недееспособный.

- Ты обнаглел, - Александр явно не был намерен с ним церемониться. Конечно, он же не мама. И слава богу! Такая страшная мама... Мама, а почему у тебя такие волосатые ноги? Дима с трудом сдержал смех и попытался всё-таки подняться сам. В конце концов, что это вообще за такое? Встать уже не может!

- Клевета, Александр Владимирович. И наговоры...

Дима стоял почти прямо и почти быстро провёл рукой по лицу, смахивая капельки пота, выступившие над губой и щекочущие кожу. Спать хотелось просто ужасно. Сознание уже плавало как льдинка в стакане, таяло, таяло...

Александр повесил полотенце на место и, ловко подхватив Диму под коленями, опрокинул себе на плечо. Понёс из ванной комнаты.

- ****ец... - охнул Дима, постепенно осознавая, что пол с потолком внезапно поменялись местами. - Я конечно понимаю, что ты крутой и все дела... Но мне давит на желудок... - Голос сорвался, и Дима прохрипел: - И это больно...

- Обожаю, когда комментируют каждое моё движение.

Александр одним быстрым движением сдёрнул покрывало, и кинул Диму на кровать.

- Благодарствуй, - расплылся Дима в улыбке и подвинулся, уступая Александру место. - Если будешь уходить рано, дверь просто захлопни.

Александр лёг на кровать и накрыл Диму одеялом.

- Спокойной ночи, - проговорил он, целуя Диму в губы. Тот протянул руку, чтобы обнять за шею и ответить на поцелуй, но мозг приказал долго жить и отключился.

Понять, где находится голова, было легко. То, что болело так, что даже дышать было трудно, определённо была она. Потом нашлись руки и ноги, маленькие иголки словно бы кололи их изнутри. Видимо, перележал. Дима набрал в грудь побольше воздуха и решил открыть глаза. Дома. И даже в темноте. Шторы были задёрнуты, и приглушённый свет не раздражал глаза. Часы показывали десять утра.

Дима со скрипом повернул голову и понял, что один. Да он даже и не надеялся. Наверное, это было лучше - Александр не увидит похмельное утро и перекошенное от радости лицо. Наверное...

- Но он мог бы, - прошептал Дима, вставая с кровати. - Сегодня же выходной...

В голове что-то щёлкало и ныло, но соображалось вполне сносно. Бывало и хуже, это ещё хорошо, что он не курил, тогда бы точно свалился на два дня.

Дима открыл шкаф и достал домашний халат. Надо как-то привести себя в порядок и поработать или устроить себе день загула. Нет уж... хватит загуливать.

Побродив по ванной и приведя себя и её в относительный порядок, он понял, что настроения нет ни черта, ни для работы, ни для загула. А это значит, что надо срочно вызывать Брюса Уиллиса и Бена Аффлекса!

- Ай донт вонна клоуз май айз... - от души прохрипел Дима, почти в такт с воображаемым Тайлером и широкими решительными шагами направился в гостиную. Переступив порог, он увидел призрак отца Гамлета, ага, не меньше, и резко затормозив, чуть не навернулся.

- Ты прямо кладезь талантов, - улыбнулся Александр, не отрываясь от ноутбука. Диминого ноутбука, между прочим.

- Приветствую тебя, кентервильское привидение за компом, - Дима прижался виском к косяку и почувствовал, как сердце забилося быстрее - он всё-таки не ушёл.

- Я воспользовался твоим интернетом, - Александр нажал кнопку отправки какого-то письма и посмотрел на Диму. Тепло и нежно. Домашнее такое привидение, просто ужас как захотелось подойти и усесться к нему на колени, погладить по голове и зацеловать.

- Ознакомился с моим компроматом?

Дима прошёл по комнате, закрыл развороченный комод, с трудом вспоминая, зачем он ему понадобился вчера.

- Ни одного порно-сайта не нашёл в истории. Скука.

- Открой папку «Философия Канта», всё самое интересное там.

- Лучше оставлю ящик закрытым, а то в прошлый раз случился апокалипсис. Ай донт вонна клоуз май айз.

- Это «Армагеддон». Культовый фильм, между прочим.

Дима не удержался и плюхнулся рядом, провёл рукой по голове Александра, взьерошивая короткие жёсткие волосы.

- Не смотрю американские блокбастеры.

Александр сложил ноутбук и отставил его на столик.

- А что смотришь?

Дима закусил губу и, перекинув ногу через бёдра Александра, сел верхом. Помял плечи. Довольная улыбка расплзлась по лицу напротив. Дима чуть не взвизгнул от радости - ему понравилось! Такая безоблачная, ничем не замутнённая радость, прям как в детстве. «Твои глаза - черника и перец, черника и перец - страх каждого дня».

- Тебя смотрю, очень захватывающе.

- Да, я вообще супер-герой, - гордо отозвался Дима и, взяв в руки лицо Александра, поцеловал сначала в щеку, а потом в губы.

- Мальчишка, - ласково выдохнул Александр, обнимая Диму за спину и опрокидывая на диван. - Может, усыновить тебя?

- Лучше трахнуть... - выдохнул Дима, жмурясь от удовольствия и раздвигая ноги, чтобы Александр удобнее устроился его целовать.

- Твои бранные слова меня возбуждают, - усмехнулся тот и спустился чуть ниже, разводя полы халата в стороны.

Дима закусил костяшку указательного пальца и коротко ойкнул, когда холодные пальцы коснулись его живота, а потом кожу стали ласкать губы, медленно спускаясь ниже. Неприличность поцелуя зашкаливала, и сдерживаться становилось всё сложнее и сложнее. Дима запрокинул голову и вцепился пальцами в подлокотник дивана. Вика никогда не делала ему минет. И он даже вообразить себе не мог, каково это, когда можно ощущать влажную глубину чужого рта, поэтому то, что сейчас творилось с телом, трудно было назвать получением удовольствия. Скорее это было... какое-то намеренное издевательство. И приятно, и щекотно, и ещё как назло зачесалась коленка, хоть плачь от досады.

- Щекотно! - вскрикнул, наконец, Дима - от возбуждения не осталось и следа - и заелозил на диване, пытаясь уйти от требовательных прикосновений и как-нибудь дотянуться до коленки. - Кто придумал эту хрень?! Это же щекотно!

Александр отстранился и позволил от души поскрести пятернёй по несчастной коленке. На ней неожиданно обнаружился синяк. И где навернулся? Да мало ли.

- По идее, должно быть приятно, - спокойно проговорил Александр и, запахнув халат, встал с дивана.

Дима растерянно смотрел на его спину и медленно холодел. Всё испортил. Зашибись. Но как же это можно терпеть, если терпеть нет никаких сил? Дима с детства боялся щекотки, особенно когда прикасались чем-то необычным к чувствительным местам. Может быть, это была фобия. И Вика умела с ней бороться. По крайней мере, с ней Дима не ржал как ненормальный от того, что его целуют в неприличные места. Но если вспомнить, Вика и не целовала. Вообще Дима никогда бы не подумал, что секс может быть настолько разнообразным по ощущениям.

- Говорят, это к ревности, - иронично усмехнулся Дима и сел, подобрав под себя ноги. Было обидно просто до слёз. Так хотелось... вот же блин! Дурацкая фобия.

- Если с минетом не сложилось, может, пойдём поедим? - Александр потянулся и, не дожидаясь ответа, вышел из гостиной. На униженного и оскорблённого он явно не был похож. Дима прекратил нервно грызть ноготь и вскочил с дивана. Поесть он никогда не был против, даже если наступит конец света, Дима всё равно будет рад еде. А за вкусно приготовленную так и вообще душу продаст. Что-то он частенько в последнее время думает о продаже своей души.

- А когда у тебя был первый секс?

Дима жевал корку хлеба и с нескрываемым восхищением смотрел, как Александр умело нарезает бекон и опускает его в шипящее масло. Пахло просто обалденно, движения стоящего

за столом были выверенными и плавными. Как у врача-хирурга. И почему все вокруг умеют готовить, а Дима – нет? Ну вот и здорово! Пусть готовят.

- Лет в двенадцать-тринадцать, - задумавшись, протянул Александр и достал из холодильника четыре яйца. Дима даже не удивился тому, что он знает, где всё находится. Небось просканировал весь дом насквозь.

- Нифига себе, - присвистнул Дима. - Ох, рано встаёт охрана.

- Она была сестрой моего приятеля. У неё был большой рот, короткие тёмные волосы и мальчишеская фигура. И ещё она была старше на пять лет.

- И как это было?

- Вполне себе сносно. Мы встречались полгода по три часа в день, и меня чуть не оставили на второй год. Об учёбе думать не хотелось. Я исследовал жизнь вдоль и поперёк. Секс, драгз, рок-н-ролл. Теперь ты.

Дима повозил пальцем по столу и пожал плечами, смутившись. Александр смотрел на него и ждал ответа. В глазах его прыгали чёртики.

- В тринадцать я знал о сексе много, но только теорию... - говорил он и чувствовал, как постепенно краска заливает лицо. Ну и что такого? Он думал совсем о другом в свои четырнадцать и даже семнадцать лет... И из перечисленного хорошо знал только рок-н-ролл.

- Дай угадаю, - Александр разбил яйца и помешал завтрак холостяка деревянной лопаткой. - Ты всегда считал, что спать с женщиной нужно только после того, как предложишь ей руку и сердце, чтобы всё было правильно - знакомство с родителями, невинные поцелуи при расставании, а потом, когда она станет твоей законной супругой, и ты уже имеешь на неё право, можно опустить руку чуть ниже талии.

Дима вспыхнул до корней волос и опустил глаза в стол. Неужели у него это всё и впрямь написано на лбу? Вот же засада! Надо как-то меняться, наверное.

- Я рано женился, - парировал Дима, отвечая на провокационный взгляд напротив.

- Я вообще не знаю, зачем ты женился, - улыбнулся Александр и отвернулся обратно к плите. - Правильный мальчик.

Дима тяжело вздохнул и потёр щёки ладонями. Хотелось признаться во всём, как на духу рассказать всё что было на самом деле. Первый раз.

- Мне нравился её брат. Он учился вместе с нами в одной группе. И мы часто тусовались втроём. Можно сказать, что я любил их обоих. А потом Витя уехал в Москву, а я женился на Вике.

- И она не знала о твоей ориентации?

- Догадывалась, но никогда не спрашивала. А потом сама поняла, когда нашла рисунки.

- Ты ей ничем не был обязан.

- Я думал, что смогу это контролировать. Ты же можешь.

- Ты честнее меня.

Дима поднялся из-за стола и подошёл к Александру, обнял за пояс и поцеловал в ключицу.

- Давай пожрём, как люди, - Александр потрепал Диму по голове и чмокнул в макушку. - Слэнг - это заразно, - мягко усмехнулся он.

- Есть ещё два моих любимых слова: бля и ****ец. Хочешь, и их подарю?

- Оставь себе, чтобы смеяться и ругаться над ухом по ночам.

Дима отстранился и недоверчиво посмотрел на Александра.

- Гонишь. Я не смеюсь по ночам и уж тем более не ругаюсь.

- Всю ночь просмеялся. И я не лгу, я слушал и слушал до тех пор, пока не понял, что сил у тебя хватит ещё надолго. А там и утро наступило.

- Пнул бы и все дела... - смущённо улыбнулся Дима, оценивая, на какие жертвы ради его спокойствия пошёл Александр.

- Жалко, - прошептал он, наклонившись к Диминому лицу. - Это смотрелось очень мило.

- Лучше Армагеддона? - Дима обнял Александра за шею и прижался вплотную, провокационно подвигав бёдрами.

- Пальмовая ветвь и куча поклонников по всему миру тебе была бы обеспечена, - голос Александра чуть дрогнул.

- Тогда... в качестве гонорара...

Дима не успел договорить, когда мягкие тёплые губы накрыли его улыбающийся рот и увлекли за собой.

Определённо, кухня - самое порочное место в доме. Хотя... пожалуй что все комнаты, кроме коридора. Что не является константой.

Остывший завтрак - это тоже очень даже неплохо, особенно в обед.

Часть 8.Юра.

Александр улетел в Англию в среду. Десять дней. Каких-то десять дней, думал Дима, чувствуя размеренное дыхание на своей щеке и тёплую руку, глядящую его по голове. Десять дней казались нереальными, это же всего лишь миг, раз... и пройдут. В конце концов, у Димы всегда есть чем время занять, да и мысли бы не мешало привести в порядок.

- Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня... - Лида весь день пела эту дебильную песню, и сразу в памяти рисовалась картина улетающего в небо медведя с привязанными к голове олимпийскими шариками. Этот медведь никогда не нравился Диме, он считал его страшным. - Димочка, ну оживи, у меня сердце кровью обливается смотреть на тебя!

Дима упорно молчал, глядя в монитор. Всеволод Игнатъевич дал ему ещё один проект, и, к счастью, ночью было чем заняться. И даже на утро осталось. Дошли слухи, что Александр

полетел в Англию со своей женой. Слухи – это вообще весьма коварное нечто. Если тебя они не касаются, то это так забавно, что-то пообсуждать, высказать своё ценное замечание, мнение, ну типа ты сразу таким умным становишься, просто потому что у тебя-то этих проблем нет. Эдакий эксперт. А вот если касаются, то тогда тебе хана. Сочувствие, желание помочь и прочая чушь будут обеспечены надолго. Лучше бы Лида игнорировала его или занялась бы собой, в конце концов! Только вчера страдала по своему электрику, который о чём-то там забыл. Ну и продолжала бы в этом духе.

- Я занят, Всеволод Игнатьевич голову мне откусит, если я не закончу этот проект вовремя.

Лида недоверчиво хмыкнула и постучала носком туфли по ножке стола.

- Зря ты так, Димка. Эгоизма тебе не хватает. Здорового человеческого эгоизма.

- Да куда уж больше-то? – Дима оторвался от монитора и посмотрел на Лиду. – Только этим и занимаюсь.

- Не-а, - Лида поджала губы и серьёзно продолжила. – Ты же красавчик, умный парень. Люби себя, Димка, и другие тоже будут любить.

- Ты прямо как моя мама говоришь, - мягко усмехнулся Дима, на что Лида тихо вздохнула и посмотрела так снисходительно и покровительственно, что в груди стало вдруг тяжело. – «Люби себя, чихай на всех». Мой любимый мультик.

- Вот всегда ты так, - Лида аргумент явно не приняла. – Только шутишь и стебёшься.

- А что мне остаётся делать? – Дима смотрел на Лиду и видел, как постепенно меняется её взгляд: из покровительственного через удивлённый в растерянный. Всегда так. Разве он не знал всего того, что она намеривалась ему донести? Всё знал, и даже больше. – И ты не волнуйся. Я с самого начала знал, что такое ничего и как из него сделать что-то.

- Я просто хочу, чтобы ты был счастлив. Ты для меня как брат, которого я всегда хотела иметь, а то сестры уже достали.

Дима улыбнулся и согласно кивнул.

- Спасибо. Кстати, у меня тоже одни сестры. Где же все мужики?

Лида засмеялась и указала пальцем на карту мира, висящую за Димкиной спиной.

- Знаю где, в Англии.

- Да, - протянул Дима, возвращаясь в своё состояние эмоциональной летаргии. – Все дороги ведут в Лондон.

Лида побарабанила пальцами по столешнице и громко выдохнула через нос.

- Я не понимаю, на кой хрен он взял с собой жену?

- А кого ему надо было брать? – усмехнулся Дима, возвращаясь к фронтальному плану здания. На душе стало чуть легче. Он просто вспомнил о том, что он знает, как жить и что ко всему нужно относиться философски. Дурацкий совет психологов-самоучек, но иногда и он помогает.

- Ну не знаю... - замялась Лида. – Тебя, например.

- У меня работа, и у него тоже работа. Лида, нам не семнадцать лет, чтобы сбегать с уроков и целоваться за углом школы. Это жизнь, а не мелодрама, так что... давай будем работать. А то мне и впрямь могут голову откусить, а она у меня вроде красивая - жалко, да и есть будет некуда.

Лида хихикнула и открыла журнал регистрации ценных кадров, которые звонят в компанию.

- Если он тебя бросит, я его перестану уважать, - резюмировала Лида, и Дима ей поверил. Но о себе такого же он не смог бы сказать никогда. Александр стоит выше уважения. Отношение к нему нельзя измерить словами. И чем дальше, тем становится страшнее потерять его.

В три часа дня позвонил Юра. Пригласил на выставку своего знакомого фотографа. Его друзья фишку не рублили, а сходить очень бы хотелось. Дима посмотрел на часы, подумал о том, что дома тошно ходить вокруг телефона и страдать на тему того, как же хочется позвонить. Но он не решался. Дел к Александру у него не было, кроме одного лишь желания послушать его голос, но это не повод. Приглашение Юры он принял почти с радостью.

- А в дневном свете ты выглядишь иначе, - Юра был доволен и сиял как начищенный пятак. Он смотрел на Диму как на экспонат в музее, и это немного напрягало. Дима никогда особенно не увлекался самолюбованием, и чрезмерное внимание к его внешности всё-таки больше смущало, чем доставляло удовольствие.

- Профессиональное обострение? - усмехнулся Дима. Быть может, слишком резко. Но настроение было ни к чёрту, поэтому иначе не получалось. Юра с пониманием кивнул и больше не приставал с выплесками неконтролируемого вдохновения.

На выставке были представлены работы не одного фотографа, а трёх друзей. Называлась она - «Улицы нашего города». Дима ходил вдоль серых некрашенных стен и с интересом рассматривал работы. Надо отдать должное фотографам - композиции впечатляли настолько, что складывалось ощущение, что работы посвящены европейскому городу, а не русской провинции.

Иногда Дима ловил на себе замороженные взгляды державшегося немного на расстоянии Юры, и постепенно привык к ним. У каждого свои заморочки. Жалко, что ли? Пусть смотрит, если его это так радует. Дима сам три года смотрел на соседа. Правда, не так навязчиво. И к тому же... там были иные мотивы.

- А ты надолго приехал?

Они сидели в баре и пили холодный тоник. На улице было жарко, несмотря на вечеряющий закат. Почему-то закат ассоциировался у Димы с Александром. Быть может, из-за возраста или из-за того, что в нём тоже есть что-то разрушительно-притягательное.

Юра пожал плечами и стал вдруг серьёзным.

- Пока только на месяц. Но я бы хотел перебраться сюда после того, как закончу университет.

- Поближе к столице? - улыбнувшись, предположил Дима, и сердце медленно и болезненно сжалось. Он знал, что Юра ответит ещё до его ответа.

- Поближе к отцу. Хочу работать в его фирме.

- Это не его фирма, - Дима опустил глаза и сделал глоток тоника. В носу защекотало от

пузырьков газа.

Юра хмыкнул. Демонстративно и весьма вызывающе.

- Ну мы с тобой знаем, что Всеволод Игнатьевич там ничего не решает.

- Он хороший руководитель, - Дима нахмурился. Разговор пошёл весьма интересным курсом. - Александр Владимирович согласился работать под его началом, значит, было с чего.

Юра прикусил губу, а потом одним глотком допил оставшийся тоник.

- Ты не знаешь моего отца. Он ничего не делает просто потому, что ему этого вдруг захотелось.

- И почему же он приехал сюда, ехал бы в столицу, туда, где перспективнее и денег побольше?

Дима чувствовал, что начинает злиться. Все эти разговоры о том, что один человек знает другого, а другой не знает - полная фигня. Можно двадцать лет прожить с человеком и не знать о нём ничего, а можно с одного взгляда...

- Он устал от суеты. А в Питере плохой климат. Так что причины есть... - Юра поднял глаза и внимательно посмотрел на Диму. Очередная семейная особенность - смотреть прямо в глаза. Да так, что фиг поймёшь, о чём они там думают при этом. Может оказаться всё, что угодно. - Тебе он не нравится?

Дима замер, пытаясь совладать с удивлением. Настолько неправильно? Или просто Юра не хочет замечать очевидного? В принципе, его можно понять.

- С чего такой вывод? - собравшись с духом, спросил Дима.

- В тебе есть стремление ему противостоять. Он тебя чем-то задел? Будь осторожнее в своём стремлении, отец может быть очень жестоким.

Если бы Дима был один, он бы рассмеялся громко и от души. Но Юра прикол не оценит. Слишком он серьёзно был настроен. А про жестокость... Каждый по себе судит, не так ли?

- Спасибо за предупреждение, постараюсь его лишний раз не злить, - усмехнулся Дима и решил, что Александр своим отстранённым поведением провоцирует людей думать настолько разные вещи, что скоро никакого удивления не хватит. Хотя... все как один говорят про страх и неумолимость. Но разве можно от такого отказаться? Это самый-самый перец и есть. Диму всегда тянуло к запретному. Жить в полную силу, каждый день как последний.

Дима решил позвонить Александру вечером. В конце концов, это его желание, и пока... Александр ни разу не отказал.

Первый подход окончился неудачей. Гнусавая мадам сообщила, что вызываемый абонент временно недоступен.

Дима кинул телефон на стол и спроектировал окно. Такой скорости никогда у него не было, даже когда судорожно дописывал дипломную работу перед самой защитой. И ещё есть хотелось просто ужасно. Пельмени - определённо самое совершенное изобретение человечества, каждый раз спасают от смерти.

Второй подход закончился психом, потому как телефон неожиданно разрядился, а в том хламе, что творился на столе, найти подзарядник было равносильно поиску иголки в стоге сена. Но

счастье всё-таки постучалось в двери, и Дима вспомнил, что засунул устройство в рабочий рюкзак. Зарядив телефон, Дима набрал номер, который выучил как «Отче наш»... хотя «Отче наш» Дима не знал, но типа так говорят. Соединение установилось без помощи мадам, и сердце забилось быстрее... ну давай же! Ответь... Ладони вспотели, и Дима машинально вытер одну о штаны. На том конце что-то щёлкнуло. Есть.

- Давно не виделись, здравствуй, - слишком радостно поздоровался Дима. Это было полное безумие. В желудке всё скрутило от страха, а щёки горели от волнения. Сейчас как пошлёт и всё... трындец!

- Подожди минутку, - Александр ответил как-то недовольно. Или только показалось? Дима напрягся и весь превратился в слух. На заднем плане что-то скрипнуло, кажется, автомобильное кресло. Александр едет в машине. Где-то вдалеке болтало радио.

- В машине? - не выдержал минутку Дима и заговорил первым, иначе ещё чуть-чуть, и он уже ничего не сможет сказать.

- Да, припарковался. Возвращаюсь в отель после приличного корпоратива, превратившегося в приличную оргию.

Дима услышал щелчок зажигалки. Рука тоже потянулась за сигаретами.

- А мне дали ещё один проект, чтобы было чем время ночью занять.

- Всю работу не переделаешь, отдыхать нужно хотя бы иногда.

Дима затаился. Голову повело, и он ясно представил сидящего в машине Александра. За сотни километров, в другой стране, в другом часовом поясе, как наяву, здесь, рядом, стоит только закрыть глаза и руку протянуть.

- А ты отдыхаешь?

- Иногда бывает, только для полного расслабления не хватает бранных слов во время секса.

Александр улыбался. Дима закрыл глаза и глубоко затаился, подождал, пока дым не пройдёт в лёгкие.

- Много секса?

Дима чувствовал, что падает, куда-то в темноту... ниже... ниже. Александр молчал.

- Нам чужого добра не надо, - тихо проговорил он наконец. И Дима изо всех сил вцепился свободной рукой в подлокотник кресла, чтобы не упасть. Было ли это счастье? Кто знает. Это было то, что нужно, чтобы больше не киснуть и не думать на эту тему.

- А что бы ты хотел со мной сделать?

- Если честно, - Александр тихо усмехнулся, - поесть пельменей. Здесь отвратительно готовят.

Дима тоже засмеялся.

- Я про «раздевай и властвуй».

Дима слышал, как Александр скрипнул креслом и понял, что он затаился. И сам тоже сделал

затяжку. Одну на двоих...

- Чтобы ты похихикал ночью над моими фантазиями?

- Я не смеюсь, когда сплю один.

- Хочу увидеть тебя, раздеть и ещё раз увидеть.

- Тебе нравится моё тело? – Дима почувствовал, как в паху стало ощутимо пульсировать. Острая игра. С Александром иначе нельзя, даже когда не видно его горящего взгляда, энергия всё равно чувствуется, в голосе.

- Мне нравится, что ты ничего не знаешь о своём теле.

- Научишь?

- Как только приеду, так и приступим.

- Но сначала поедим пельменей.

Александр засмеялся, Дима тоже последовал его примеру и затушил сигарету в пустой тарелке, стоявшей на столе.

- Здесь никто не смеётся, - вдруг серьёзно проговорил Александр. - Я приеду вечером в пятницу.

- Ты же хотел в субботу?

- Хочу раздеть и властвовать как можно скорее.

- Я буду ждать, - дрогнувшим голосом ответил Дима. И Александр отключился. Дисплей мигнул и потемнел. Дима достал вторую сигарету и, погасив свет, щёлкнул зажигалкой. Огонёк вспыхнул, и сигарета послушно впитала огонь. Дима знал, что Александр сейчас сделал то же самое. С первого взгляда... а двадцать лет – это просто срок.

- Мне на два часа предоставили студию, у тебя есть время поучаствовать в съёмке?

Юра говорил бодро, но Дима чувствовал, что мальчик волнуется, быть может, учил этот текст какое-то время, чтобы, не запинаясь, проговорить его по телефону. Определённо этот факт не мог не вызывать улыбку.

- Ладно, скажи, куда подъехать.

- На Павловскую, дом рядом с церковью. Там в подвальном помещении расположены студии. Тебе нужна пятая.

- А, знаю, - Дима вспомнил покосившуюся черепичную крышу и добротное кирпичное основание дома. Значит, там.

- Подъезжай к шести, я всё приготовлю.

Юра – непосредственный и одинокий мальчик. Дима где-то даже сочувствовал ему, хотя прекрасно понимал, что это последнее, в чём Юра нуждался. На фоне отца он смотрелся бледно, а выйти из тени не позволяло притяжение. Юра попал в такую ситуацию, в которую

лучше было не попадать никогда.

- А у тебя девушка есть? – Юра посадил Диму на какой-то шатающийся стол и заставил выгнуть спину под нереальным углом. Долго так просидеть, наверное, будет сложно.

- Жена была... я развёлся совсем недавно.

Дима сдержанно поджал губы, чтобы не сказать ничего лишнего. Юра не знает, и может быть, оно к лучшему? Хотя... о своём отце он знал. Значит, сам Дима не выглядит геем, если уж больной на всю голову фотограф этого не заметил.

- Легко увлекаешься? – Юра поправил манжеты рубашки и, отойдя на несколько шагов, критически осмотрел Диму. По всей видимости, остался доволен.

- Как ни странно, нет. Увлёкся всего три раза в жизни. Один из которых вылился в брак.

- А два других?

- А это уже приватный разговор.

- А я люблю приватные разговоры.

Юра взял камеру и сделал одну серию снимков.

- Я не кусаюсь, - улыбнулся он, отодвинув камеру от лица. – Расслабься.

- Боюсь моргнуть, - сквозь зубы процедил Дима. Его допрашивают? Зачем? А вот хрен ты чего узнаешь, Юрочка. Да и к тому же... Юра не выглядел надёжным. Дима это чувствовал интуитивно и всегда был насторожен. Этот человек сказал, что хотел заказать папиного любовника.

- Где учился? – по всей видимости, Юра решил зайти с другой стороны. Ну пусть ходит. Если сразу не увидел, то сам Дима не скажет. Как с Лидой вышло.

- Знамо где, в университете. От звонка до звонка.

- И сразу пришёл работать к Всеволоду Игнатьевичу?

- Да, мне повезло. Взяли после первого собеседования. К тому времени я знал все действующие программы дизайна.

- Любишь учиться?

- Люблю узнавать что-то новое. Допрос с пристрастием?

- Мне интересно, что ты за человек, - Юра невинно улыбнулся и подошёл к Диме, посмотрел сверху вниз. Осторожно поправил упавшую на лоб чёлку. Руки его были холодными, Дима вздрогнул. – Скажу тебе честно, я сначала подумал, что ты очередной любовник моего отца, которому он дарит слишком дорогие подарки.

Взгляд напротив, казалось, выжигал сетчатку. Он был не мягким и любопытствующим, как несколько секунд назад. Что-то было в этом взгляде давящее и безжалостное. Юра не так прост, как кажется. Дима без особенного усилия над собой выдержал взгляд. Пусть он и тяжёлый и душащий, но против тотально-порабощающего взгляда своего отца он проигрывал

на порядок.

- А потом?

- А потом, когда увидел тебя, понял, что это фигня.

Юра отвёл взгляд и слегка смутился.

- И что же ты увидел?

- Увидел нормального парня, который не будет стелиться ради подарков.

Дима свесил ноги со стола и закатал рукава рубашки так, как привык. Сниматься расхотелось. Это всегда было унижительно для него, но в Юре была такая глубинная тоска, что Дима не смог отказать, а теперь понял, что это была ошибка. Да, тоска там есть, но Юре она нравится. И лечить его себе дороже.

- А ты весьма проникательный, - хмыкнул Дима, уверенно вскакивая со стола.

- Дима, я задел тебя? - голос Юры дрогнул. Он быстро отложил камеру на стол и догнал Диму уже у самого выхода из студии.

- Да нет, всё нормально. Ты выяснил, что я не последняя сволочь. Можешь теперь спать спокойно.

- Дима... - Юра в отчаянии ухватился за Димин локоть и хотел задержать, но тот резко дёрнул на себя и распахнул дверь.

- Фотографии можешь оставить себе на память, - не оборачиваясь, сказал Дима и быстрым шагом пошёл к своей машине. Юра не стал догонять, умный малый. Пусть поставит себе пятёрку с плюсом.

Дима завёл мотор и выехал на трассу. Противно. На душе было так мерзко, что хотелось напиться вдрызг одному, как последнему алкоголику.

Ради чего он учился все эти долбаные годы? Чтобы потом вроде бы умные люди думали, что он получает проекты только потому что спит с Александром? Зашибись как просто - получаешь удовольствие и проекты.

Если бы был выбор, Дима бы не стал спать ни с кем, пока не построит такую карьеру, что уже никто не посмеет вякнуть. Но выбора не было и быть не могло.

- Я сам его выбрал, - проговорил Дима вслух и прикусил нижнюю губу. - И знал, что это будет непросто.

В памяти всплыл недавний разговор с Александром по телефону. Дима медленно прокрутил его туда-сюда, несколько раз. Уютный... да, то самое слово, которым можно описать его. И не было никаких проектов, никаких карьер. Просто - «я по тебе скучаю».

Дима улыбнулся своему отражению и напиться расхотелось. Они, все те, кто вокруг, ничего не понимают и не могут понять, потому что это их не касается, это только для двоих. А остальные могут идти лесом.

Часть 9. Возвращение.

Дима почувствовал лёгкое першение в горле ещё в четверг утром и наивно полагал, что это фигня. К вечеру градусник вынес смертный приговор – 38 и 5. Вот тебе и вся радость жизни. Залив в себя всё, что только можно было залить из лекарств, Дима подумал, что прыгающие по потолку черти – это явно лишний элемент дизайна в квартире. Сначала он даже посмеялся над своими неожиданными глюками, а к трём утра стало страшно. Нужно было вызывать скорую помощь, где-то на периферии сознания понимал Дима, но встать с кровати было равносильно поднятию вагона с щебнем.

- Высокая температура, - говорил Дима в трубку и уже не понимал, где он находится. Главное, что комод, о который он опирался рукой, стоял на земле твёрдо.

- Насколько высокая? – равнодушный мужской голос на том конце провода придавал сил и не позволял разомлеть совсем. За Диму никто отвечать не будет, и этот мужик-скороспасатель не приедет, если ему не ответить чётко, кратко и по существу.

Дима достал градусник из подмышки и автоматически повторил то, что он показал:

- 39 и 8.

- Выпейте таблетку парацетамола и одну таблетку анальгина. Это собьёт температуру. Назовите ваш адрес, дежурный врач подъедет в течение часа.

- Улица Пушкина, дом 8, квартира 79. У нас там внизу домофон. Позвоните, я открою.

- Вы живёте один?

- Один.

- Старайтесь не засыпать, пока температура не спадёт.

Мужик вроде даже посочувствовал, как показалось Диме. Хотя, быть может, ему просто хотелось этого. Чтобы хоть кто-то оказался рядом и посочувствовал. Посмотрев на замолчавший телефон, Дима чуть не заплакал от обиды и жалости к себе. Может, позвонить Вике? Она прекрасно разбирается во всяких болезнях, определённо что-нибудь посоветует... Но не в три часа ночи, когда она спит в обнимку со своим директором, одёрнул себя Дима и плюхнулся на диван. Плакать расхотелось, нужно было сосредоточиться на таблетках. Анальгин и парацетамол. Надо вылечиться как можно скорее, иначе все выходные пойдут насмарку. Александр не будет возиться с гриппозным организмом, а если и будет, что больше похоже на фантастику, Дима умрёт на месте от стыда.

- Давно бы уже умер, если бы это действительно так было, - таблетка смотрела на Диму белым круглым глазом и выражала согласие по любому поводу. – Постоянно в неменяемом состоянии... То квасит, то болеет, зашибись какой любовник!

Дима понимал, что нужно набраться спортивной злости и не позволять вирусам атаковать его тело. Где-то он читал, что человек болеет, потому что хочет болеть. Он программирует себя, заряжает свои клетки энергией, которая притягивает вирусы и позволяет им размножаться. А если человек может запрограммировать себя на болезнь, значит, существует и обратный процесс.

- Я здоров. Я самый здоровый из всех, - бормотал Дима, мотаясь по кухне в поисках чайника с

кипячёной водой. – Здоровый, как бык...

Голова кружилась, и всё тело колотила лихорадка. Охренеть! У него же температура под сорок, дошло наконец до Димы. Ещё чуть-чуть и можно помереть...

- Так, быстро выпил таблетки и лёг в кровать!

Командовать собой – это что-то новое. В мозгу болезненно пульсировало, и сознание само по себе стало рисовать картины того, кто мог бы командовать Димой. Диме казалось, что он слышит его шаги в коридоре. Он приехал раньше времени, потому что почувствовал, что ему плохо. Дима вернулся в комнату, но там было пусто. Теперь шаги слышались в кухне, Александр что-то готовит, определённо. Но сил на то, чтобы пойти посмотреть, у Димы не было. Он закрыл глаза и почувствовал, как прохладная рука провела по воспалённой коже на лбу, потом пальцы ласково помассировали виски и вернулись на затылок.

- Люблю тебя, - слышал Дима над самым ухом и улыбался, не открывая глаз. Он чётко знал, что комната пуста, поэтому решил, что пусть лучше будет так, как в сказке, пока температура не спадёт. Такие приятные глюки...

Дима проснулся в два часа дня и вспомнил про скорую, которую вызывал ночью. Интересно, что они подумали, если вообще приезжали? Наверное, решили, что пациент скорее мёртв, чем жив, поэтому скорая тут уже не поможет. Да и фиг бы с ними, нужно было срочно звонить Лиде и вновь просить его отмазать.

Никогда прежде Дима не болел один. Сначала была мама, которая возилась с ним, потом Вика, представитель семейства врачей. Всегда кто-то был рядом и что-то знал, поэтому задумываться над тем, что они делали, Дима никогда не считал нужным. Думать за всех никаких мозгов не хватит. Дима померил температуру – 38 и 2 – и открыл страницу в Интернете.

- И как же помочь себе самому?

На одном сайте советовали пить много жидкости, на другом категорически запрещали много пить. Один врач утверждал, что только антибиотики спасут от гриппа быстро и качественно, а другой, не менее титулованный врач предупреждал, что антибиотики – это смерть всей микрофлоре организма. После получаса пребывания в Интернете Дима не нашёл ничего дельного, кроме того самого парацетамола, который ему советовали пить ещё ночью.

Выпив одну таблетку, Дима вернулся в кровать и хотел прочитать новый журнал по компьютерной графике, чтобы не тратить время даром, но строчки прыгали как те черти по потолку и упорно не хотели складываться в слова. Дима закрыл журнал и отложил его в сторону, чётко понимая, что выходные он проиграл удачно атаковавшему его гриппу.

Где-то в параллельном мире пиликал домофон. Дима слышал красивую мелодию... трам-пам-пам... но что с этим пам-пам нужно было сделать, он не знал. А потом всё стихло, и Дима вновь куда-то поплыл. В детстве он часто плавал на водяном матрасе, даже когда научился плавать, он всё равно любил полениться и просто полежать на качающих его волнах. Волны качали мягко, любовно... солнце ласково грело, и в голове была блаженная пустота, а потом где-то вдалеке бухнул колокол. Раз... другой... Дима открыл глаза и понял, что кто-то звонит в дверь. Александр? О боже... только не это.

Из зеркала на Диму смотрел труп невесты, чуть посильней мотни головой и глаз выкатится точно так же, как у Бёртона.

- Грехи мои тяжкие, - вздохнул Дима и открыл дверь.

«Он так прекрасен, что нас колбасит...»

Александр был как всегда, на высоте. Неотразим, опасен и любим.

- Здравствуй, - проговорил он, кинув на Диму один лишь короткий цепкий взгляд. Ну вот... он недоволен. Ещё бы, подумал Дима, отходя в сторону и пропуская Александра в квартиру. Никаких тебе жарких объятий и трепетных поцелуев. Царство носовых платков и антибиотиков.

- Я тут приболел, - извинился Дима и машинально поправил волосы, которые, судя по ощущениям, были похожи на чьё-то место обитания.

- Я вижу, - Александр разулся и прошёл в комнату, где Дима так и не раздвинул шторы. Осмотрелся и подошёл к Диме вплотную. Тот почувствовал, что не выдержит этот тёмный взгляд напротив, и опустил глаза. Александр провёл пальцами по Диминой скуле и, наклонившись, прикоснулся губами ко лбу. - Температура высокая.

- 38, - промямлил Дима, чувствуя, что начинает таять, и голова медленно кружилась от приятного ощущения беспомощности. Ему позволили быть беспомощным.

- Ложись в постель, - Александр мягко подтолкнул Диму к кровати. - У тебя есть уксус?

Дима опустил кружащуюся голову на подушку и закрыл глаза.

- Там, в правой верхней гумбочке над плитой.

Когда Александр вернулся в комнату, Дима уже вновь где-то плавал. Но теперь плавать было намного приятнее, потому что он точно знал, что те звуки, что доносятся из кухни - это не глюки. Он действительно здесь, и пока никуда уходить не собирается.

- Не боишься заразиться? - прошептал Дима, когда Александр распаковал его из одеяла и стал развязывать пояс халата.

- Я собираюсь растереть тебя уксусом, - многозначительно усмехнулся Александр и полностью стянул с Димы халат.

- А я был бы не против... - вздохнул Дима и широко улыбнулся. - Никогда не пробовал.

- Оно того не стоит, - серьёзно проговорил Александр и, плеснув на ладонь уксус, опустил её Диме на грудь. Тот дёрнулся и громко засмеялся. Это было холодно и щекотно. - Дим, соберись, ты уже не маленький.

- Но я боюсь щекотки! И к тому же холодно.

- Терпи.

Александр быстрыми уверенными движениями втирал уксус в разгорячённую кожу, не глядя Диме в глаза. Тот видел его сосредоточенно сдвинутые брови, поджатые губы и спокойный взгляд. Казалось, что Александру даже нравится этот процесс втирания вонючей жидкости в Диму... Потом, когда запах уксуса перестал щипать нос, движения Александра стали более плавными, мягкими и волнующими. Он просто гладил Диму по груди, по шее, аккуратно разминал плечи и предплечья. Александр массировал большими пальцами тазовые косточки, и

это было уже слишком... Дима глухо застонал и понял, что возбуждается.

- Саш... прекрати, - непроизвольно выдохнул он и хотел закрыть вспыхнувшее от стыда лицо рукой, но Александр не позволил. Перехватил руку и, наклонившись, поцеловал Диму в губы.

- Нужно ещё спину натереть. Перевернись.

- Я умру, - засмеялся Дима и перевернулся на живот.

- Расслабься, я тебя оживлю, - ответил Александр и вновь прижёл кожу холодным укусом. Дима вздрогнул, но ржать как псих не стал. Он думал о том, что спина - это определённо самое чувствительное место его тела. Дима всегда считал, что ненавидит массаж и терпел его, стиснув зубы, но сейчас... когда твёрдые пальцы скользили по его плечам вниз к пояснице и ниже... Дима думал, что массаж - это лучшее, что может делать один человек для другого.

Движения больше не возбуждали, наоборот, успокаивали и расслабляли. Укус испарялся с кожи, и постепенно она стала остывать. Дима чувствовал неожиданную лёгкость, словно в него не втирали что-то, а наоборот, снимали, раздевали и освобождали.

- Поспи, - Александр погладил Диму по голове и закутал в одеяло.

- Ты не уйдешь? - пробормотал Дима, понимая, что уже спит, осталось чуть-чуть и он совсем потеряется.

- Я только приехал.

- Как поживает Великая Британия? - Дима честно пытался говорить бодро и весело, но горло пересохло на середине фразы и вышло нечто задушенное и жалкое.

Александр сидел на кухне и увлечённо копался в Димином ноутбуке. Он медленно поднял голову и внимательно осмотрел Диму с ног до головы.

- Иди сюда.

Сказано - сделано. Ещё бы! Попробуй тут посопровствуйся. И что там Юра говорил о желании противостоять? Ни грамма не было!

Александр сдвинул ноут в сторону и усадил Диму к себе на колени, заставил наклониться. Опять коснулся губами лба, проверяя температуру.

- Ты прям как доктор Айболит, что под деревом сидит... - улыбнулся Дима, непроизвольно закрывая от удовольствия глаза.

- Так мне больше нравится, - Александр отстранился от Димы и повернул ноутбук экраном к нему. - Я в детстве хотел быть доктором.

- Патологоанатомом?

Александр хмыкнул и, прижав к себе Диму одной рукой, второй стал набирать пароль на своей электронной почте. Он явно что-то хотел показать. Но Дима ни на что не мог отвлечься от ощущения его присутствия и близости. От терпкого горячего запаха сносило крышу и хотелось целоваться или вообще раздеться...

- Психиатром, - серьёзно ответил Александр и нажал на кнопку проверки пароля. -

Интересовался проблемой суицида.

Дима непозволительно крепко сжал пальцы на его плече, выдавая своё знание с головой. Но сдерживаться рядом с Александром было невозможно. Слишком всё было честно с самого начала, чтобы начинать вести себя иначе.

Он быстро поднял голову и посмотрел на Диму. Секунда сомнения, и Дима наклонился к его лицу, поцеловал сам, громко выдыхая через нос. На этом неприятный разговор был закончен.

- Юра прислал мне твои фотографии, - вернувшись к ноуту, сказал Александр и открыл папку с картинками недавней психологической атаки.

Дима без особого интереса смотрел на себя. Да, моделька из него получилась бы неплохая. Все необходимые параметры налицо, ну, кроме роста. Тёмненький, с большими глазами и улыбкой до ушей. Эдакий гламурный Буратино, съязвил Дима про себя. Богатенький Буратино.

- С детства не люблю смотреть на свои фотографии, - сухо проговорил он и погладил Александра по волосам, чтобы отвлечься от воспоминаний о недавнем разговоре с Юрой.

- Ты хорошо выглядишь на фотографиях, с точки зрения рекламы весьма располагающе.

- А с другой точки зрения?

Дима стал расстёгивать рубашку Александра и даже стянул её с плеч, чувствуя, что надолго его терпения не хватит, но так хотелось испытать. Как долго Александр позволит Диме провоцировать себя?

- Весьма скромный мальчик. Вызываешь умиление у девочек и желание защитить у мальчиков.

- А у взрослых мальчиков что я вызываю? - Дима коснулся языком ушной раковины Александра и слегка прикусил.

- Как минимум желание привязать к кровати суток на трое.

- Минимум? - охнул Дима, когда его сгребли в охапку и подняли в воздух.

- Надеюсь, ты выспался, пока меня не было?

- Я и при тебе выспался.

- Правильный ответ.

Александр уложил Диму на кровать и быстро раздел. Отстранившись, он скользил взглядом по его телу от шеи вниз по груди к паху.

- Тантрический секс... практикуешь? - нервно усмехнулся Дима, чувствуя, что температура тела вновь неумолимо растёт, но теперь причина была иного свойства. Александр снял свою рубашку и брюки, неотрывно глядя на Диму. Он его словно гипнотизировал, подавлял, подчинял. Да, что-то от восточных методик определённо было в его технике взглядов, прикосновений, он даже дышал не так как Дима, рвано и поверхностно, как любой нормальный волнующийся человек. Александр делал редкие неслышные вдохи и медленно пропускал воздух через себя.

- Я обещал тебя научить понимать своё тело, - Александр наклонился к Диминому лицу и

вытянувшись всем телом, лёг сверху. - Раздвинь колени.

Дима послушно раздвинул ноги и Александр вжался в него ещё сильнее. Теперь Дима мог чувствовать всё его тело. Оно было тяжёлым, горячим и неожиданно большим. Одно дело понимать разумом, что Александр выше и шире в плечах, и совсем другое ощущать это кожей. Он казался невероятно большим, чудовищно огромным и очень опасным. Одно неверное движение - и Дима не спасётся. Александр его поглотит.

- Не бойся, - прохладные пальцы успокаивающе погладили виски, лоб, убрали назад волосы с лица. - Смотри на меня. Ни о чём не думай.

Дима открыл глаза, и чёрный взгляд напротив всё-таки поглотил его. Ничего не осталось от прежних ощущений. Наркотик, который неожиданно пустили в кровь и оставили там навсегда. Больше назад дороги нет.

- Ты во мне, - прошептал Дима, не в силах улыбаться. Это было настолько страшно и предначертано, что все чувства сдались под напором силы Александра и перестали сопротивляться. Паника медленно отступала. Наркотик стал частью крови.

- Ты мой, красивый мальчик... - Александр целовал Диму, но тот всё ещё чувствовал на себе его взгляд. Теперь он всегда будет его ощущать, где бы он ни был, с кем бы он ни был... Дима словно видел себя со стороны, свой путь... который лишь касается пути Александра сейчас... а потом... Но сожаления не было, было просто знание - так будет.

Тело медленно скользило, касаясь чувствительной кожи, увлекая в движение за собой. Дима выгнулся навстречу, хватаясь за плечи.

Александр спустился чуть ниже, целовал его грудь, живот. Дима потерялся в ощущениях. Да... это было приятно и больше не щекотно. Теперь он стал другим, искушённым? Нет, умеющим доверять. Александр поднял его ноги на плечи и наклонился, чтобы поцеловать. Дима растерянно смотрел в его горящие глаза и не понимал, почему он остановился. Александр облизал губы и лукаво улыбнулся. Он ждал... Дима засмеялся, понимая, наконец, чего он ждёт.

- Ну ты, бля, и садист, - сощурился глазами, низким голосом проговорил Дима и тоже облизал губы.
- Трахни меня...

- Люблю, когда ты ругаешься.

Александр чуть приподнялся и, согнув Диму сильнее, медленно вошёл. Как всегда, это было неожиданно и немного больно. Но Дима уже привык, смог быстро расслабиться и увлечься поцелуями. А потом его поглотило движение, и сознание расслоилось. Одна часть всё чувствовала и понимала, что его перевернули на живот и вновь продолжили, что сначала руки устали, а потом и всё тело постепенно налилось усталостью, но он не хотел прекращать и всё просил и требовал, пока его не уgomонили. Но это всё было где-то в другом измерении, а в настоящем мире царил покой и благодать. А потом сознание вновь вернуло себе целостность, и почему-то в глазах зашипало. Дима вспомнил всё, что он видел и понял. Осталось только принять.

- Я всегда жил с ощущением, что люди, которые со мной, будут со мной вечно, - тихо проговорил Дима, погладив руку Александра, лежащую на своей груди. - Мама, Лялька, Витя, Вика... Я всегда знал, что могу позвонить им в любое время, и они мне ответят, и не потому что долг там или какая-нибудь другая хрень... Нет, просто... я знаю, что они меня любят. И дело не в словах... Просто любят и переживают, с кем бы они там ни спали в своих постелях.

- Потому что ты их тоже любишь и позволяешь любить себя.

Дима слышал, как громко бухало сердце в груди, и нужно было что-то говорить, чтобы отвлечься от этого звука. Он всегда был самым обычным мальчиком с прямолинейным мышлением, быть может, где-то романтиком, где-то робким, где-то нетрадиционным. Но люди принимали его таким, какой он есть, и он принимал их и никогда не хотел менять. А Александр был непонятен. Как абсолютно чёрное тело, абсолютный ноль, абсолютно круглый предмет. Сознание не могло найти ни одной лазейки для постижения его. И это было тяжело, так тяжело, что когда хорошо – хотелось плакать, когда плохо – хотелось стиснуть зубы и добиться всего на свете, чтобы догнать его, заставить обратить на себя внимание.

- Но этого мало... - прошептал Дима, чувствуя, как первая слезинка скатилась по щеке, и он успел перехватить её до того, как она упала на руку Александра. Нет, Дима не скрывал своего настроения, просто что-то должно остаться только с ним.

- Это важнее всего остального, - Александр приподнялся на локте и посмотрел на Диму. - Быть может, это именно то, чего я никогда не смогу понять в тебе.

- Чего ты не понимаешь? - Дима смахнул остальные слёзы и улыбнулся.

- Любовь к тебе не разрушает, не ломает... ты гей, но женщин это не задевает, наоборот, они готовы защищать тебя перед всем миром. Ты уехал из дома, но я уверен, что твоя мать тебя любит и по-прежнему считает своим самым любимым ребёнком. Ты развёлся с женой, но я опять же уверен, что после этого она стала относиться к тебе ещё лучше. Ты... как подарок для них, как чудо. Ты приходишь и честно говоришь всему миру – вот он я, любите меня, потому что я вас люблю. И он, твой мир, любит. Но не потому, что ничего другого не остаётся, а потому что ты создан им для любви. А мир всегда отвечает за свои слова.

Александр крепче обнял Диму и быстро поцеловал в уголок губ.

- А ты?.. Ты не хочешь сказать миру, что любишь его?

- Мир живёт не только по законам любви. Есть ещё другие механизмы.

- Деньги? Власть?

Александр хмыкнул и потрепал Диму по голове.

- Жажда обладания и разрушения.

- Либи́до и мортидо?

- Да, вроде того. Всё зависит от того, какой механизм запустить... или запустили до тебя. Мне нравится идея мира, где всем правит любовь. Но как идеальная модель, не более того.

- Ты хочешь побеждать.

- Я хочу быть в движении.

- А куда двигаться? У тебя уже всё есть...

- Дело не в цели, а в самом процессе. Как ты ощущаешь потребность в любви и заботе, так и я ощущаю потребность в движении и действии.

Дима закрыл глаза и тяжело вздохнул.

- Мы совсем разные, ты к этому?

Александр наклонился к Диминому лицу – он почувствовал дыхание. Внутри всё напряглось в ожидании поцелуя.

- Мальчик... Какой же наивный ещё мальчик, - прошептал Александр и мягко накрыл губы Димы своими.

Александр строгал на кухне салат, когда Дима выполз из ванной и, шмыгнув носом, понял, что несмотря на то, что запах он еле чувствует, вид аппетитной колбасы всё равно вызывает в нём чувство голода.

- В тебе вообще есть хоть какие-то недостатки? – отщипнув кусочек колбасы, спросил Дима.

Александр отнял колбасу из рук Димы и закинул в тарелку с салатом.

- Не терплю, когда едят до еды.

Дима состроил театральную-недовольную мину и отошёл от предмета искушения.

- Зануда, - изрёк Дима и плюхнулся на стул. Было почти обидно. Он уже чувствовал вкус колбасы во рту, солёный, пряный, мясной... Никто никогда не отнимал у него еду из рук!

- Дисциплинированный, - поправил Александр и поставил перед Димой тарелку с готовым салатом. Выглядело привлекательно. – Люблю порядок, расписания, графики и прочие атрибуты занятого человека.

- А трахаешься ты тоже по расписанию? – Дима кинул на Александра короткий взгляд и игриво прикусил кончик языка.

- В перерывах и под настроение, чтобы не надоело.

Дима засмеялся, глядя на расплывшегося в милейшей улыбке Александра. Это же надо... он ещё и ребячиться умеет. Эх... да он может всё, что угодно.

- Слушай, мне даже интересно стало, а можно ли тебя соблазнить во время работы? - Дима набил полный рот салата и стал активно жевать. Очень уж вкусно было, прям как у мамы, каждый ингредиент на месте. И самое главное, фиг поймёшь, что там нарублено, общее впечатление было чем-то особенным, неповторимым.

Александр, задумавшись, смотрел на Диму и совсем не ел.

- Боишься, что не сможешь устоять? – подмигнул тот.

- Когда я работаю, я работаю. И не отвлекаюсь, - Александр отправил в рот немного салата и покачал головой, мол, да, получилось неплохо.

- Я так и подумал, - вздохнул Дима. – Предашь анафеме и отлучишь от церкви на счёт раз.

- Не знаю, никто не рисковал. Обычно все меня слушаются.

- А у меня обычно нет авторитетов. И я всё время забываю о том, почему нельзя совать пальцы

в розетку. Ещё тот правильный мальчик...

- Я люблю тебя.

- А ещё я никогда не смотрю на до... - Дима замер на полуслове, не донеся вилку до рта и, не моргая, уставился на Александра. Тот ел с явно проснувшимся аппетитом и не обращал на Диму внимания. Издевается, определённо. Это было самое офигительное признание, которое Дима мог себе вообще вообразить. Прямо так и офигел... не подавиться бы теперь. - Вот... бля. Если я попрошу тебя повторить, ты же не согласишься?

Александр поднял на Диму искрящийся задором взгляд и улыбнулся.

- Я люблю тебя, и твой салат падает на пол. Будешь сам потом убирать.

- Ух ты... - выдохнул Дима и почувствовал, что краснеет. - Это я не про салат...

- Я понял.

Дима не успел поймать падающую на пол колбасу и отложил вилку в сторону. Руки дрожали, и есть было сейчас просто невозможно.

- Взаимно, блин, товарищ начальник... Александр Владимирович... я шаз умру...

- Что-то ты часто умираешь, как лебедь из балета для траура.

- Тот лебедь был дебилом и скакал как слон, хрен с ним.

Дима поднялся с места и подошёл к Александру, встал напротив и, наклонившись, быстро поцеловал в щёку.

- За мной должок, - довольно хихикнул Дима и, заметив, как вопросительно выгнулась бровь Александра, тут же пояснил: - Когда-нибудь я тоже удивлю тебя так, что ты потеряешь дар речи. Честное пионерское!

Часть 10.Ляля.

- Ну блин... - выдохнул Дима, услышав как на кухне звякнули бокалы, и открыл глаза. Утро, день или уже вечер? Могло быть всё, что угодно. Дима был уверен, что Александр не стал бы будить его, даже если дом залило водой и в живых остались только они одни.

Дима продиагностировал своё состояние. Нос был, конечно, заложен, и руку перележал как всегда, а в остальном вроде полный порядок.

Пошарив взглядом по кровати, а потом и по полу, Дима не обнаружил свой халат. Где разделить? Вопрос был весьма сложным... Вспомнить точно, что было вчера, оказалось невозможным. Вернее, возможным, но ответ - чего только не было - мало чем помог в поисках.

Встав с кровати, Дима нашёл в шкафу свои летние шорты и какую-то растянутую шерстяную кофту. Ещё мама вязала, когда он учился в седьмом классе.

- Нашёлся халатик, - хмыкнул Дима, увидев на кухне Александра в своём халате. Тот стоял около стола и что-то химичил в кружках. Выглядело это весьма подозрительно. Дима в очередной раз тщетно принялся, но опять ничего не уловил.

- Определённо великоват, - улыбнулся Александр, подняв одну руку и демонстрируя, как ткань натянулась под мышкой. Накрыл бокалы какими-то самодельными круглыми картонками - хозяйничает по полной, восхитился Дима. Александр ухватил его за руку и притянул к себе. - Выглядишь как школьник.

- Просыпается педофилия? - засмеялся Дима, откидывая голову назад и позволяя целовать себя в шею.

- И пахнешь так же, - выдохнул Александр Диме в ухо. - Что-то определенно просыпается.

- Давайте хором позовём дедушку Мороза...

Александр прижал Диму к стене и поцеловал. Голова вновь пошла кругом, словно температура вмиг подскочила до отметки сорок градусов. Дима обнял Александра за шею и сжал его колена бёдрами. Они отстранились одновременно, чувствуя, что слетают, да и целоваться с заложённым носом было как-то опасно.

- Сначала завтрак, а потом всё остальное, - облизав губы, проговорил Александр.

- А как же зарядка, товарищ эсэсовец? - лукаво усмехнулся Дима и провёл пальцем по нижней губе Александра.

- Дети должны хорошо питаться, чтобы не болеть.

- Зануда и есть, - Дима выскользнул из-под руки Александра, понимая, что переубедить его невозможно. Хотя... просто есть действительно хотелось больше. - Что сейчас показывают на улице?

Александр поставил перед Димой на стол тарелку с непонятным нечто, политым сверху самодельным соусом. Выглядело не очень, но это был не показатель. Небось что-нибудь здоровое и полезное.

- Воскресенье, двенадцать часов дня.

- Ты рано встал? - Дима ткнул вилкой хрустящую корочку и опасно отправил в рот небольшой кусок.

- Есть нужно с аппетитом. Или вообще не есть.

Дима пожевал мягкую тёплую массу и понял, что она была наполовину мясной, наполовину овощной, но в общем и целом вкусной. Очень вкусной.

- Доверяй, но проверяй, - улыбнулся Дима и стал наворачивать уже в полный рот. - Вкусно! Я всегда мечтал о том, чтобы уметь готовить. Но мне не давали возможности!

- Бедняжка, - покачал головой Александр. - Вырывали кастрюли из рук, какие нехорошие.

Дима закусил губу и слегка смутился.

- Зачем ты готовишь, ты же в гостях вроде как?..

Александр посмотрел на Диму и, протянув руку, погладил его по щеке.

- Хочу сделать тебе приятное. Ешь давай. А я пойду в душ.

- Мне приятно, - расплылся Дима в улыбке. - Очень приятно.

- Шоу маст гоу он, - пел Дима, намыливая тарелку. Готовить он, конечно, не любил, но вот посуду мыть почему-то очень. Водичка течёт на руки, пена приятно щекочет кожу, и вообще ощущение чистоты до скрипа под пальцами - это был полный восторг.

Домофон не пиликал, Дима бы точно не пропустил. И поэтому когда позвонили в дверь, сердце замерло на секунду. Кого это принесло? Наверное, соседку. Вечно ходит, спрашивает то солички, то сахарку, то хлебушка. Каждый раз обещает отдать, но никогда не отдаёт, зато желает счастья и здоровья. Дима не против отдать за счастье стакан сахара и кусок белого хлеба.

Но за дверью оказалась не соседка. Дима подумал, что это полный пипец, без вариантов.

- Димка, ну как ты тут? - на пороге стояла Лялька и тревожно вглядывалась в его очевидно перекошенное лицо. - Лида позвонила маме и сказала, что ты приболел. Звонили тебе на сотовый и на домашний всем миром, а у тебя отключено везде. Я с работы отпросилась на два дня и приехала к тебе, ты же тут один совсем... без Вики...

- Да ладно, ничего страшного... - единственное, чего смог добиться от себя Дима, это чтобы голос не дрожал.

- Знаю я твоё «ничего страшного», в прошлый раз в больницу попал, еле откачали...

Лялька что-то ещё говорила и говорила, а Дима слушал, как в ванной шумит вода и понимал, что скоро две параллельные прямые пересекутся. И это неизбежно.

- Я не один, - остановил поток слов Дима, но Ляля, видимо, подумала, что он не совсем здоров, поэтому и ведёт себя так странно. Стала разуваться. Дима почувствовал, как кровь отхлынула от лица, когда дверь ванной скрипнула, открываясь. Лялька подняла голову и посмотрела чуть выше Диминого плеча, туда, где слышались тихие шаги.

Они молча смотрели друг на друга несколько секунд, и по растерянному-испуганному выражению лица сестры Дима понял, что объяснять уже нечего. Лялька никогда не страдала тугоумием.

- Александр, - приветливо отозвался тот, кто стоял за Диминой спиной. И Лялька быстро собралась. Дима всегда уважал свою сестру за умение быстро собраться в самый ответственный момент.

- Елена, - кивнула она и, поставив свои туфли рядом с Димиными кроссовками, молча прошла на кухню.

- Напой сестру чаем, а я схожу в магазин за сигаретами, - Александр уверенно сжал Димино плечо и заставил посмотреть на себя. Взгляд был успокаивающим и таким тёплым, что стало намного спокойнее. Нас двое, нас двое... - Я недолго.

Дима слегка улыбнулся и, набрав в грудь побольше воздуха, улыбнулся ещё шире.

- Рано или поздно... - прошептал он, закрывая дверь за Александром.

Лялька сидела за столом и смотрела на свои сложенные руки. Как всегда аккуратна, задумчива и бескомпромиссна. Иногда Дима думал, что уехал из Перми, чтобы быть от неё подальше. Так

он мог любить её и не бояться. Но Ляля переехала в Москву вместе с семьёй, чтобы быть одновременно и ближе к нему, и не надоедать заботой, как Дима любил называть её отношение.

- Если ты скажешь, что это просто твой коллега по работе, то я тебе поверю, - Лялька не смотрела Диму, она смотрела на свои ногти, и это был страшный суд. Внутри всё сжалось, превратилось в ничто, и сам Дима превратился в ничто под давлением этого властного тихого голоса.

- Нет... - ровно ответил он, подходя к столу и опускаясь напротив. - Не поверишь.

Лялька громко выдохнула и подняла на Диму усталый взгляд. Она плакала. В квартире наверху кто-то громко засмеялся. Дима отвёл взгляд. Он не чувствовал себя виноватым, он просто не мог себя чувствовать.

- А Вика знала?

Зашуршал целлофан, и Ляля достала носовой платок из кармана своей сумки. Легко и быстро смахнула слёзы, словно они её раздражали.

- Догадывалась. Но мы не поэтому разошлись. Она полюбила другого.

- Ну ещё бы... - хмыкнула Лялька и подалась к Диме. - Ей нужен был мужик.

Дима вздрогнул и, поджав губы, с вызовом посмотрел на сестру.

- Жестокое наказание неверного брата? - усмехнулся он и облизал пересохшие губы. Голос не дрожал, и внутри стало вдруг жарко от возбуждения. Ни черта ты меня не знаешь, сестрёнка! - Только ты особенно не старайся, виноватым и оскорблённым я себя чувствовать не стану.

- Да я вообще с тобой разговаривать не хочу. Мне противно! - Лялька отвела взгляд и побарабанила пальцами по столу.

- Я тебя не держу. Дверь там же, где и пять минут назад, - тихо проговорил Дима и, убрав картонку с бокала, взял его в руки. - Или можешь молча попить чаю. - Он сделал один глоток и довольно улыбнулся. Чай был великолепен. - Александр делал, а он знает толк в чае.

- А ещё в чём он знает толк? - Ляля скривила губы и нервно передёрнула плечами.

- Во всём, что его касается.

- И в тебе тоже?

- Ляль, - Дима поставил кружку на стол и, протянув руку, коснулся ладони сестры, - не стоит. Я прекрасно знаю, что ты считаешь это плохим, неправильным, неестественным, некрасивым... Но я люблю его. И он меня любит. Так случилось.

Лялька крепко сжала руку Димы в своей и, опустив голову, закрыла второй ладонью лицо. Опять заплакала. Дима знал, что самое лучшее, что он может для неё сейчас сделать - это помолчать. Сначала она должна принять данность, а потом уже можно будет говорить.

- Дима... Димочка... - выдохнула она и, вытерев глаза, посмотрела на Диму уже спокойнее. Но не так как раньше, а с сожалением, снисхождением и чем-то ещё особенно женским. - И как ты представляешь вашу дальнейшую жизнь? У него же, наверное, семья имеется, дети?

Сколько ему лет? Сорок? Сорок пять?

- Да, у него семья, сын... Я не знаю, сколько ему лет. Мы работаем в одной фирме. Он занимает должность Вики.

- А дальше?

Дима убрал свою руку и встал из-за стола.

- Что дальше? – громче переспросил он. – Мы встречаемся, когда у нас обоих есть время. Спим, едим, разговариваем. Что может быть дальше?!

- Я про твою ориентацию спрашиваю.

- Моя ориентация при мне, и это моё личное дело, с кем спать. Все такие, бля, смелые! Куда деваться... - Дима отошёл к окну, открыл одну створку и достал сигарету из пачки, лежащей на подоконнике. Вспомнил про Александра, который сказал, что пошёл за сигаретами. Сердце сладко сжалось в груди. Он просто дал им время поговорить. – Приходите и судите, словно я не человек, а набор качеств – должен и обязан.

Дима затянулся и отвернулся к окну.

Лялька встала из-за стола и подошла к нему. Вытащила сигарету и тоже закурила.

- Димка, но это такой крест... Я же за тебя переживаю, Димка, - она ласково посмотрела на Диму и обняла за плечи. – Ты же всю оставшуюся жизнь будешь сражаться со всеми. За своё мнение, за свои взгляды...

- Ляль, послушай меня, - Дима позволил себе положить голову на плечо сестры. Она была чуть выше его и пахла чужим домом. У неё уже давно был свой дом, уют и порядок. Если бы он мог так же, всё было бы иначе. – Я устал убегать от правды. Впервые за столько лет я чувствую себя живым и счастливым. Свободным. Мне наплевать на всё, что было, что будет... Я живу сейчас, с ним.

- А он? Он-то что говорит?

- Что вы меня избаловали, - усмехнулся Дима и, дотянувшись, поцеловал Ляльку в щёку. – Говорит, что я ни черта не умею и вообще маменькин сынок.

- Интересная у вас любовь, - улыбнулась она и погладила брата по голове.

- Самая интересная из всех возможных, - вместе с дымом выдохнул Дима и добавил тише: - Про нас можно книжки писать.

Александр вернулся через час. Лялька недоверчиво покосилась на него, когда он прошёл на кухню и поставил на стол торт, красивый, самый вкусный из всех существующих на планете – Ленинградский. И откуда догадался, что это любимый торт всей семьи?

- Даёте взятку? – Лялька, если начинала язвить, остановить её мог только асфальтоукладчик. Очевидно, у них с Димой было больше общего, чем принято считать. Ляля всегда была твёрдой и решительной, а Дима более плавным и гибким в общении с людьми. Но иронизировать любили оба.

- Выкуп, - улыбнулся Александр, глядя прямо Ляльке в глаза и подмигивая. Ну нифига себе!

Дима чуть не сполз под стол, понимая, что Александр решил уделать его сестру и напрямую идёт к своей цели. Это было так интересно, - наблюдать за тем, как он будет это делать, потому что Лялька была не совсем стандартной девушкой. Её нынешний муж три года завязывался перед ней узлом, чтобы она ответила «да».

- Как невеста? Нравится?

Дима вспыхнул и хотел уже возмутиться, что не нужно говорить о нём в таком тоне, и вообще в третьем лице, но Александр мягко подтолкнул его к плите, где закипал чайник.

- Дим, организуй нам чай, - и, повернувшись к Ляле, широко улыбнулся: - Вполне. А ты всегда о брате говоришь с таким пренебрежением или у тебя так много братьев, что одним можно поступиться?

- У меня один брат. И когда он делает глупости, стараюсь вернуть на путь истинный.

Лялька явно не намерена была уступать, даже голос её звенел от раздражения. Александр ей не нравился. Но того данный расклад несколько не смущал, даже наоборот, насколько Дима его узнал - ему нравилось разговаривать с Лялей. Иначе бы он свернул всю эту лавочку.

- И много ли глупостей делает твой брат? Мне он показался разумным и осторожным.

- Бывает, - Лялька приняла кружку с горячим чаем из рук Димы и открыла торт. - Надеюсь, вы не возражаете?

Александр улыбнулся и сел напротив. Дима стоял около плиты и смотрел на них, обнимая свою кружку. Наверное, он и впрямь самый глупый на свете, но ему было до ужаса приятно, что его сестра и его любимый Александр сидят за одним столом и вообще разговаривают. Если бы ещё мама была здесь... Счастье было бы абсолютным. Он был уверен в Александре, и в своей семье тоже. Понимание возможно.

- Елена, знаешь, есть такой вид заботы, который не несёт в себе никакой пользы, кроме вреда. И сейчас я наблюдаю именно такой процесс.

- Да что вы говорите, - хмыкнула Лялька. - А вы вообще любитель наблюдения за процессами, как я погляжу.

- Я эксперт в своей области, с этим трудно спорить.

- Других мужиков не нашлось? Там, я насколько понимаю, опыт нужен...

Дима опять вздрогнул и сжался. Да, Лялька пленных не брала. Ради Диминого счастья Диму первого удавит.

- То, что там, как ты говоришь, меня не волнует. Твой брат лучший, поэтому я здесь. И ты тоже, надеюсь, здесь по этой же причине.

- И что вы можете ему пообещать? Пару-тройку недель отвязного секса?

Александр широко улыбнулся и откусил кусок торта.

- Не люблю сладкое, - проговорил он, когда прожевал, и серьёзно посмотрел на Лялю. - Я не даю обещаний, но цену словам знаю. Если для тебя это имеет значение - я его люблю и кидать после двух-трёх недель не собираюсь, как ты смело предположила. Дима не то, чем стоит

раскидываться. И ты понимаешь, что наши отношения иного свойства, нежели обычные. Нас слишком мало.

Лялька медленно перевела взгляд на Диму и опустила голову.

- Александр, вы понимаете, что если он останется один, он не сможет найти... ну, как вы, так легко...

Дима потёр щёки и посмотрел на Александра, улыбка сама собой растянула его губы. Они оба вспомнили о первом разе и о том, кто кого нашёл.

- Лена, твой брат всё сможет. Не стоит недооценивать силу колибри.

Лялька подняла глаза и посмотрела на Александра. Дима думал, что это, очевидно, тот самый конец света и есть – она была смущена и восхищена. И никаких асфальтоукладчиков не нужно, просто... Дима закусил нижнюю губу, и почувствовал, что в животе стало тепло. Александр назвал его колибри. Это было до неприличия сентиментально и приятно, божественно приятно.

- Вкусный торт, - нашлась, наконец, Лялька и отрезала себе ещё один кусок. - Мой любимый.

- Я так и подумал, сухой и сладкий.

- Да что вы? Это прям про меня. А что ещё? - язвительность никуда, конечно, не делась, но призма уже была иная. И теперь Дима мог спокойно подсесть к ним, зная, что кидаться кружками с кипятком никто не будет.

- Это я привезла врачевать. Малина живая, протёртая с сахаром, мёд, пить на ночь с горячим чаем, но только чтобы потом сразу в постель лёг, - Лялька поставила на стол банки с малиновым вареньем и мёдом и всё время смотрела на Александра, словно давала ему ЦУ, а не Диме. Спелись, с благоговейным трепетом отметил Дима. - Ну, я, наверное, тут лишняя. Поеду домой, обрадую своих. Пусть бросают свои долбилки и футболы и смотрят на меня, прекрасную.

- Он меня укусом растирал, а по потолку прыгали черти, - не смог удержаться Дима и, взяв банки, поставил их в холодильник. - Это было ужасно.

- Тебе всё ужасно, а между прочим, это весьма действенный способ.

Они опять смотрели друг на друга, словно сто лет знакомы. Это же надо... Дима всё никак не мог оправиться от той скорости, с которой люди проникаются методиками и взглядами Александра.

- Никогда не понимал, как можно заставить человека делать то, что ему не нравится? - протянул Дима и захлопнул холодильник.

- Тебя-то? Человек ты наш несчастный, - улыбнулась Лялька и обняла Диму за пояс. Да, сколько бы лет ни прошло, она всегда будет это делать. Тискать и тискать... - Ты же чудомальчик, который ни черта не разбирается в том, что полезно, а что вредно, поэтому приходится брать ответственность на себя.

Дима усмехнулся и вырвался из рук сестры. Неужели она после слов Александра про колибри решила продемонстрировать и свою любовь? Мол, я тоже его люблю и могу выражать это

открыто.

- Зануда.

Лялька потрепала Диму по голове и вышла в коридор.

- В следующий раз, когда будешь болеть, оставь хотя бы сотовый включённым, чтобы я не ездила за тридевять земель, чтобы поесть торт. Хорошо? Александр, вы хотя бы проконтролируйте, он же всё забудет.

Александр кивнул и подал Ляле сумку, открыл дверь и вообще вёл себя как джентльмен. Хотя почему как? Он и был таким... перманентно.

- Да, всё включу, выучу, запомню! - Дима отдал честь сестре и ласково улыбнулся. - Спасибо, что приехала.

- Не болей, приеду - проверю.

Лялька вызвала лифт и когда двери закрылись, Дима вернулся в квартиру. Он был счастливым и уставшим одновременно. Всё изменилось в их семье. И пусть, может быть, в лучшую сторону, но перемены всегда пугают и отнимают много сил.

- Лялька всегда была авторитарной личностью, даже когда отводила меня в садик, шла самой широкой дорогой, а меня вечно в кусты тянуло.

Дима прошёл в гостиную и сел на диван рядом с Александром. Тот обнял его за плечи и поцеловал в висок, потом скользнул губами по лбу и нахмурился.

- Опять температура поднялась, давай-ка отведём тебя в кровать широким коридором.

- А кусты? - Дима притянул Александра за ворот рубахи и игриво прикусил нижнюю губу. - Хочу в кусты...

- Потом будут кусты и тёмные углы, сначала тебе нужно выздороветь.

- Но я не хочу спать, - заныл Дима, поднимаясь с дивана и топя в спальню. - Сколько уже можно дрыхнуть, все мозги слипнутся.

- Здоровый сон - лучшее лекарство, - Александр замотал его в одеяло, как в кокон и устроился рядом. - Может, тебе ещё сказку рассказать, чтобы ты уснул, детка моя?

- А ты рассказывал Юре сказки? - Дима уткнулся носом в плечо Александра и хихикнул, представив, как бы это могло выглядеть. Сказки о том, как цвет воздействует на психику зрителей рекламы.

- Да, в очень тёмном прошлом, я бы даже сказал, дремучем.

Дима коротко вздохнул и плотнее прижался к Александру. Он всегда мечтал о таком отце, который возился бы с ним, рассказывал сказки, укутывал на ночь, учил драться и отвечать обидчикам. Всё сам... всему сам научился. Наверное, Дима слишком сильно этого хотел, поэтому Александр сейчас здесь, с ним, гладит по голове и всё понимает.

- Вокруг тебя столько женщин, я даже где-то завидую, - мягко усмехнулся Александр.

- Хоть всех забирай... мне не жалко.

- Я им не нравлюсь.

- Они думают, что ты будешь меня обижать и кидать. Не понимают, почему ты со мной, весь такой успешный, семейный и взрослый. Ты преследуешь корыстные цели.

- Они правы, я корыстен, - Александр приподнялся на локте и посмотрел на Диму сверху вниз.

- Заяц, я тебя съем, ну, погоди...

- А нам всё равно, - улыбнулся Дима и закрыл глаза, чувствуя дыхание Александра на своих губах.

Всё равно... хоть потоп.

Часть 11.Проект.

- Лид, ну посмотри на меня, как я выгляжу?

Дима прыгал вокруг своего стола и никак не мог сосредоточиться на том, что будет говорить господам присяжным. Он кидал короткие оценивающие взгляды на листы с распечатанным планом проекта и думал, что ещё один взгляд и его точно стошнит. Он почти ненавидел этот проект и то, что знал наизусть каждую линию. Каждую, мать её, цифру!

Лида тяжело вздохнула и приложила только что поднятую трубку телефона к плечу. Посмотрела на Диму, как он просил в который уже раз? Двести пятый? Или двести восьмой?

- Ты отлично выглядишь, Димасик. И если ты перестанешь болтаться как нечто в проруби, то будешь выглядеть ещё лучше.

- Это психоз, - Дима застегнул верхнюю пуговицу рубашки, посмотрел на себя в зеркало. Это был полный вынос мозга. Себя он тоже знал до последней чёрточки, тошнота ощутимо подступала к горлу. Последний раз он так волновался перед свадьбой. А потом Вика дала какие-то замечательные таблетки, от которых полегчало так, что он три дня уснуть не мог, зато на самой свадьбе был бодрым и весёлым. Где бы ещё раз взять эти замечательные таблетки?!

Лида поговорила по телефону, назвала адрес их конторы и записала звонок в своей книге перемен.

Дима вновь расстегнул рубашку и, растянув улыбку, посмотрел на себя. Там будет Александр. И отчего-то это не придавало Диме уверенности, наоборот. Именно для него Дима хотел бы выглядеть на все сто и представить проект так, чтобы в первую очередь понравилось Александру. Пусть Всеволод Игнатьевич не отклонил ещё ни одного проекта, всегда может быть первый раз, и вообще...

Наверное, есть что-то мудрое в тех людях, которые считают, что смешивать личные проблемы и рабочие - это неправильно, и нужно избегать всевозможных романов на работе. Постель - это постель, а деньги и карьера - это просто деньги и карьера, ничего личного. Дима был уверен, что Александр живёт именно по такому принципу, а он сам не мог. Ну как можно не смешать одно с другим, если это его жизнь, от и до. И он везде одинаковый и хочет нравиться и там и там.

- Лида! Верхнюю пуговицу лучше застегнуть или расстегнуть?

- Та-ак, - протянула Лида, вставая из-за стола. Терпение явно закончилось, сейчас она будет ругаться. - Руки опустил.

Дима растерянно убрал руки от несчастной рубашки и с опаской посмотрел на приближающуюся к нему девушку. Лида была серьезна как никогда. Что это с ней? Ужас.

Она подошла к Диме вплотную и даже не улыбнулась.

- Белый танец. Дамы приглашают кавалеров.

- Без музыки?

- Ну хочешь, я тебе спою? - Лида протянула Диме руку и, не дождавшись его выхода из прифигевшего состояния, сама взяла его за руку и встала ближе.

- Лучше станцуем, хотя из меня танцор... - нервно выдохнул Дима, обнимая девушку за талию.

- Что-то мешает? - Лида подмигнула и крепче прижала Диму к себе. - Сосредоточься на ногах, если наступишь на мои новые туфли, я тебя оставлю без того, что мешает плохим танцорам.

- Такая романтика, - хихикнул Дима и стал медленно кружить Лиду по тесной комнате, среди мониторов и свистящих от напряжения принтеров. Стало легче, руки больше не дрожали, только в голове чётко вспыхивала схема доклада.

А потом Дима неожиданно наклонил Лиду назад, - видел в каком-то фильме, - так что та чуть не потеряла равновесие и вцепилась в Димины плечи так сильно, что тот почти выпустил её из рук, но вовремя подхватил. Комната взорвалась звонким смехом.

- Вижу, вы тут не скучаете.

Ну конечно же, это пришёл он. Кто ещё может прийти незаметно и в самый разгар веселья, словно чувствуя, где что интересного происходит?

- Успокаиваемся, Александр Владимирович, - усмехнулась Лида, одёргивая подол юбки, задравшийся до середины бедра.

Дима почувствовал, что краснеет, и широко улыбнулся, чтобы скрыть своё смущение. Он не видел Александра два дня и хотел бы остаться с ним наедине хотя бы на пять минут, чтобы не прятать глаза и не думать о том, куда деть руки. Пусть Лида посвящена в курс дела, это ещё не значит, что при ней можно себе позволить что-то большее, чем промямлить:

- Здравствуйте, Александр Владимирович.

- Лида, оставь нас на десять минут.

- Да, уже убегаю, - Лида подмигнула Диме и, подхватив какой-то яркий журнал, выскользнула из кабинета. Плотно прикрыла дверь за собой.

- Накрутил себя, - Александр подошёл к столу с распечатками проекта и полистал. - И в чём состоит суть сомнений?

Дима подошёл ближе и встал за спиной Александра, тоже посмотрел на чертежи. Теперь уже

его глазами. Надо отдать должное, выглядело достойно и вполне себе новаторски, чего и требовал заказчик.

- А вдруг я растеряюсь и забуду, что говорить? – Дима закусил губу и встряхнул руками, останавливая просыпающуюся дрожь.

- И что из того? – Александр обернулся и снисходительно посмотрел на Диму, провёл рукой по воротнику рубашки, слегка касаясь кожи на шее. – Проект уже сделан, что бы ты ни сказал, материал готов. И говорит сам за себя.

- Тебе нравится? – Сердце билось в горле и рукава пиджака казались ужасно длинными и нелепыми.

- Достойный проект. Компания в нём уверена, – Александр улыбнулся и потерев кончики Диминых волос на висках.

- Да я не о том! – Дима отодвинулся от Александра и заходил по кабинету. – Достойный – не достойный... чёртов маркетинг. Я спросил, тебе нравится?

Александр вновь подошёл к Диме.

- Нравится.

- Это самое главное... – выдохнул Дима и порывисто прижался к Александру, приподнялся на цыпочках и поцеловал его в губы. – Остальное всё фигня.

- Но моё мнение – не истина в последней инстанции. – Глаза напротив были серьёзны, но Дима услышал то, что хотел услышать и та уверенность, которая нужна была, проросла внутри и укрепила его во мнении, что всё пройдёт гладко.

- Для меня истина, – решительно проговорил он.

- Хорошо, пусть будет.

В кармане Александра завибрировал телефон. Всеволод Игнатьевич сообщил, что пора выезжать.

В машине было слишком тепло, несмотря на работающий кондиционер, и по коже спины заструился жар. Дима смахнул выступившие над губой капельки пота и отодвинулся от Александра, сидевшего рядом с ним на заднем сидении, чуть дальше. Нужно было сосредоточиться, а не думать о том, удобно ли заниматься сексом в машине. Куда ногу поставить? И в какой позе? Определённо, это неудобно, но наверное, так близко и горячо... Александр бы подержал ноги... Дима больно прикусил губу, чтобы хоть как-то отвлечься и настроиться на представление проекта. Видимо, слишком сильно прикусил кожу, во рту стало солёно. Но боли не чувствовалось. Привычка, блин.

Дима отвернулся к окну и облизал губы, так и есть, кровяшка текла ручьём, пришлось сглатывать. Отвратительный вкус, вызывающий тошноту. Да ещё в такой духоте...

Александр молча протянул Диме платок и уверенно убрал его руку от лица.

- Не трогай руками, платок приложи, – он говорил тихо, Всеволод Игнатьевич не мог услышать. Рядом с ним Женя Отрадная орала о том, чтобы подлый некто уходил нафиг и закрыл за собой

дверь, чтобы не дуло.

- Спасибо, - благодарно улыбнулся Дима. - Нервы. Ненавижу публичные выступления.

Всеволод Игнатьевич посмотрел на них в зеркало заднего вида и покачал головой.

- Слушай, Саш... забыл сказать, - начал он и побарабанил пальцами по рулю, - Стася звонила, сказала, что Антипов намыливался прийти.

- Он ещё не ушёл на пенсию? - недружелюбно спросил Александр. Дима почувствовал, как медленно начинает бледнеть. Что ещё за Антипов?

- Куда там, - невесело протянул Сева, - он будет гнобить, пока вперёд ногами не вынесут. И после смерти сожрёт ещё пару-тройку младенцев. Ты Димку предупреди, чтоб готов был. А то мало ли... Моя Валька уволилась из «Ориона» после его разноса и деньги не нужны оказались. Есть же твари...

Дима закусил край платка и выжидательно посмотрел на Александра. Только психически ненормальных критиков ему не хватало сегодня. Сразу вспомнился маразматический преподаватель сопромата. Тот ещё был перец. Невзлюбил Диму просто потому что он был тринадцатым по списку. И вечно подкалывал его, мол, бесноватый и ещё какой-то... Сейчас вспоминать не хотелось, но упорно вспоминалось, и настроение постепенно стремилось к нулю. Если этот Антипов такой же невременяемый, то против него Дима сможет... должен смочь выставить оборону в виде пофигизма, типа видели, знаем.

- Если он там будет, то лучше не говори ничего. Соглашайся и кивай. Я скажу всё что надо за тебя. Павел Евгеньевич не любит молодых специалистов принципиально. И считает, что их нужно воспитывать, а не потакать прихотям. Поэтому раньше времени не высывайся. Надеюсь, что он тебя не заметит.

Дима убрал платок ото рта. На белой ткани запеклись три красных пятнышка. Плохой знак, некстати подумал Дима.

- Но если проект достойный, как ты говоришь...

- Это не имеет никакого значения, - Александр протянул руку и ненавязчиво коснулся мизинца Димы. - Главное, не бойся его. Он этого не любит.

- А вообще есть возможность ему понравиться?

- Павлуша - маразматик, - Всеволод Игнатьевич обернулся и подмигнул Диме. - И с этим ничего нельзя поделать. Конечно, он отличный специалист в своей области... но это не даёт ему права унижать людей. Терпеть его не могу!

- Сева, - Александр резко остановил эмоциональный поток. - Тебя тоже нужно успокаивать?

- Сашка! - Всеволод Игнатьевич постучал раскрытой ладонью по рулю и громко выругался. - ... твою мать! Он мне мстит за свою Лариску, что оставил её. Распугивает всех моих специалистов, чтоб потопить. Но хрена ему! Пусть выкусит. Я своих в обиду больше не дам. Димка, если останешься, повышу зарплату.

- Я буду с ним сам говорить, - Александр посмотрел на Диму и мягко улыбнулся. Да хоть на край света за ним побежишь, подумал Дима и улыбнулся в ответ. Кто угодно побежит. Даже

Всеволод Игнатьевич вмиг успокоился и, сделав радио погромче, стал подпевать Валерии и её хору мальчиков-клаустрофобов, застрявших в лифте.

В приёмной администрации было прохладно и тихо, как в библиотеке. Пахло какими-то фикусами и бумажной пылью. Девушка-секретарь дежурно улыбнулась вошедшим и сказала, чтобы они подождали пять минут.

- Павел Евгеньевич Антипов уже прибыл? – Александр рикошетом вернул девушке дежурную улыбку и она кивнула. Дима понял, что это конец. Вот и смерть его пришла. Маразматик, которого никак не вынесут вперёд ногами откусит ему голову, как пить дать.

- Дима, соберись, - Александр опустился на тахту рядом с Димой и забрал у него папку с технической документацией. - Твой проект примут, я тебе обещаю.

- Пусть только вякнет, - сказал Всеволод Игнатьевич, понизив голос, и быстрым движением оправил пиджак. Да, они с Александром выглядели вполне себе внушительно. Солидные, серьёзные бизнесмены. Когда-нибудь Дима станет таким же, и будет всё фиолетово. Главное - не теряться и наматывать на ус.

- Вы можете пройти, - у девушки и голос был дежурным, эдакий секретарский акцент. Фи-фи-фи.

Они вошли в просторный светлый кабинет, посередине которого стоял продолговатый стол для переговоров. За столом сидело четверо человек, все довольно-таки преклонного возраста, лишь один казался сверстником Александра. Мужчины обменялись рукопожатиями и формальными фразами о погоде. Дима всматривался в незнакомые лица и пытался угадать, которое из них принадлежит легендарному Антипову. Сначала он подумал, что это седой как лунь старичок с крючковатым носом и веснушчатой кожей. Уж больно грозно он взирал из своего кресла на Диму. Волнение подкатило к горлу и захотелось трусливо уйти. Но Дима продолжал стоять чуть позади Всеволода Игнатьевича и вслушиваться в разговор.

- Финансовые документы будут готовы через неделю, - Александр подошёл к проектору и, достав из портмоне диск, вставил его в прорезь. - Сначала посмотрим общий внешний вид, а потом внутреннюю отделку.

- Есть ещё и проект внутреннего дизайна? – удивлённо переспросил крючконосый.

- Дизайн был заказан, - спокойно пояснил Александр и настроил изображение. Всеволод Игнатьевич подтолкнул Диму к свободным местам за столом, и они сели рядом напротив проекционного экрана.

Александр листал слайды и говорил о материалах, о размерах и технических характеристиках. Дима медленно выпадал в осадок... Он тоже знал каждую цифру. Когда успел?

Мужчина, который выглядел моложе всех остальных членов комиссии, задал два вопроса о расценках на материалы и, улыбнувшись, раскрыл папку с чертежами и расчётами. Потом передал чертежи остальным, оставив у себя расчёты. Поставил свою подпись на документе утверждения.

Дима медленно выдохнул. Один есть. Осталось ещё трое. Крючконосый мужчина рассматривал чертежи вторым. Пожевал губы, что-то едва слышно сказал сидящему рядом полнотелому краснолицему дяденьке и отодвинул от себя чертежи. Поставил подпись на документе. Дима замер на секунду. Неужели так всё легко будет? Или... это не Антипов...

Краснолицый поставил подпись, даже не рассматривая документы, а просто кивнул Александру, над чем-то посмеялся с тем, кого Дима принял за Антипова. Остался только один человек. Дима смотрел на кудрявого улыбочивого мужчину, сидящего наискось от него и медленно холодел. Вот он. Этот взгляд... Насмешка и знание.

- Автор проекта - Дмитрий Минаев, - громко прочитал он и поднял взгляд на Диму. У него были светлые, почти прозрачные глаза. Холодные и острые как опасная бритва. Дима понял, что порезался. Он его заметил. - Это вы?

Павел Евгеньевич снял очки и указал ими на Диму.

- Да, я разработчик, - Дима думал, что если помирать, то с музыкой, поэтому говорил уверенно и ровно. Насмотрелся на Александра и вдруг представил себя им. Как бы он повёл себя в подобной ситуации? Глазом бы не моргнул и отвечал прямо и в лоб. У тебя бритва, а у меня - бита.

- Давно занимаетесь проектированием?

- Три года. Начал ещё в университете. Вёл проект торгового центра на улице Восстания, - Дима выпрямился на стуле и расцепил руки, демонстрируя полную открытость и готовность к разговору.

- В моей компании все специалисты имеют опыт и высокую квалификацию, - Всеволод Игнатъевич сверлил глазами Павла Евгеньевича, откровенно вызывая его на словесную дуэль. Дима мысленно одёрнул его. Не стоило говорить в таком тоне. Обычно марзаматиков это только распалает.

- Я знаю, что в твоей фирме принято потакать молодым да ранним. Не самая лучшая тенденция, - усмехнулся Павел Евгеньевич и кинул короткий острый взгляд на Александра.

- Павел Евгеньевич, давайте перейдём к сути рассматриваемого вопроса, - Александр вальяжно прошёлся по кабинету и сел напротив, положив одну ногу на другую. Он был абсолютно спокоен и заражал этим спокойствием всех вокруг.

- Эх... Александр, Александр... - уже мягче усмехнулся Павел Евгеньевич, словно они с Александром были друзья - не разлей вода, и отложил очки в сторону. - С каких пор ты радеешь за молодёжь? Ты же за опыт всегда выступал, насколько я помню. Родственник, наверное, какой-нибудь... Понимаю-понимаю... Семья - это святое. Надо помочь младшему брату. Кстати, наслышан о твоём блестящем выступлении в Лондоне. Администрация города приняла решение объявить тебе благодарность.

- Дмитрий Минаев мне не родственник, - Александр проигнорировал лестные слова.

- Хочешь сказать, что нет ничего личного в том, что ты представляешь весьма заурядный проект? Конечно, с твоими способностями можно продать что угодно и кому угодно, - Павел Евгеньевич снисходительно улыбнулся, и Дима подумал, что такого унижения не испытывал никогда в жизни. Он не сомневался, знал, куда бить. И бил. Нахрена?!

- Ничего личного, - серьёзно ответил Александр. - Мне понравился этот проект.

- Да, проект неплохой... Правда, слишком похож на все эти европейские этюдики. Но иногда среди сора попадаются достойные работы. Например, автостоянка Василия Федотова или Московский индустриальный банк Егора Либова. Ребята постарались на славу, и получили

заслуженные награды.

- Павел Евгеньевич, я думаю, вам не стоит напоминать о том, что эти специалисты получили награды в Международный день инвалидов.

- Ну так вот, я понимаю, талант! Упорство и природное чутьё. А тут... всё сие уже было. Вот, например, такая параллель колонн была разработана Максом Рингом ещё в начале XX века. Или круглый зал... Языческий ещё храм – Пантеон, помнишь? Оттуда идею подсмотрели. Но это не так принципиально, заимствование не считается тяжким грехом, а вот смешение стилей... Это же, простите великодушно, культурный винегрет какой-то и, по меньшей мере, неразвитое чувство вкуса и гармонии, - Павел Евгеньевич кинул пренебрежительный взгляд на чертёж и, тяжело вздохнув, подвинул к себе бланк утверждения. - Только из уважения к вам, Александр Владимирович.

Он подписал, не касаясь рукой бумаги, и отдал документ секретарше.

- И мой вам совет, Александр Владимирович, не тратьте себя по пустякам. Ваше место не здесь.

- Спасибо за совет, Павел Евгеньевич. Но я привык сам выбирать тех людей, с которыми мне приятно работать.

Александр встал и, не прощаясь, пошёл к выходу. Дима на ватных ногах поплёлся вслед за ним. Обернувшись, он кинул взгляд на Павла Евгеньевича и увидел, что его лицо было серым и неприятным. Очевидно, он не один раз предлагал Александру работать с ним.

Всеволод Игнатьевич сиял улыбкой, подписывая документы в приёмной, Александр тоже был доволен. Они даже шутили с краснолицым добродушным дядькой. Обсуждали его разговор с Антиповым и его методы воздействия. Дима стоял, прислонившись к стене и понимал, что начинает задыхаться. До него всё быстрее и быстрее доходило осознание того, что он полный ноль... Без Александра он полный ноль. «Вот, я понимаю, талант, а тут...» - то и дело вспыхивало в голове и заткнуть этот мерзкий голос было невозможно. Дима развернулся и пошёл по коридору. Нужно было покурить, срочно, а лучше вообще сдохнуть.

- Чёрт. Чёрт! Чёрт!!! - Дима чиркал зажигалкой, но она никак не хотела давать огонь. Ударив ногой дверь одной из кабинок туалета, Дима попробовал опять зажечь сигарету. На этот раз зажигалка сжалась и вспыхнула ярко-жёлтым. - Талант, бля... Где бы его занять, твою мать! Всё сие уже было... Конечно, было! В любом доме четыре стены и потолок! - Дима опять ударил дверцу ногой. Дверца распахнулась, и Дима со всей силы долбанул её ещё раз. Стало чуть легче, - наверное, подействовала сигарета.

Дима стоял около раскрытого окна и ни о чём не думал. Внизу цвела черёмуха, и всего полчаса назад он был уверен в том, что что-то может, что в нём действительно что-то есть. Черёмуха была чистой, белой, пахла свободой... Тщеславие и гордыня, и больше ничего. Он всё придумал, никогда не было ни таланта, ни способностей, ни видения, просто амбиции, голые фантазии. Как бы ни хотелось отрицать слова Павла Евгеньевича, у него ничего не получалось. Отсутствие гармонии и вторичность, а он так гордился собой...

Дима шмыгнул носом и затушил окурочок. Он слышал, как кто-то вошёл в туалет, и знал, кто это был. Только из уважения к нему... и ни грамма больше.

- Как поживает твоя истина в последней инстанции? - Александр подошёл к Диме и провёл кончиками пальцев по его шее сзади. Дима опять шмыгнул. Ну какого чёрта он хочет реветь?!

Как маленький придурок!

- Взяла выходной, - горько усмехнулся Дима и достал ещё одну сигарету, покрутил в пальцах. - Это было мерзко...

- Это не твоя война. Демонстрация силы была устроена для меня, а ты попался под горячую руку.

Дима отложил сигарету на подоконник и обернулся к Александру, посмотрел на его грудь, и почувствовал, как тот обнимает за плечи и привлекает ближе к себе. Дима закрыл глаза и прижался щекой к жёсткой ткани пиджака, за которой размеренно билось сердце.

- Обидно, Саша... - едва слышно выдохнул Дима, обнимая Александра за пояс. - Как же обидно... зачем он так? Саш, ну зачем? Даже если он прав.

Александр гладил Диму по голове и прижимал к себе всё ближе и ближе, пока он не перестал всхлипывать.

- Злых людей много, Дима. Мне понравился этот проект. Пусть твоя истина вернётся на работу и покажет всем кузькину мать.

- Я привыкну... когда-нибудь я привыкну, - решительно проговорил Дима и отстранился от Александра, посмотрел на него. - Я научусь, вот увидишь!

Александр взял его лицо в свои руки и наклонился, чтобы поцеловать, но вдруг остановился и, не моргая, посмотрел в глаза.

- Не надо, Дима, - прошептал он. - Не привыкай. Это не для тебя.

- Почему?

- Ты художник, мой красивый мальчик, - Александр ласково поцеловал его в губы и улыбнулся. - Я им тебя не отдам.

- Напиться хочу.

Дима смотрел на размытый дождём пейзаж за окном автомобиля и теребил в пальцах брелок от ключей. Пизанская башня, память о свадебном путешествии. Море, ностальгия... Чёртов Пантеон с долбаным круглым залом. Нет, не чёртов, а языческий. Впечатляющий проект, оригинальный.

- В баре или клубе? - Александр смотрел на дорогу и был спокоен, как удав. Конечно, ему-то что. Он всё это уже прошёл, наверное. А может быть и нет, у него талант есть. Да, на то, чтобы так смотреть на людей, как он сейчас смотрит - прямо в душу без предупреждения, нужно иметь талант. Дима прекрасно понимал, что ведёт себя некрасиво, дуясь как мышь на крупу, но настроения не было, а притворяться он не умел. И начинать не собирался. Дима коротко выдохнул и отвернулся. И дождь ещё как назло стучал по стеклу жалобно и тоскливо.

- Без разницы.

- Значит, в клубе. Мне нравится смотреть на то, как ты танцуешь.

- Так же как и проектирую, хотя... быть может, чуть лучше.

Александр свернул с дороги и заглушил мотор. Дима устало потёр виски и мельком глянул на него, оценивая свои шансы быть выброшенным из машины под дождь. Тридцать к семидесяти, что всё-таки его помилуют. Александр достал сигареты и молча протянул пачку Диме. Они закурили, слушая ритмичный стук капель по крыше автомобиля.

- Когда я был в твоём возрасте, тоже считал, что все мне должны. Но жизнь быстро объяснила, что к чему. Если ты сам себя не уважаешь, никто этим заниматься не станет. Если ты не будешь считать себя лучшим, никто не будет. Антипов чует за версту тех, кто его боится и сомневается в себе. А если сомневаешься, значит, есть причины. Человек, уверенный в себе, не будет передумывать, даже если весь мир против. Он готов умереть за свою идею.

Дима затаился и закрыл глаза, пропуская дым через лёгкие.

- У всех бывают трудности и первый раз всегда больно падать, но я не буду повторять дважды, чтобы ты меня услышал. Если у тебя нет желания, я могу отвезти тебя домой, и мы сходим в клуб, когда оно появится.

Дима усмехнулся и почувствовал, как в груди стало больно. Словно что-то давило изнутри и мешало дышать.

- Тебе нравится со мной развлекаться? С таким красивым мальчиком...

Александр затушил окурок и, повернувшись к Диме всем корпусом, широко улыбнулся, но глаза его были тёмными и серьёзными. Это было страшно. Так страшно, что Дима невольно вздрогнул и широко распахнул глаза.

- А ты чертовски наблюдателен, - понизив голос, проговорил Александр и, спрятав улыбку, резко приблизился к Диме. Это было так неожиданно, что он охнул и выставил вперёд руки, защищаясь, словно Александр мог его ударить. - Да, мне нравится быть с тобой. И мне, представляешь, нравится, когда у тебя хорошее настроение.

Дима не смог закрыть глаза, даже когда Александр поцеловал его в щёку, потом ласково скользнул по шее сзади и чуть сдавил пальцами, погладил. По телу прошла волна дрожи, и Дима поддался влечению. Шумно выдохнул и зажмурился, целуя в ответ. На короткий миг в голове стало тихо, больше не звучал мерзкий голос Павла Евгеньевича и вторивший ему внутренний Димин голос. Он всё ещё оправдывался, изобретал достойные ответ. К чёрту... Всё уже позади, теперь всё уже позади.

- Я дурак? - Дима уткнулся носом в шею Александра и медленно гладил его по спине.

- Импульсивный, юный романтик.

- Я, будь на твоём месте, выкинул бы себя за шкирку без права реабилитации за такие слова.

- Не выкинул бы, - усмехнулся Александр и чмокнул Диму в скулу. - Ты бы себя любил и плевал бы на всех.

- Какое замысловатое признание, - засмеялся Дима и отстранился. - Поехали в клуб, в конце концов, мой проект приняли. Буду собой гордиться.

- Вот и славно, умный мальчик. Неси дневник, буду ставить пятёрку.

- Поговорим об этом вечером, когда я буду в невменяемом состоянии танцевать на столе

лезгинку или лучше вприсядку. Вот опозоришься, так опозоришься!

- Я не буду позориться, я буду частушки петь. Вот эту, например:

Не ходите девки, замуж,

Ничего хорошего:

Утром встанешь...

- Не надо! – громко засмеялся Дима, только представив себе эту картину. Александр в костюме от Армани играет на балалайке и поёт матерные частушки, кстати, неплохо так поёт, со знанием дела. Милый такой... родной. – Лучше мы тихо-молча наквасимся и...

- И? – Александр облизнул губы и слегка потянул Диму за прядку волос.

- И-и... - Рука сама собой скользнула по напряжённому животу Александра, и Дима тихо выдохнул, чувствуя, что краснеет: - Будет нам счастье.

Машина низко зарычала и медленно тронулась. Дождь прекратился, и яркое закатное солнце залило городские улицы золотом.

Часть 12.Понимание.

Дима никогда бы раньше не подумал, что в клубе, где долбит по мозгам однотипная невразумительная музыка и всю оттягивается цвет городского гламура, ему будет нравиться. Конечно, если бы он пришёл сюда один, то эффект был бы совсем другим.

- Как думаешь, этот «Северно-американский взрыв» надолго вынесет мне мозг?

Дима с любопытством рассматривал меню и предвкушал веселье. Вот, например, такое название как «Большой бум» говорило само за себя, и состав – некоторое подобие ерша – внушал лёгкий ужас. А остальные выглядели очень даже аппетитно. Рядом с Александром было вдвойне приятно напиваться, потому что он не останавливался. Хотя Дима честно верил в то, что сможет сам остановиться на втором бокале.

- Смотря чего ты хочешь добиться, – Александр закурил и улыбнулся. – Попробуй «Русский флаг», сладкий яблочный сироп составляет основу вкуса и мягко расслабляет. Идеально для тебя.

Мимо столика пробежала симпатичная официантка и откровенно улыбнулась Александру. Да, сейчас Дима бы тоже хотел так улыбаться – откровенно и свободно, и флиртовать, и дурачиться, сесть на колени и целоваться, как пара за соседним столиком.

- «Ты моя женщина, я твой мужчина, если надо причину, то это причина...» - проговорил Дима и прикусил щёку с внутренней стороны. Иногда полезно озвучивать то, что считается действительностью, чтобы чётче понимать свою особенность и отличность.

- Боишься – не делай, делаешь – не бойся, – Александр точным движением стряхнул пепел и отнял у Димы меню, сложил и отодвинул на край столика. – Если не можешь определиться, тогда я буду импровизировать.

Дима усмехнулся и махнул рукой.

- Валяй, я полагаюсь на твой вкус.

Александр заказал кофе для себя и мохито для Димы.

- У меня к тебе рационализаторское предложение.

- Да, - Дима закивал головой и обрадованно улыбнулся.

- А послушать? - Александр выгнул бровь и похлопал по диванчику рядом с собой, предлагая Диме пересесть.

- Ладно, - вздохнул тот, поднимаясь с места, - пойдём длинным путём. Что ты хотел мне предложить?

Сидеть рядом с Александром было очень сложно. Дима поелозил, пытаясь устроиться так, чтобы и поближе и адекватно для тех, кто кидал на них редкие праздные взгляды. Напряжение было настолько ощутимым, что когда Александр ненавязчиво положил руку Диме на плечо, тот чуть не подпрыгнул на месте. Он издевается, что ли?! Но Александр, конечно же, ни черта не понял, в чём проблема, - оставил руку и погладил большим пальцем по плечу.

- Ну так... - вздохнул Дима, призывая себя к спокойствию. Нет, не призывая, а требуя, буквально насильно вколачивая! А дрожащие руки пришлось занять несчастной салфеткой. Быстрее бы уже принесли коктейль! - Чем займёмся?

Александр ласково усмехнулся и наклонился ближе к Диминому лицу. Не обожгись, блин! Дима закусил губу и сдержанно улыбнулся в ответ.

- Предлагаю провести следующие выходные во Флоренции. Улететь в пятницу, а в воскресенье обратно.

Дима исподлобья посмотрел на Александра, уже забыв, что он волновался и что-то там думал всего пять секунд назад. Это же...

- Охренеть, - губы сами собой растянулись в улыбку от уха до уха. Флоренция... это же... да ещё и с Александром. Не свихнуться бы раньше времени от радости, и не зацеловать его прямо здесь, наплевав на всех. - Это же... Давид! Самый прекрасный из всех...

- Я завтра закажу билеты и гостиницу, - Александр в упор смотрел на Диму и уже гладил по шее. Но пока это не смущало, пока была только Флоренция и что-то такое офигительно большое, что дышалось с трудом и хотелось глупо улыбаться.

- Расходы пополам.

- Обижаешь, лапа, я приглашаю.

Они смотрели друг на друга несколько секунд, не моргая. Сердце трепетало в груди, словно только что научившись биться, сбиваясь с ритма, ускоряясь, ускоряясь... Александр был так близко, что Дима понял, что не сможет сдержаться. Он подался вперёд и ткнулся губами в щёку Александра, а потом желанные губы нашли его и увлекли за собой в поцелуй.

Когда Дима отстранился и отсел чуть подальше, на столе уже был коктейль для него и кофе для Александра.

Дима стоял на танцполе и пытался думать мысль. Да, он был пьян и почти счастлив, но до

совершенства не хватало ещё одного... невозможного. Хотелось танцевать с Александром, но как?

- Донт финк - фак, - пробормотал Дима, осматривая танцующих вокруг и понимая, что если он сейчас же не уйдёт за столик, то просто-напросто свалится от кровоизлияния. Нельзя так интенсивно думать, выпив все эти флаги и взрывы. Сладкие, сладкие... Но не их хотелось, а разврата. Тут прям, на столе, чтоб все попадали.

- Саш, ну вот накой мы сюда припёрлись, если не танцуем? Может, хоть пойдём постоим? - канючил Дима до тех пор, пока его не пригласила танцевать какая-то девушка в коротких шортах и кожаных сапогах. И Дима согласился. Назло! Да и вообще... не привязанный, в конце концов. А ноги хотели пуститься в пляс.

На десятой минуте танца Дима не знал уже ни одного места на своём теле, которое Люба, как она представилась, не ощупала. И всё что-то говорила, что она может по всякому и где угодно. Дима сначала смеялся, с трудом понимая, кто вообще перед ним, а потом уже надоело не понимать, и он деликатно отослал Любу к более традиционным претендентам. И посмотрев на разговаривающего по телефону Александра, решил, что всеми правдами и неправдами заставит того танцевать с ним.

- Слушай, тут такое дело, - Дима впервые в жизни видел эту девушку в пышной юбке до середины колена и свободной блестящей блузке. Почему он подошёл именно к ней, Дима не смог бы понять даже по трезвой, а уж в том состоянии, в котором он был сейчас, и давно. Но думать уже не хотелось, нужно было действовать и быстро. Девушка выглядела так, что Дима понял - она согласится помочь.

- В чём дело? - она улыбалась, и это вдохновило Диму настолько, что он едва-едва сдержался от того, чтобы не запрыгать от радости.

- Одежда твоя нужна. Куплю... дорого и прямо сейчас.

Девушка недоверчиво посмотрела на Диму, а потом громко рассмеялась.

- Больной, что ли?

Дима активно закивал, а потом понял, что что-то не то делает и замотал головой.

- Неее... Просто у меня тут парень... друг... - начал он объяснять, запинаясь на каждом слове, - мы поспорили... или нет. Не поспорили... - врать не хотелось, слишком внимательно она слушала и действительно старалась понять, что он несёт. - Хочу с ним потанцевать... понимаешь? Чтобы не пялились... помоги.

Девушка широко улыбнулась, но всё ещё не верила тому, что Дима говорит.

- Точно больной... - выдохнула она, наконец. - А я что надену?

- Возьмёте мой замечательный колпачок и бумажную курточку, - весело процитировал Дима, понимая, что, если сразу не послала далеко и надолго, значит, сделка уже совершена. Осталось только переодеться и получить по шее. А если и правда Александру это не понравится, что тогда? Весь вечер позориться в юбке как последнему придурку? Дима был уверен в том, что девушка не останется в клубе в его одежде. А значит, это риск и ва-банк... Но рискнуть определённо стоило.

- Я сейчас вернусь, - улыбнулся Дима, вытаскивая из своей сумки кошелек. Александр серьезно посмотрел на него и проследил взглядом вдоль толпы танцующих. По всей видимости, нашёл то, что искал и вновь посмотрел на Диму.

- Возьми столько, сколько тебе нужно, а кошелек оставь - потеряешь, - он говорил спокойно, так же, как обычно, но Дима невольно замер, вслушиваясь, и понял, что Александр крайне недоволен. Наверное, он подумал, что Дима собрался ему изменять с этой девушкой. Вот прямо так, в наглую. Подошёл, взял деньги, взял девушку и пошёл изменять. И всё у Александра на глазах. Неужели он выглядит таким кретином? Дима почувствовал себя уязвленным.

- Александр Владимирович, - он наклонился к Александру и обнял руками за шею, заставил посмотреть на себя. - Вы меня любите?

- Допустим, - взгляд напротив немного потеплел, но пугающий осадок всё равно остался. Дима расплылся в улыбке и прислонился лбом ко лбу Александра.

- Я никуда не денусь, - прошептал Дима и резко отстранился. - Я сейчас вернусь.

- Да куда ты прёшься?! Пошли в женский, - она схватила Диму за плечо и буквально заволокла в прокуренный туалет. Осталось только топор повесить и будет гармония.

- Пардон, привычка, - хихикнул Дима и вмиг вспыхнул. Две девушки, стоявшие около открытого окна, кинули на вошедших понимающие взгляды и зашутукались между собой. Все всегда думают о сексе, не о своём, так о чужом. Словно в жизни кроме него ничего не происходит. Хотя... кто бы мог поверить, что все эти смешочки и возня, происходящие в закрытой кабинке, вовсе не значат, что там трахаются.

- Да стой ты! Задом наперёд надел юбку.

После трёх неудачных попыток надеть юбку передом наперёд Дима позволил девушке самой его одеть. Ну что за фигня, лениво думал Дима, изображая манекен, все всегда всё делают за него, а он только ручки поднимает и лыбится как придурок. Но пусть... он же никого не заставляет ему помогать. Инициатива поощряется.

- Юбка - это жест, туда же всё задувает! Как голый, - вздохнул Дима, приподняв край подола и позволив пышной подкладке медленно опуститься на колени. - Столько ткани зря переводят...

- Зато красиво, - девушка застегнула блузку на Димином плече, профессионально завязала шнурки на боку и задумчиво выдохнула. - Чёрные носки, конечно, не канают... и ботинки сорокового размера тем более, все сразу поймут, что ты фрик.

Дима растерянно похлопал глазами, пытаясь выглянуть из-за юбки и оценить свои шансы. Да уж... явно не девочка, одни волосатые ноги чего стоят.

- И что делать?

- Могу дать запасные чёрные чулки, всегда беру с собой, а ботинки придётся снять вообще. Пол тёплый - погарцуешь босичком.

- Валяй, только чулки я надеваю так же часто, как юбку, поэтому нужна чёткая инструкция...

Девушка опять засмеялась и, прижав Диму к себе, звонко поцеловала в щёку.

- Я от тебя просто в отпаде! Парень в моей юбке, я тащусь!
- Лучше помоги чулки надеть, - смутился Дима и попытался открыть упаковку, но она никак не хотела поддаваться, видимо, эта технология от и до разработана для женщин. - Напридумывали всякой хрени!
- Всё для вас, мужиков! - прыснула девушка и отняла у Димы упаковку.
- Да конечно... нужны нам ваши чулки!
- Так нужны же!

Дима вышел из туалета и посмотрел на себя в зеркало. Вот это попадалово...

- Девушка, можно с вами познакомиться? - улыбнулся он, рассматривая свой новый облик. Стройная брюнетка лесбийского покроя - без намёка на грудь, стрижена под мальчика и не накрашена - в пышной юбке и обтягивающей талию блузке потерянно смотрела на него из зеркала и шокировано улыбалась. - Сам себя, блин, перепутаешь...

Дима оставил ботинки в туалете, да и фиг бы с ними, всё равно не нравились. Хотя... на самом деле, просто забыл про них. На танцполе народу прибавилось. К часу ночи в клубе всегда было столпотворение, постепенно рассасывающееся где-то к трём утра, значит, времени у них ещё воз и маленькая тележка. И нет никакой тыквы! Ура! Золушка в красивом платье не превратится в Золушку в некрасивом только потому что кто-то там часы перевёл на зимнее время без предупреждения. Она бы заплатила пять штук за шмотки и не парилась бы.

Дима, пошатываясь, пробирался к своему столику, то и дело ощущая на себе руки парней, пытающихся его аккуратно пропустить вперёд, один даже улыбнулся, обернувшись, и что-то сказал о Диминых глазах. Это подстегнуло азарт. Люди вокруг получили то, что не будет их смущать и привлекать внимание, а значит, никаких преград больше нет! Кроме... желания Александра, конечно. А вот с этим могли возникнуть проблемы. Трудно было понять, как он отнесётся к мальчику в юбке, даже если им двигали благие намерения. Дима босиком и в женских шмотках стоял в двух метрах от своего столика, являя собой, конечно же, странное нечто, но решил, что подумает об этом завтра. Он смотрел на то, как сигаретный дым выходил из приоткрытых губ Александра, и тёмный взгляд напряжённо вглядывался в толпу. Ждёт его, - в груди защемило от нежности, кончики пальцев покалывало. Дима встряхнул руки и двинулся брать крепость штурмом. Надо всё сделать как в кино, если не умеешь по жизни. Вдруг прокатит?

Дима подошёл и встал к столику спиной, словно он кого-то ждёт, а потом нахально сел на него, раскидав все свои воздушные подкладки по матовой поверхности.

- Дамочка, здесь как бы люди едят, - сухо проговорил Александр в спину Диме. И тот подумал, что прямо сейчас сползёт по столу на пол. Такой голос! Злющий, как чёрт.

Дима медленно и грациозно, как ему показалось, соскользнул со столика и, обойдя его, опустился рядом с Александром на диванчик. И пока тот не успел возмутиться, резко прижался к нему и поцеловал. Реакция у Александра была отменная, он мгновенно отодвинул Диму, не ответив на поцелуй. Они две секунды смотрели друг на друга, глаза в глаза, пока сознание Александра не смирилось с тем фактом, что, во-первых, это нахальное дамочко и есть Дима, а во-вторых, то, что теперь они находятся в иных условиях. В условиях вседозволенности. Александр громко и откровенно засмеялся. И отчаянная хмельная радость вновь толкнула Диму к нему, но на этот раз он не стал отстранять, а наоборот, сильнее прижал к себе и,

уверенно подхватив, усадил на колени.

Реальность вокруг оплавилась подобно воску свечи. Звуки смешались в нестройный гул и плотно давили на барабанные перепонки, оставаясь не проанализированными. Александр гладил Диму по спине, медленно спускаясь ниже. Хотелось потереться о его пальцы, хотелось, чтобы они миновали все эти пышные подкладки и коснулись кожи, проникли внутрь. Хотелось чувствовать его в себе, прямо здесь и сейчас, под обстрелом взглядов пробегающих мимо официанток, рядом с пульсирующим танцполом и криками «Come on! Come on!» Все прицелы сбиты, все принципы и установки разрушены. Что такое «нельзя» рядом с тем, кто всегда всё позволяет? И можно довериться, ни о чём не думать, а только чувствовать сладость запретного, эйфорию от осознания, что в мире никого нет «кроме нас двоих». И каждый жест правильный, каждый стон уместный, каждое прикосновение ощутимо и ответно.

- Хочу тебя... - прошептал Дима, шире раздвигая ноги и сильнее упираясь коленями в мягкую кожаную спинку дивана. Он чувствовал Александра сквозь ткань, и отчаянно хотелось большего, чтобы утонуть в нём и окончательно раствориться, превратиться в морскую пену на рассвете.

- Моя красивая девочка, - Александр поцеловал грудь Димы в разрезе блузки и, подняв голову, ласково улыбнулся. - А как же танцы?

Дима шумно выдохнул через нос и отстранился.

- Ты приглашаешь? - едва слышно спросил он, пытаясь включить периодически западающее сознание.

- Конечно, крошка. Кстати, как тебя зовут?

Дима слез с его коленей и встал по стойке смирно, готовясь к танцам.

- Только сегодня и только для вас я исполню роль несчастной девочки Даши, которая впервые пришла на танцы в юбке и чулках и чувствует себя полной душой.

- Лесбиянка, что ли? - Александр подошёл к Диме и, обняв за талию, увлёк за собой на танцпол.

- Неее, - засмеялся Дима. - На мужиков тянет. Александр Владимирович, а вам нравятся мальчики в чулках?

Александр прижал Диму ближе к себе и наклонился к самому уху, поцеловал.

- Впервые вижу.

- И как ваши ощущения? - Дима облизнул губы и исподлобья посмотрел на Александра.

- Впечатляет, - хрипло ответил он и широко улыбнулся. - Я почти фанат чулок и пышных юбок.

- Ты извращенец.

Дима привстал на цыпочках и поцеловал Александра в улыбающиеся губы. Пульсирующая толпа вокруг, ритмичная музыка и тепло прижавшегося тела. Дима медленно куда-то уплывал... наверное, это было слишком, чтобы можно было вобрать в себя целиком. Он просто следовал за Александром и смеялся, когда тот целовал его в шею. А потом всё смешалось, и

мир сузился до одной точки – хочу... а чего, кого, зачем - не понятно и не важно... всё будет.

- Сам... куда-нибудь меня, - пробормотал Дима, расплывшись в блаженной улыбке, когда Александр спросил - устал он или нет.

- Понятно.

Это Дима чётко услышал, а потом тело как-то обмякло и больше не ощущало себя на земле. Его несли на руках, а Дима мог только смотреть на всё это безобразие сверху и думать, что прям вообще какая-то фантастика. Почему Александр носит на руках какую-то девку в юбке?

- Саш, кто она? - Дима опустил голову на плечо и тяжело вздохнул. - Жена?

- Ты о ком? - Александр открыл ногой дверь клуба и вышел в прохладный ночной город. Дима сделал два глотка чистого свежего воздуха и едва не потерял сознание. Голова кружилась и вертелась, словно бельё в стиральной машинке. И на улице стало только хуже.

- Ты на руках её носишь... Саш, я щаз умру. Ревнуянемогуостановиться... не отдам...

- Дима, я тебя на руках несу к машине, вот сейчас завернём за угол, и будет машина. Не нужно ревновать.

- Люблю тебя... Саш, ты мне веришь? Правда, никогда так, никого... совсем спятил... Не носи её на руках, пожалуйста...

- Хорошо, не буду.

Александр изловчился и открыл дверь автомобиля, аккуратно усадил Диму на заднее сидение и, расцепив его руки, крепко держащиеся за плечи, посмотрел на него сверху.

- Хочу тебя, прямо сейчас, - шёпотом, мечтательно, словно нельзя, словно запрещают. Кончиками пальцев - по скуле, почти невесомо, возбуждающе.

- Ну и кого ждём? - хмельно засмеялся Дима, отодвигаясь вглубь салона и приподнимая подол юбки.

Александр усмехнулся и забрался внутрь, закрыл за собой дверь. Надо было отдать должное его предусмотрительности - это была не Тойота, а вместительный Лансер.

Дима широко расставил ноги, откинул кружащуюся голову на сидение. Было невозможно жарко... по телу струилась прохлада из приоткрытого окна, но это ни черта не освежало. Нужно раздеться, чтобы кожа к коже... Александр медленно гладил его колени, скользил выше, выше к резинке чулок. Дима закусил губу, чтобы не закричать от предвкушения. Внутри уже всё стянулось в тугий узел, горячо, больно...

- Коснись меня, - бессильно выдохнул Дима и сполз по сидению чуть ниже, чтобы ускорить сближение. - Пожалуйста... быстрее...

Александр навис сверху и, поймав тихий стон, накрыл его губы своими. Дима увлёкся и не заметил, как с него сняли нижнее бельё и стали гладить, сначала ненавязчиво, а потом твёрже и увереннее.

- Войди в меня... - выдохнул Дима, чувствуя приближающуюся волну, но хотелось всего, хотелось почувствовать его в себе.

- Перевернись.

Дима уткнулся лбом в сгиб локтя и тяжело задышал, чувствуя, как его подготавливают. Как же редко они могут быть вместе, если бы можно было так каждый день... промелькнула мысль и тут же исчезла. Александр вошёл глубоко, настолько, что Дима на секунду потерял сознание, и всё прочее перестало иметь значение. Волна накрыла и рассыпалась брызгами по поверхности.

- Мы правда поедем во Флоренцию? - Дима поправил юбку и откинул назад влажную чёлку. - Или мне приснилось?

- Поедем, - Александр погладил его по щеке и, наклонившись, поцеловал в лоб. - Отдыхай, моя милая девочка.

Машина мягко тронулась. Только Дима блаженно закрыл глаза, как в сумке завибрировал телефон. Он на автопилоте открыл карман, пошарил рукой по жёсткой ткани и нащупал прохладный гладкий корпус.

- Да... это я, - протянул Дима. На том конце что-то говорили, знакомый голос, говорил что-то странное, неприятное... Называл страшные слова, но они никак не хотели обрабатываться расслабленным разумом. А потом Дима широко распахнул глаза, осознавая кто это, и о чём говорит. Вика. Она плакала. В кровь впрыснулась слоновья доза адреналина, и сознание резко прояснилось, холод сковал лёгкие.

- Витя умер... Дима, ты сможешь приехать завтра к нам? Дима... пожалуйста... приезжай.

- Вика, что случилось? - голос звучал глухо и незнакомо.

- Разбился на машине, ехал с компанией после какой-то пьянки... Все живы, отделались царапинами, а он один нет, ударился виском о стекло... Господи, как же страшно, Дима...

- Держись, я завтра приеду. Позвони Ляльке, она поможет всё уладить, у неё есть знакомый в похоронном бюро.

- Я звонила Лене, они со Светой уже всё заказали, а мы с Виталиком завтра поедем, - Вика тяжело вздохнула, но больше не плакала. - Дима, ты ведь приедешь?

- Конечно, приеду, не волнуйся. Вика... мне очень жаль...

- Я знаю. До завтра, Дима.

Вика отключилась, и Дима невидящим взглядом посмотрел на гаснущий дисплей. Витя... Он уехал в Москву и даже не попрощался. Он сказал, что все могут катиться к чёрту со своей помощью и заботой и в первую очередь Дима, сказал, что знает о жизни всё, сказал, что поймёт весь мир. А теперь он был мёртв. А мир по-прежнему проносился за окном автомобиля, спокойный и терпеливый.

- Твой друг? - Александр смотрел с сожалением и ждал, когда Дима поднимет на него взгляд.

- Саш, останови машину, - глухо попросил он.

Александр дал по тормозам. Дима выбрался из машины и, пройдя пару шагов, опустился на корточки у обочины. Холодный асфальт обжигал ступни, и прохладный ветер забирался под подол юбки, лизал ноги и открытую шею. Воспоминания нахлынули словно цунами и смели всё

на своём пути. И этот день, и этот вечер... И опять было больно и одиноко как в тот неправильный год.

Дима даже себе не признавался в том, что надеялся на то, что однажды они смогут поговорить как друзья и понять друг друга. Ни черта уже не будет, всё закончилось и не к чему возвращаться. Александр обнял Диму за плечи и поднял на ноги.

- Простудишься, пошли в машину.

- Мы были друзьями с первого курса, а потом он уехал и даже не попрощался. Порвал со всеми... И все эти слова, которые он говорил... я до сих пор их помню. - Дима уткнулся носом в грудь Александра. - Я не простил его, Саша... Я не могу его простить! Он умер... а я всё ещё не могу. И больше ничего нет, даже сожаления.

- Не прощай, - Александр гладил Диму по голове и вёл к машине. - Постепенно ты просто обо всём забудешь. Появится что-то другое, а старое уйдёт само собой.

- Уже появилось... ты появился.

- Значит, скоро всё плохое пройдёт и останется только хорошее.

- Обещаешь?

- Обещаю.

Часть 13. Свои люди.

Дима протянул сумку Александру.

- Ключ там, найди, пожалуйста, - стоять удаётся с трудом. Опьянённое алкоголем тело протестует, оно хочет спать, или хотя бы опереться обо что-нибудь. Дима подаётся на Александра, прижимается к его плечу и закрывает глаза. Голову кружит, но от этого не весело, совсем не весело. Внутри пусто и мрачно, хочется вычеркнуть этот разговор с Викой из реальности, так - хоба! - и вырезал часть киноплёнки, а лучше вообще все части, что были связаны с Витей. А какая от них польза теперь? Только тянет и ноет.

- Я не могу быть с тобой наравне, поэтому я не буду с тобой вообще.

Тогда впервые, после двух месяцев напряжённой холодной войны, Витя заговорил откровенно.

- Если тебе нужна моя помощь...

- Да пошёл ты со своей помощью. Я не хочу быть тебе обязанным, я вообще не хочу быть кому-либо обязанным, а в первую очередь тебе. Нас все сравнивают и сочувствуют, мне сочувствуют, - Витя болезненно поморщился и громко засмеялся, а потом смех резко оборвался. - Я сам всего добьюсь. И не смотри на меня как смертельно больного! Талант - это ещё не всё, что нужно художнику.

- А что ещё нужно? - Дима подавил в себе чувство жалости. Наступил на горло и сдержался, быть может, зря, быть может, именно тогда, в тот переломный момент, Вите нужно было врезать по первое число, а не разговаривать умные разговоры. Но Дима молчал, где-то на уровне чувств и интуиции понимая, что останавливать Витю бесполезно. Он ослеплен.

- Нужен характер, сейчас всё покупается и продаётся, вопрос только в цене. А талант - это полная туфта, всему можно научиться.

- Ты считаешь, что я бесхарактерный? – Дима сжал плечи пальцами, с силой, до синяков. Никогда прежде ему не было так обидно. И дело было не в словах, а в том, что эти слова говорил близкий человек. Как Дима позволил себе допустить его так близко, так глубоко?

- А нет, что ли? Привык за мамой, да за папой... весь в шоколаде, - художественная школа, репетиторы. Если бы у меня были родители, я бы тоже мог раздавать советы налево и направо и разглагольствовать о таланте и вдохновении.

Дима закусил губу, исподлобья глядя на расхаживающего по комнате Витю. Всему есть предел, любому терпению, любой симпатии. Витя зарывался, и с каждым обвинением всё глубже и глубже.

- Ты мне завидуешь, - сухо оборвал нервный поток обвинений Дима. – И дело не в папе, которого я, кстати, не видел с пяти лет, и не в маме, а в том, что я художник, а ты - нет. И пока ты будешь гнуть из себя непризнанного гения, ты ни черта не добьёшься! Смирись, Витя, и займись тем, что тебе подходит. Пока не поздно...

Дима распахнул шкаф и, взяв свою куртку, вышел из комнаты, не глядя на Витю. Они собирались сходить с Викой в кино. А потом было неожиданное отчисление.

Александр усадил Диму на кровать и стал осторожно расшнуровывать завязки на боку. Пальцы ловко поддевали кожаные шнурочки и те с глухим шорохом выскальзывали из тонкой ткани, обнажая разгорячённую кожу. Мягкие ласковые прикосновения успокаивали, усыпляли. Александр гладил Диму по бокам, медленно стягивал блузку.

- Что бы я без тебя делал? – выдохнул Дима, чувствуя растекающееся по телу тепло, и нежность сжимала сердце, не оставляя места для тоски. – Почему я не встретил тебя раньше?..

Александр спустился ниже, стал расстёгивать юбку. Горячее ровное дыхание тревожило кожу на животе, и в паху сладко пульсировало. Это было настолько приятно, как сокровенный разговор и большего не хотелось, хотелось плыть и плыть в матовой дымке и ни о чём не думать.

- Потому что меня здесь не было, - Александр коснулся живота кончиком носа и поцеловал, снимая юбку и откидывая её на стул. Дима плавно опустился на кровать и закрыл глаза.

- А где ты был? – прошептал он и глубоко вздохнул. Александр гладил его ноги, от ступней скользил вверх по икрам к коленям, целовал. Внутри всё плавилось, теряло форму, смешивалось, превращаясь в одно целое. Дима уже не мог чётко определить, где его тело, а где руки и губы Александра, словно он сам ласкал себя, и одновременно его не было вообще.

- Искал тебя.

Дима отодвинулся от края кровати, потянул Александра за собой.

- Полежи со мной.

Александр снял свитер, джинсы и лёг на кровать. Он излучал покой, тот самый, перед которым не властно время, тот самый, которым наполнено раннее утро поздней осенью: звенящая свежесть и бессмысленность любых стремлений – зима придёт в своё время, но она тоже

прекрасна.

Дима придвинулся ближе и обнял за пояс.

- Расскажи о нём, - Александр погладил Диму по шее, провёл кончиками пальцев по скуле.

- Мы начинали вместе, шли ровно... - Впервые хотелось рассказать об этом другому человеку. Даже Вика до конца не знала, что случилось между ними, и где произошёл раскол. Она думала, что дело было в Диминой ориентации, быть может, отчасти поэтому она вышла за него замуж, чтобы загладить вину перед братом. Но Дима не хотел в это верить. Им просто было хорошо друг с другом и всё. - Первые зачёты, экзамены, пятёрки по рисунку и тройки по высшей математике. Вика решала за нас контрольные, она училась на экономическом факультете. А потом девчонки из группы попросили меня нарисовать портрет одного нашего преподавателя. Горохов Максим Викторович, да... известный местный художник. Очень талантливый художник. Он вёл у нас живопись. И когда меня попросили сделать его портрет, я подумал, что это шутка. Но оказалось, что всё серьёзно. И я рискнул... иногда я бываю отчаянным... - тёплые губы коснулись его щеки, и Дима улыбнулся в ответ. - Портрет получился. Девчонки визжали от восторга, они мной гордились, как и самими собой за великолепную идею. Максим Викторович сдержанно принял свой портрет, сказал, что у художника явно есть задатки, и он был бы не против позаниматься с ним лично. Девчонки меня заложили тут же... Мы провели вместе три занятия, а потом он уехал в Питер. Витя не простил мне успеха, и рисовать больше не мог. Мы разделились, началось соперничество, грубые провокации и разговоры за спиной. Группа была за меня, Витя умел испортить отношения даже с теми, кому он нравился. Прогуливал пары, скандалил с преподавателями, пропадал где-то по нескольку дней. У них с Викой - только два старших брата и сестра, родителей не было, поэтому воспитывать его было некому.

Дима замолчал, перед глазами стояло бледное печальное лицо Вики. Она сказала, что Витя уехал в Москву с какими-то отморозками и больше в университет не вернётся.

- Ты его видел после?

- Видел, мельком. Он рисовал портреты на Арбате. Мне понравились его работы, пусть дилетантские, но честные. Я ещё тогда верил, что мы сможем понять друг друга, как-то вернуться... в то время. Мы поговорили о его протекающей крыше и соседе-алкоголике. Ни о Вике, ни о нашей свадьбе он не спрашивал, а я почему-то не решился начать говорить сам. Казалось, он вообще не знал, с кем разговаривает, так... обычный празднующийся, каких тысячи ходят по Арбату.

- Непризнанных гениев не бывает, - Александр погладил Диму по голове и укрыл одеялом. - Каждый получает то, чего заслуживает.

- Он рисовал...

- Делал то, что умел. И получал столько, на сколько хватало умения.

- Если бы не Вика, я бы не поехал вообще, не люблю похороны.

- Тебя там ждут.

- Да, - выдохнул Дима и удобнее устроился на подушке. - Это нужно просто пережить.

Хоронили в закрытом гробу. Пришедших было немного, в основном семья - братья и сестры с

мужьями и жёнами, Дима и Лялька, Витина жена и двое его друзей. Один из них всю дорогу от кладбища до дома следил за Димой, настойчиво вглядывался, словно пытаясь что-то узнать. Сначала Дима подумал, что они знакомы, уж больно прицельным был взгляд маленьких серых глаз. Но как выяснилось от Светы, этого парня Дима знать не мог, потому как он совсем недавно приехал из Твери и жил у Вити. Парня звали Игорь. С самого детства имя «Игорь» не вызывало у Димы ни одной положительной эмоции. И теперь, ловя на себе непроницаемые взгляды, он вспомнил о своей неприязни. Какого чёрта этому Игорю понадобилось?

Никто не плакал ни дома, ни на кладбище. Даже Витина жена - хрупкая болезненная девушка с большими светлыми глазами смотрела на всех строго и осуждающе, ни капли скорби или намёка на сожаление об утрате. У Димы защемило сердце, когда он подумал о том, что она осталась с двумя детьми и долгами мужа, поссорившегося со всей своей семьёй. Но Света и Вика не бросят её, несмотря на то, что впервые увидели, только когда Вити уже не стало. Строили мы, строили, и наконец, построили... В доме Вити была куча бездарных картин, двое маленьких детей, заброшенных так же как и картины, и скучающие лица близких людей на похоронах. А что? Каждый выбирает сам, как ему прожигать своё время.

Дима стоял около низкого покосившегося входа в подъезд и медленно вдыхал сигаретный дым. Идти в квартиру не хотелось, там придётся слушать нытьё о работах-заботах-болячках. На улице накрапывал дождь. Нет в жизни совершенства, однозначно. В кармане завибрировал мобильник. Дима удивлённо посмотрел на дисплей - Александр. Сам звонит... Дима почувствовал лёгкую тревогу.

- Смотрю твою любимую лабуду, - ленивый голос на том конце мгновенно успокоил и напомнил о том, что Димин мир совсем не такой как здесь. Он тёплый и добрый... в нём люди хотят жить сильно и тоже получают то, чего заслуживают.

- Какую именно? У меня много всяких тараканов. Порно, что ли? - Дима улыбнулся одним уголком губ, представив скучающую мину Александра, смотрящего порно. Хотя... кто его знает, может быть и нет. Вдруг он любит горячих опытных мальчиков?

- Да, порнушно как-то... - усмехнулся Александр, и на заднем фоне послышался голос Брюса Уиллиса, спасающего планету, славную страну Америку, дочь Стива Тайлера и будущего мужа дочери от злобного метеорита. - Пытаюсь проникнуться духом трагедии.

- И как, удачно? - Дима пнул носком ботинка камушек и расстегнул душащий непривычной теснотой пиджак. Хотелось туда, за двести километров, развалиться на диване, прижаться к тёплому боку и дремать под звуки качественного блокбастра.

- Не особо, каждый раз отвлекаюсь на красивую девушку и забываю о приближении конца света.

- Привлекательные девушки отвлекают. Ты не туда смотришь. Там же заложена глубокая идея жертвенности.

- Не моя идея, - казалось, что Александр искренне удивлён подобным заявлением. - Стара, как мир и придумана христианами для успокоения своей совести.

- А ты бы стал спасать меня, если бы меня взяли в заложники?

Александр громко засмеялся, но Диме почему-то было не очень весело. Сейчас хотелось романтики, глупостей, господи... чего-нибудь хорошего и сладкого как яблочный сироп. Ну подыграй...

- Я бы дал им столько денег, сколько они попросят, а потом вернулся бы и пристрелил, ну чтоб неповадно было.

Дима засмеялся и затушил сигарету о рифлёную подошву ботинка.

- Это был бы самый оригинальный фильм из всех.

- Да, особенно в той части, когда главные герои остаются наедине.

- Цензура не пропустит, - вздохнул Дима, чувствуя, как сердце забилось быстрее.

- Ты когда вернёшься, заложник?

- Завтра утром. Александр Владимирович, возьмёте ли вы меня в заложники?

- Возьму. А ты, Дмитрий Алексеевич, согласен пойти ко мне в заложники?

- Согласен, конечно. Куда мне деваться?

- Властью, данной мне мной, объявляю нас психически неуравновешенными. Всё, кино твоё скончалось, финал я безбожно пропустил, теперь ночью кошмары будут сниться. Впустую потратить два часа, и не понять, кто же после всего этого выжил.

- Я тоже по тебе скучаю, - протараторил Дима и широко улыбнулся, глядя на пасмурное плачущее небо.

- Мальчишка, - ласково вздохнул Александр. - Я тебя встречу завтра. Пока.

- До встречи.

Дима зашёл в лифт и уже нажал на кнопку вызова последнего, седьмого этажа, как неожиданно в кабину влетел Игорь. Дима вздрогнул от неожиданности и невольно отшатнулся вглубь кабины. Он был уверен в том, что в подъезде никого не было, когда он заходил.

Двери захлопнулись, и лифт, ворча и повизгивая ржавыми колёсами, потащился вверх. Игорь был выше, поэтому Дима не мог проследить направление его взгляда, но макушкой чувствовал, что тот смотрит на него в упор.

- Я тебя видел, - вдруг заговорил Игорь. Ну надо же, какое счастье! Он не только смотрит, но ещё и разговаривает. - Слэм часто рисовал тебя.

По всей видимости, речь о Вите. Он всегда любил придумывать себе какие-нибудь заковыристые иностранные прозвища. Считал это богемным.

- Мы с ним вместе учились в университете, - сдержанно ответил Дима. Интересно, почему он не видел своих портретов в квартире Вити? Его жена раздала все картины, сказала, что этот хлам ей не нужен. Дима взял себе осенний пейзаж - Витя написал его, ещё будучи студентом. Наверное, это была ностальгия по ушедшему, но, тем не менее, Диме действительно понравилась картина.

- Ты красивый.

Дима исподлобья посмотрел на Игоря, пытаясь понять по выражению лица, какого хрена он имеет в виду. Игорь смотрел сальным взглядом и слегка улыбался. Неужели гей?

- Я весь день высматривал тебя, и ты отвечал, - как бы вскользь обронил Игорь.

- Ты меня с кем-то перепутал, - хмыкнул Дима, на что Игорь отрицательно мотнул головой и стал вдруг серьезным.

Двери лифта раскрылись, и Дима вышел первым. Игорь шёл вслед за ним, молча дыша в затылок. Так просто эта история не закончится, с тревогой подумал Дима. Нужно как можно скорее распрощаться со всеми и свалить, иначе что-нибудь точно случится. Такие самоуверенные перцы, как Игорь, так просто не сдаются.

В тесной комнате собрались все гости и упорно изображали поминки. Катенька - Витина жена, собрала на стол разномастную посуду и всё, что приготовили Света и Лялька. Вика сидела в углу на промятом диване, обнимая Виталия Семёновича за пояс и пытаясь поддерживать разговор с Катей. Что-то расспрашивала о детях, о родителях, о будущем. Виталий обещал оплатить лечение младшей девочки, у неё были какие-то проблемы с почками, и обучение старшего мальчика. Сегодня Диме он даже понравился. Предлагать так, чтобы было желание принять подарок, тоже нужно уметь. Совместное житьё с Викторией явно пошло ему на пользу. Вика всем шла на пользу.

Дима сел рядом с Лялькой и позволил ей обнять себя за плечи.

- Как твой друг? - понизив голос, едва слышно спросила Лялька. - Заходит?

Дима отвёл взгляд от Игоря, выпивающего уже вторую рюмку водки, и слегка улыбнулся сестре.

- Заходит, не волнуйся.

- Я буду волноваться до тех пор, пока ты живёшь один.

- Он предлагал меня усыновить.

Лялька взъерошила Димины волосы на затылке и потрепала за ухо.

- Неплохой компромисс.

- Вертикальный инцест.

- Я вижу, что у тебя всё в порядке, поэтому пока можешь спать спокойно.

Катя всё-таки приняла предложение Виталия, и на следующей неделе его знакомый врач осмотрит Витину дочку. Девушка впервые за весь день искренне смутилась, сжимая в ладошке белый лист бумаги, на котором были написаны нужные номера телефонов.

- Виталий, а вы давно женаты на Виктории?

Все одновременно повернули головы в сторону заговорившего вдруг Игоря. Он был слегка выпивши, не так сильно, чтобы нести чушь и не так слабо, чтобы сдерживаться. По спине Димы пробежал холод. Игорь был для него опасен.

- Второй месяц, - удивлённо ответил Виталий и кинул короткий взгляд на Диму.

- Увели у Дмитрия из-под носа? - Игорь нахально улыбнулся и плеснул себе ещё водки. Все замолчали, напряжённо вглядываясь в разговаривающих мужчин.

- Вика сама так решила, - ответил Виталий и дежурно улыбнулся. - Без скандалов.

- И вы до сих пор не понимаете, почему... - Игорь выгнул бровь и, закусив нижнюю губу, в упор уставился на Виталия. Тот хмыкнул и, откинувшись назад, махнул рукой.

- Меня это мало волнует. Теперь Вика моя жена, а что у них было с Димой, касается только их.

- Ну-ну... - нервно выдохнул Игорь и вновь вернулся к столу. На этом разговор вроде как был закончен. Лялька быстро перевела тему на вопросы ремонта квартиры.

Дима поднялся со своего места и, поймав мутный взгляд Игоря, кивнул в сторону входной двери.

Дима вышел на лестничную площадку и достал из кармана рубашки пачку «Кента». Сигареты всегда помогали ему расслабиться и одновременно сосредоточиться на решении сложных вопросов. Вопросов было несколько. Во-первых, какого хрена эта сволочь здесь ошивается, в чужой, по сути, квартире. Во-вторых, неужели Димин отказ и впрямь так сильно его задел, что надо теперь лезть в занозу. Ну и, в-третьих, это было самым сложным... хотелось посмотреть на человека, который уже давно варится во всём этом. Мазохизм чистой воды... но куда же без него?

- Я хочу тебя трахнуть, - с ходу начал Игорь. Вот так... с места в карьер. Неожиданно. - Ты гей, я гей. Я предлагаю. Будет хорошо, никто ещё не жаловался.

- Меня это не интересует.

Изображать непонимание и непричастность было бы глупо, оскорбляться ещё глупее, тем более, что он сам однажды сделал то же самое. «Ты гей, я гей. Я предлагаю...» повторилось в голове, и запах горячего тела и шум воды... Но он тогда точно знал, почему именно Александр, нужен был только он.

- А если подумать? - Игорь подошёл ближе к Диме и тот едва сдержался от того, чтобы не врезать с разворота, прямо по морде.

- Я же сказал - нет. Это не значит «да», не значит «не знаю», «сомневаюсь», «я подумаю». Это значит - «нет».

Дима глубоко затаился и, повернувшись к Игорю, окинул его худощавую фигуру внимательным взглядом. На вид ему было около тридцати, но возможно, и меньше, редкая синяя щетина старила его, и ещё продольные морщины на низком лбу.

- Ты где прописан? - спросил Дима, отчего лицо напротив вытянулось от удивления - морщины на лбу заволновались и быстро перестроились. - Я спрашиваю, потому что в квартире Вити ты больше жить не будешь.

- Да? - ехидно усмехнулся Игорь. - И кто мне запретит? Ты, что ли?

- А хоть бы и я. Ты мне не нравишься. И Кате тоже, она сказала, что ты был другом Вити, не её. Так что собирай свои шмотки и проваливай туда, откуда приехал.

Игорь несколько секунд смотрел на Диму сверху вниз как на душевнобольного, а потом, запрокинув голову, громко рассмеялся.

- Надо было трахнуть тебя ещё в лифте, - Игорь ухватил Диму за плечо и сильно сдавил, тот на секунду растерялся и выпустил горящую сигарету из пальцев. Искры осыпались на пол, и следом за ними упала и сигарета. - Крутая детка.

Дима почувствовал, как кровь прилила к лицу, и в висках застучало от ярости. Какая же всё-таки сука. Ловко подавшись вперёд, Дима резко поднял локоть, ударяя Игоря снизу вверх по челюсти. Тот явно не ожидал отпора, поэтому ослабил хватку и потерял контроль. Второй удар пришёлся точно в солнечное сплетение, отчего Игорь глухо охнул и согнулся пополам. Дима наклонился и, сдавив его челюсть пальцами, заставил посмотреть на себя. Налитые кровью глаза с расширенными от боли зрачками встретили взгляд Димы с тупым упрямством.

- Ещё один комментарий в мой адрес и останешься без зубов, понял, детка?

Игорь моргнул и поморщился. Дима расценил это, как согласие, и отпустил его посиневшую челюсть.

- И вообще... - Дима достал ещё одну сигарету, слюна во рту стала вязкой, и чертовски сильно хотелось курить. Кончики пальцев неприятно пульсировали. - Что это за показательное выступление было? Новый способ завоевания?

- Гордая сучка, - бросил Игорь, ощупывая свою многострадальную челюсть. - Бля, я почти влюбился в тебя. Угости сигареткой, что ли...

Они молча курили, сбрасывая пепел в искореженную консервную банку, прикреплённую к облезлым перилам. Голову вело. И зачем он решил остаться у Ляльки на ночь? Ведь можно на восьмичасовой электричке рвануть домой...

- Парень есть?

- Не твоего ума дело.

- От тебя прёт сексом, дышать невозможно, - Игорь усмехнулся и с тоской посмотрел на Диму. - Везёт же кому-то...

- Так и ты найди себе кого-нибудь и трахайся, сколько влезет.

- А я что делаю? Тебя вот уламываю.

- Кишка тонка для меня, - Дима затушил окурочек и посмотрел на Игоря. - Нафига мне мужик, которого я могу завалить одной рукой?

- Я могу и снизу быть, без проблем, - Игорь тяжело выдохнул и пнул валяющуюся на полу сигарету. - А крутые мужики не трахаются на равных. Они просто имеют тебя, как девочку, а потом, когда ты уже поверил в то, что так будет всегда и жизнь твоя как рай на земле, им надоедает. И ты не знаешь, что теперь делать со своей грёбаной жизнью, и учишься приставать и в лифтах, и в барах и мягко, и грубо, лишь бы найти того, кто согласится пойти с тобой и, быть может, останется на ночь. А потом он скажет, что жизнь полный отстой, но ты трахнул его лучше всех за последнее время, а сейчас ему пора возвращаться домой, к жене и детям. А тебе пора идти на новые поиски. И так до тех пор, пока не сдохнешь.

Дима молча слушал душевные излияния Игоря, отколупывая синюю краску от холодных перил. Паршивый, паршивый день... Нет, Дима не думал о том, что Александр может вернуться к жене, или о том, что когда-нибудь ему надоест... Что будет, то будет. Просто лишняя

информация о чужих проблемах всегда действовала на него угнетающе, тем более, что ситуация, в которой оказался Игорь, была уж больно похожа на Димино, с одной только разницей – это была ситуация Игоря, а не Димы.

- Никогда не стоит обобщать, - сказал Дима. - Оправдывать своё жалкое существование тоже не стоит. Я тебе всё равно не поверю, а ты сам прекрасно знаешь, когда стоило пойти, а когда сдержаться. Если ты позволял иметь себя, то я-то тут причём?

Дверь квартиры распахнулась и на площадку вышла встревоженная Лялька.

- Звонил Паша, сказал, что через полчаса приедет за нами, - сказала она, напряжённо всматриваясь в лицо Димы.

- Ляль, я домой поеду на электричке, - улыбнулся Дима. - Подбросите до Курской?

- Соскучился за полдня? Какой быстрый... Ладно, подбросим.

Лялька ушла в квартиру, оставив после себя лёгкий тёплый запах духов. Дима подумал о том, что, скорее всего, Александр любит сюрпризы. А если не любит, то можно приучить.

- Короче, я сказал всё, что хотел. Эта квартира Кати и её детей, так что... будь мужиком и освободи помещение.

Игорь мрачно посмотрел на Диму и сплюнул на пол. Вот же всё-таки скотина, подумал Дима и ушёл в квартиру.

В электричке было душно и тесно. Места всем не хватило, поэтому народ толпился в проходе, распаренный, уставший, пахнущий потом и гарью. Лето, с отвращением подумал Дима, уворачиваясь от какого-то особенно вонючего мужика. Вот повезло, так повезло... Но Дима старался думать о хорошем, о хорошем... о хорошем...

- Твою мать! - взвыл Дима, когда какая-то тётка, пробираясь сквозь толпу, со всей дури врезала по лицу безразмерной коробкой. Перед глазами заплескали искры, и мир пошатнулся. Когда Дима пришёл в себя, понял, что он никуда не упал, а просто мёртвой хваткой вцепился в плечо того самого ужасно пахнущего мужика, а тот ему не мешал хвататься.

- У тебя кровь на щеке, - проговорил мужик и с сожалением посмотрел на Диму.

- Спасибо, - выдохнул тот и смахнул пальцами выступившие на скуле капли. По всей видимости, тёткина коробка свезла. Дима искренне побоялся думать о том, что ещё сегодня с ним может случиться... Минимум движений, главное, минимум движений! Доехать бы живым до Александра... а там можно и расслабиться.

Он сказал, что приедет на вокзал. Он всегда держит обещание. И когда же он стал таким необходимым? Словно и не было до него ничего, и без него не будет?..

Дима на ватных ногах выбрался из душного вагона в прохладу вечернего синего города и сделал два долгих глотка свежего воздуха. Мимо шаркали ногами бабушки, бегали какие-то дети, волокли тяжеленные сумки три цыганки. Дима медленно шёл по перрону в сторону вокзала. Уже через решётку он видел «Тойоту» Александра, припаркованную около остановки. Телефон сдох ещё в пригороде, поэтому позвонить Дима не мог, да и зачем? Он всё равно уже здесь.

Хотелось побежать, но Дима специально сдерживался, чтобы растянуть удовольствие. Представлял, как они обнимутся, каким будет первый поцелуй... Неважно, сколько раз они уже целовались, каждый раз как первый, если уметь чувствовать.

Он как всегда сидел на кресле рядом с водительским в обнимку со своим извечным ноутбуком. Интересно, он и во сне работает? Или там, в этой голове, хотя бы иногда отключают свет? Это фантастика.

- Сезам, откройся, - Дима дёрнул ручку дверцы и, облокотившись на край, заглянул внутрь. - Выбирай: или я, или ноутбук.

Александр слегка усмехнулся и посмотрел на Диму так, словно уже раздевал его. Щёки мгновенно вспыхнули. Вот так сразу? И какие там предложения, приставания и уговоры. Один взгляд - крепость рухнула.

- Здравствуй, Дима.

- Ладно, пусть металлическое зверьё остаётся тоже, я буду сегодня добрым.

Александр сложил ноутбук и, перегнувшись через сидение, положил его назад.

- Кстати, я не успел выбрать, - подмигнул Александр, сжимая в пальцах Димину коленку.

- А кто тебе позволит? - хмыкнул Дима, захлопнув дверцу и подползая к Александру ближе. Хотелось коснуться его улыбающихся губ, хотя бы слегка, играя. Всё остальное будет потом...

Александр обхватил Диму за спину и почти утащил к себе на колени, но тот уперся рукой в кресло и затормозил.

- Шея... что-то хрустнуло, - хихикнул он, пытаясь отползти обратно, но Александр не отпускал. Внимательно и серьёзно смотрел Диме в лицо, а потом опять поцеловал, глубоко и сладко. Он тоже соскучился.

- Витин друг хотел меня трахнуть, - сказал вдруг Дима, когда они уже ехали вдоль длинного центрального проспекта. - Такая сволочь.

Александр кинул тёмный взгляд на Диму и тихо спросил:

- Это он тебя ударил?

Город зажигал огни, они расплывались желтым матовым светом по тонированному стеклу. Дима улыбнулся своему отражению в стекле и блаженно закрыл глаза, спускаясь чуть ниже по креслу. Теперь он дома.

- Тётка какая-то врезала коробкой в электричке, - выдохнул Дима и лукаво улыбнулся. - Волнуешься?

- Я убью любого, кто посмеет поднять на тебя руку.

- Я знаю... поэтому я выбрал тебя. Поехали, что ли, к тебе домой для разнообразия.

Часть 14. Дома.

- Второй раз в первый класс... - выдохнул Дима, переступая порог дома Александра, и уверенно шагнул в тёмный коридор, загребая коврик, слившийся с полом у входа. Сделать второй шаг оказалась не судьба, и Дима споткнулся. Рука инстинктивно вцепилась в плечо Александра, и тот глухо зашипел, наверное, от боли. Хватка у Димы была неслабая. - Твою ж мать. Понараскидывал тут, - нервно хихикнул он, позволяя Александру поднять его за пояс и перетащить через коврик. - Специально, что ли? Чтобы три раза подумали, прежде чем заходить?

- Обычно люди, когда ходят, поднимают ноги. По-другому трудно передвигаться.

Александр быстро разулся и аккуратно поставил свои ботинки на подставку для обуви. Дима последовал его примеру, раздумывая над тем, дурной он, этот пример, или нет, и стоит ли им заражаться. Скорее всего, стремление к порядку - это всё-таки хороший пример, значит, не заразно.

- Пить что-нибудь будешь? Есть неплохое итальянское вино, сегодня отписали на работе, - Александр зажёл верхний свет на кухне, и Дима замер на пороге, уставившись на сервированный стол.

- Ты знал, что я поеду к тебе? Или... - он сделал неопределённый жест в сторону стола, - ты ждал кого-то?

Дима сделал ещё два шага и опять остановился, инстинктивно стараясь ни к чему не прикасаться.

Александр, не оборачиваясь, открыл дверцу шкафчика, стоявшего около холодильника, и достал из него бутылку вина и два бокала.

- Хотел сделать пару презентабельных фотографий кухни. А пустой стол смотрится убого, - спокойно пояснил он и, обернувшись, наконец, через плечо, кинул на Диму снисходительный взгляд. - И как разврат?

- Какой разврат? - растерянно переспросил Дима. Кто-то из них явно тупит, и Дима даже догадывался, кто именно.

- Ну тот, который ты себе представил пять секунд назад, пока я не сказал, что сервировка для работы.

Александр поставил бокалы на пустой разделочный стол и стал разливать вино. Два отсвета на бокалах отвлекли Димино внимание, и он невольно залюбовался красивой и быстротечной картинкой.

- Обычный страх... быть брошенным. Этот Игорь, Витин друг, поведал мне душераздирающую историю своего опыта... - Дима подошёл к разделочному столу, на котором стояли ровно наполненные бокалы, и посмотрел на Александра.

- И ты проникся, впечатлительный мальчик, - Александр чуть опустил локти на столе, снизу вверх глядя на Диму. По щекам потёк жар и стало душно. Дима закусил губу, опуская взгляд на бокалы, и коснулся прохладного бока.

- Я хочу выпить за честность, - проговорил он, поднимая свой бокал и улыбаясь. - Что бы там ни было у других, я всегда буду с тобой честен.

В мягкой тишине кухни звякнул хрусталь.

- Если бы всё зависело от меня, я бы никуда тебя не отпускал, - Александр сделал глоток. - Идея золотой клетки мне крайне импонирует.

Дима хмыкнул и залпом допил вино. Приятное. Глубокое и терпкое, как и сам Александр. С ноткой спелой горечи на кончике языка.

- Ты слишком эмоционален, чтобы воспринимать мир адекватно, как и любой художник.

- Я врезал ему первым, - Дима тоже облокотился о стол и теперь они с Александром были наравне. Смотрели друг на друга, можно было податься чуть вперёд, и ему тоже... Дима закрыл глаза и коснулся губами тёплых губ, пахнувших виноградом.

- А я не говорил, что ты слаб, - Александр провёл рукой по Диминым волосам и, обхватив кончиками пальцев его лежащее на столе запястье, погладил кожу большим пальцем. В животе приятно потеплело от вина, а от прикосновения ощущение тепла многократно усилилось. - Ты как стойкий оловянный солдатик, будешь защищаться несмотря ни на что.

- А зачем тогда клетка? Я хочу оставаться с тобой добровольно...

- Она не для тебя, она для других. Чтобы знали, что у птички есть хозяин.

Дима смущённо улыбнулся и вновь закрыл глаза, чтобы утонуть в горячем виноградном дурмане.

- А у тебя есть что-нибудь посущественнее? - отстранившись, спросил Дима и тихо вздохнул. - Никогда не понимал прикола есть на поминках... Пошло и бесчеловечно.

Александр потрепал Диму по голове и, притянув к себе, звонко чмокнул в щёку.

- Есть холодное мясо и салат.

- Бля, сдохнуть можно, как сильно хочется есть! - широко улыбнулся Дима и плюхнулся за красиво сервированный стол - воспоём хвалу дизайнеру. Подвинул к себе тарелку и постучал раскрытой ладонью по столу. - Тащи всё что есть. Царь трапезничать желает!

- Извини, но до царя ты не дорос ещё, - усмехнулся Александр, доставая из холодильника обещанное мясо, покрытое разноцветными крошками приправы. Дима закрыл рот, чтобы слюна не капала на стол. - Только если царевна-лягушка.

- Ты такой милый, милый. Но за мясо я могу простить любое оскорбление. Ну и зачем ты режешь так тонко? - возмутился Дима, наблюдая за тем, как ловко и быстро Александр строгаёт мясо. Пряма такая уютная картина... Интересно, кого он хочет больше? Ни на эту, ни на ту, на какую попаду.

- Это чтобы ты не подавился, милый.

- У тебя плохо получается, - Дима откинулся на стуле и взял в руки вилку, стукнул кончиком рукоятки по стоявшему рядом пустому высокому бокалу. Звякнул хрусталь.

- Что именно? - Александр поцеловал Диму в макушку и поставил перед тарелку с мясом, уложенным на цельные листья салата.

Первый кусок был загрызен вусмерть ровно за одну секунду. А потом второй, и третий...

- Ну все эти нежности, - ответил наконец Дима, прожевав всё, что напихал в рот. - Видно, что ты нечасто сюсюкаешь.

- Я не сюсюкаю, - рука Александра скользнула по шее вниз на спину. Если бы Дима не был так сильно голоден, то определённо бы уже уплыл, но все-таки голод победил, и рука воспринималась как приятное дополнение к мясу. - Я иронизирую.

- Когда называешь меня?.. всякими этими... птицами, - Дима чуть дольше задержал вилку у закрытого рта и откусил небольшой кусочек. Ясно же, что Александр не всегда иронизирует, просто это он сейчас иронизирует... - А мне приятно всё равно, - пожал Дима плечами и, обернувшись, посмотрел на Александра. Тот мягко улыбался и его взгляд - откровенный и осторожный - говорил красноречивее всех слов.

- Ты ешь, ешь, птица моя. Если что, там в холодильнике ещё много вкусного завалилось.

- И за что мне такое счастье?

- Потом расскажу, - ответил Александр, усаживаясь напротив Димы.

- Прямо даже догадаться не могу, о чём ты, - весело хмыкнул тот и кинул в рот последний отрезанный кусок. - Нарезал, как украл, блин.

- Во всём важно чувство меры.

- Абсолютно согласен, да и дизайнер запрещает жрать по ночам, - Дима уныло посмотрел в пустую тарелку, потом поднял взгляд на Александра, и медленно перевёл его на холодильник.

Холодильник манил обещанными вкусностями как сирена. Привязать себя к столу Дима не мог, поэтому песнь еды коснулась его ушей, и он забыл о чувстве меры ещё на полчаса.

- У тебя много было до меня... кроме жены? - Дима стоял, закрыв глаза, под душем и взбивал пену от шампуня на голове.

- А почему кроме? Чувство по законам русского языка среднего рода, - Александр подошёл к нему со спины и стал медленно гладить спину мочалкой.

- Не могу расценивать женщин наравне с мужчинами, - Дима отнял руки от головы и позволил струям смыть пену с волос. - Ты не ответил на мой вопрос.

- Он неактуален, - Александр прихватил Димой ухом губами и слегка потянул на себя. Щекотные мурашки пробежали вдоль позвоночника, и Дима отшатнулся, засмеявшись. - Много радости ты получил, узнав о прошлом своего друга?

- Нет. Но... - Дима развернулся к Александру лицом и посмотрел в глаза. - Я узнал его лучше.

- Значит, тебе нужно устроить мне допрос с пристрастием, - широко улыбнулся тот и сгрёб Диму в охапку. - И я посмотрю, готов ты узнать чудовищную правду или нет.

- Я так и знал, что ты мафия... - прыснул Дима от смеха, когда Александр закинул его на плечо и вынес из душевой кабины. - Скоро я вообще ходить разучусь.

- Будешь ползать, - Александр поставил Диму на пол и кинул ему тёплое безразмерное

полотенце светло-зелёного цвета. В него захотелось завернуться как в кокон и впасть в спячку. Но после допроса, если он, конечно, не пошутил.

До кровати Дима дотопал сам, но почему-то затормозил на подходе. Всё-таки она ему как не нравилась раньше, так и не понравилась теперь. Казалось бы, ну чего такого? Кровать как кровать, море каких-то маленьких аккуратных подушек, уложенных в форме расходящейся от центра спирали, внушительные размеры и ощущение холода, исходящее от шёлкового покрывала. Дима зябко поёжился, закутываясь в полотенце.

Александр вошёл вслед за ним и опустил руки на плечи, стал разминать.

- Что не нравится? - тихо спросил он.

- Мне кажется, что здесь никто никогда не спал вообще, - ответил Дима и стащил с себя полотенце. - Фобия какая-то...

- Я стараюсь не оставлять после себя следов.

- Вообще нигде? - Дима удивлённо вскинул брови.

Александр привлёк его к себе и поцеловал в лоб.

- Пошли отсюда, - он уверенно сжал Димину руку и повёл из комнаты, вниз по боковой лестнице, которую Дима раньше не заметил. Они спустились в подвал.

- Камера пыток? - усмехнулся Дима. - Или бездонный колодец, ведущий в подземелье с драконом?

- Склад боеприпасов, - весело отозвался Александр. - У каждого уважающего себя мафиози должен быть такой склад.

Открыв люк в полу, Александр первым спустился в тёмную тёплую комнату. В ней пахло металлом, кожей и деревом. Запахи жизни. Дима невольно улыбнулся и прижался к спине Александра. Он живой...

Тусклый свет ночника выхватил из тьмы очертания барабанной установки, двух колонок и маленькой кушетки, приютившейся около одной из них. Стены были обиты рейками, а вдоль одной из них стояли на подставках три «Гибсона».

- А-хре-неть... - Дима отлепился от Александра и прошёл по комнате, рассматривая гитары и установку. В тёмном углу, свернув ровными кольцами провода, стоял микшер, усилитель и два микрофона на подставках. - Это ж... здесь куют метал!

Дима взял барабанные палочки и, обойдя установку, ударил по барабану. Звук получился коротким и упругим. В груди замерло от восторга. Звук мягко слился с тишиной. Потом Дима ударил по верхнему диску и опять по барабану, нажал на педаль - нижний барабан отозвался глухим низким вздохом... Это же просто мечта любого подростка, сходящего с ума по тяжёлой музыке.

Александр стоял, прислонившись спиной к колонке, и молча наблюдал за Диминым неконтролируемым азартом.

- Подыграй, - замахал Дима палочками. - Давай эту... «Smoke on the water», знаешь?

Александр кивнул и взял тёмно-синюю гитару, стоявшую посередине. Подключил и стал настраивать. Дима никак не мог остановиться колотить по барабанам, вспоминал какие-то ритмы, давно забытые, оставленные в маленькой комнате в Перми. Он думал, что попрощался с ней навсегда.

- Саша, я люблю тебя, - прошептал Дима, глядя на увлечённого настройкой гитары Александра.
- И мне всё равно, кто был до...

Александр кинул на него тёмный пронзительный взгляд и улыбнулся в ответ. Услышал, что ли? Этот может. Всё может.

Мелодия вспомнилась быстро, видно было, что Александр не так уж редко заходил в эту комнату. Отдыхал, наверное... Дима же лажал по полной. Ну никак у него не получалось держать один и тот же ритм, то ускорялся, то замедлялся, то и дело ловя на себе подбадривающие взгляды Александра. Он-то играл уверенно и почти всегда попадал в такт, если только Дима совсем не забывался и давал три доли вместо четырёх. Но всё равно это было здорово. Голый Александр с гитарой перед глазами, гладкие твёрдые палочки в руках, «Deer Purple», возвращение домой, в детство.

Кода взвыла и оборвалась. Дима, усталый и довольный, отложил палочки в сторону и исподлобья посмотрел на Александра, а потом громко рассмеялся.

- У тебя нет дома скрытой камеры? А то она много пропустила! Дурдом-2.

Поставив гитару на место, Александр сел на кушетку и поманил Диму к себе. Сердце совершило опасный кульбит и забилось в три раза быстрее. Нужно же устроить допрос с пристрастием, главное, только не забыть об этом через... один, два... четыре, пять шагов.

Александр расставил ноги и, обняв стоящего перед ним Диму за пояс, привлёк к себе. Поцеловал впадинку на груди и скользнул языком к вмиг напрягшемуся соску.

- Допрашивай, - спокойно проговорил Александр в промежутках между поцелуями-укусами-поцелуями. Дима лишь тихо застонал в ответ и провёл руками по его волосам, взъерошивая.

- Давно играешь? У тебя отлично получается... - голос дрожал и срывался на сип, отчего щёки загорелись ещё отчаяннее.

- На втором курсе начал играть в группе, к пятому закончил.

Руки медленно опустились со спины на поясницу, а потом и ниже. Упруго помяли ягодицы и заскользили по бокам.

Дима поставил одно колено на край кушетки, и Александр, обняв его за пояс, усадил к себе на колени. Возбуждение болезненно пульсировало в кончиках пальцев рук и ног, затрудняло дыхание и путало мысли. Александр был горячим. Дима чувствовал его сдерживаемую страсть и искренне завидовал выдержке. Сам он давно уже плыл куда-то в красноватом тумане и елозил на коленях, пытаясь хоть как-нибудь отвлечься от одного только желания - трахни меня...

- Следующий вопрос, - он явно издевался, не останавливая движения Димы и ничего не предпринимая в ответ. Гладил спину и щекотно целовал в шею.

Дима быстро и громко выдохнул через нос, и, упершись руками в плечи Александра, чуть

отклонился назад, чтобы хоть немного вернуть себе силу воли.

- Если бы я не подошёл к тебе первым... ты бы подошёл?

- Если бы ты не подошёл, это был бы уже не ты. Ты привык приходить и брать всё, что захочешь. Я не могу отнять это у тебя.

- То есть... ты бы не подошёл? - Дима разочарованно вздохнул и закусил губу, чтобы сдержаться и не демонстрировать это так явно. Хотя куда там... хрен его обманешь.

- Тебя заметили все мои коллеги. И настойчиво советовали подойти. Но я не стал.

Александр вновь привлёк Диму ближе к себе и, подняв голову, поцеловал в подбородок.

- Но почему? - растерянно спросил Дима, невольно закрывая глаза от удовольствия.

- Я навязал бы тебе свои правила игры. А ты слишком независим и горд, ты мужчина. И мы испортили бы отношения с самого начала.

Александр настойчиво погладил Димину поясницу и скользнул пальцами ниже, разводя в стороны две половинки.

- А ты когда-нибудь был... снизу?

Дима крепче вцепился в плечи Александра, чувствуя ритмичные движения пальцев внутри себя, и стал медленно подаваться навстречу, попадая в такт.

Зубы мягко прихватили солоноватую кожу на плече, и Дима уже забыл, о чём спрашивал.

- Да, но нечасто.

- А мне... позволишь?

Пальцы покинули тело, и Дима обиженно застонал, хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось. Ещё не совсем секс, но уже и не детские игры. Сознание включено и мысли контролируются, но уже так хорошо, что всё воспринимается благосклонно. Как легкое опьянение от вина. Но туман такой хрупкий, что одно лишь неверное движение...

- Научился плохому, - вдруг серьёзно проговорил Александр.

- Не хочешь?.. Я могу и так... всегда... - Дима запинался, голос дрожал. Да что же такое с ним? В глазах зашипало от обиды, но он всё-таки смог сдержаться. На равных не получится.

Александр обнял Диму за пояс и, немного приподняв, уложил на кушетку. Посмотрел сверху вниз, всё ещё серьёзно, и где-то даже печально.

- Когда ты сам этого захочешь. А не потому, что кто-то жалкий и несчастный что-то сказал, завидуя и ревнуя.

Дима смахнул не удержавшуюся слезинку и счастливо улыбнулся. Если в двадцать пять ума нет, то его уже и не будет, определённо.

- Трахни меня... - обнимая Александра за шею, прошептал он и призывно приоткрыл рот для поцелуя. - Хочу больно... пожалуйста.

Александр внимательно взгляделся в Димино лицо и жёстко поцеловал, прикусывая губы и сминая плечи. Дима ахнул и только быстрее подался ему навстречу, закидывая ноги на поясницу. Александр перехватил их под коленями и поднял на плечи, вошёл сразу и глубоко. Дима даже вздохнуть не успел, вскрикнул и закрыл лицо руками. Это было то, что нужно. Да, для каждого «на равных» значит что-то своё. Темп нарастал, Дима уже не мог сдерживаться, хватался за влажные плечи, за край кушетки, нёс какой-то бред и двигался, двигался навстречу. Внутри всё раскручивалось и жгло, шире, шире, пока не разомкнулось, освобождаясь, и не вспыхнуло.

- Твою мать... гитарки! - выгнувшись, вскрикнул он. Перед глазами мелькнул синий «Гибсон» и Дима понял, что повис вверх ногами и почти достаёт башкой пола. Ещё чуть-чуть и точно бы долбанулся.

- Ну куда тебя понесло?.. - Александр вовремя ухватил его за руку и остановил падение. Поднял Диму обратно на кушетку и громко рассмеялся, целуя его в горящие губы. - Убьёшься же.

- Я летаю, - пьяно хихикнул Дима, уткнувшись в предплечье Александра. - Как птица...

- Не всем птицам дано летать, птичка, - Александр прикусил Диму за загривок и потянул на себя. Как божественно приятно.

- То ты обзываешь меня лягушкой, то страусом... Да ты зоофил, самый настоящий, - вздохнул Дима, закрывая глаза и понимая, что начинает засыпать. Вот бывают же дни... когда... ещё эти сонные ненавязчивые поцелуи, на них, наверное, и нужно остановить этот день. Дима глубоко вздохнул и сладко улыбнулся. - Спокойно..

Это пиликало где-то в голове. Тихо так, дзынь-дзынь, пора вставать. Дзынь-дзынь... пора вставать, Димочка... дзынь-дзынь...

- Убил бы всё... - выдохнул Дима, открывая один глаз и проверяя обстановку. Он точно помнил, что вчера уснул на кушетке в подвале, где куют метал и летают страусы. Но это была не та комната. Светлая, пахнущая свежестью и солнцем. Спальная комната Александра. Всё-таки он уложил его в эту дизайнерскую мерзость. Но надо отдать должное - было мягко и тепло, что и требовалось от кровати.

Он ходил где-то рядом, Дима чувствовал на себе взгляд, но было лень двигаться, даже голову поворачивать не хотелось. Пусть сам подойдёт...

- Вставай, спящая красавица, пора на работу, - Александр подполз сзади и, наклонившись, поцеловал Диму в висок. Рука скользнула под одеяло и, проскользив по спине, легла на ягодицу. Дима закрыл глаза и блаженно выдохнул от предвкушения. Но пальцы не стали делать то, что он ожидал. Они бесцеремонно ущипнули его за разнеженную кожу и исчезли.

- Бля! - возмущённо вскрикнул Дима, вскакивая с кровати и потирая ущипленное место. - Больно же! Синяк теперь будет.

- Зато действительно, а синяк я полечу вечером, - улыбнулся довольный собой Александр. - Завтрак готов. Холодильник для продолжения банкета, если что, стоит на том же месте, а мне нужно ехать.

- Ты вечером не занят? - забыв уже о синяке, обрадовался Дима.

- Нет, пора уйти в загул. Кстати, в пятницу мы летим в Италию, не забыл?

- Да с тобой каждый день, как день победы, - расплылся в улыбке Дима и вновь откинулся на кровать. - Ты меня разбалуеть, и я обнаглею в корень.

- А разве не уже?

Дима показал Александру язык и завернулся в одеяло по самые уши.

- Иди ты... на работу.

Зря он, конечно, это сказал. И замотался тоже зря... Александр не стал раздумывать долго. Поднял кокон со смеющимся Димой внутри и вынес за дверь комнаты. Оставил прямо у выхода. Ну что за обращение вообще?! А как же права личности?

- Можешь взять мой «Лансер», ключи в ящике около кровати. До вечера, птичка в кляре, - Александр чмокнул барахтающегося Диму куда-то в плечо и быстро сбежал по лестнице к выходу.

Часть 15. В пути.

- А у неё роман с Новосельцевым, вы разве не знали? Все знают...

Дима замер на пороге, тупо уставившись на Лидин мобильник, говорящий голосом Лии Ахеджаковой.

- Цени мою находку! - засмеялась Лида, захлопнув телефон и покрутившись на стуле. - Поставлю себе на звонок, буду интриговать население.

- Ты прям шпион. Не боишься, что репрессируют? - усмехнулся Дима, проходя к своему месту, и включил компьютер. Системник низко зарычал, имитируя взлёт самолёта.

- Со мною так нельзя, - Лида погрозила длинным пальчиком с перламутровым ноготком. - Я ценный кадр. Знаю много полезной информации.

Дима открыл «AutoCAD» и с ужасом обнаружил, что последнее изменение не сохранилось. В среду, когда он работал над этим чертежом, резко вырубил свет и все работающие в системе вылетели в космос, а проделанная работа в трубу. Это была, конечно, не великая потеря, всё можно восстановить, но это время! Лишних два часа.

- Да? И какой, например? - на автопилоте спросил Дима, оценивая объём поглощённого адской трубой труда и ругая на чём свет стоит всю эту шарашкину контору, поставляющую им электричество.

Лида вальяжно откинулась на спинку стула и широко улыбулась, постукивая коготками по лакированной поверхности стола.

- Я вчера ржала как ненормальная, думала, реально в психушку увезут.

- Над чем? - удивлённо вскинул брови Дима и оторвался от экрана, понимая, что так просто Лида не будет рассказывать ему прикол, если только он не касается непосредственно его. А это могло быть чревато.

- В отделе маркетинга расцвела новая сплетня и не просто расцвела, а уже и заколосилась, -

Лида нервно хихикнула и закусил губу, исподлобья глядя на Диму. Тот почувствовал, как кровь мгновенно отхлынула от лица. Неужели?.. Откуда? – Да ты не пугайся! Это я одна знаю, что ты приехал на «Лансере» Александра Владимировича не просто так.

Дима смущённо хмыкнул и отвёл взгляд, понимая на будущее, что не стоит палиться лишней раз. И дело не в том, что он хочет скрываться, просто такая открытая демонстрация ни к чему. Лишние мысли, лишние разговоры, каждому же в башку не вдолбишь, что это и почему это.

- Так что обсуждают в миру? – осторожно спросил он.

- Вчера тут такой скандал был, я прям три раза пожалела, что вылетела из кабинета без фотоаппарата, - Лида сокрушённо покачала головой и продолжила, увидев необходимую концентрацию заинтересованности на лице Димы: - Короче, одна детка, мальчик-моделька, получил от ворот поворот от Яковлева и очень оскорбился. Он, видите ли, профессионал, самый востребованный мальчик на планете, а наш начальник сказал ему: «Вы нам не подходите», - Лида засмеялась, тщетно пытаясь прикрыть рот ладошкой. - Я представляю, каким тоном он это сказал! Застрелиться можно сразу. У ребёнка истерика, его директор не знает, что предпринять, чтобы его взяли, вина какого-то привёз, а Владимирович-то, красавец, вино взял и опять сказал «нет». Я выхожу в коридор и вижу такую картину – детка вся в слезах, что-то орёт, руками машет как мельница, директор его весь зелёный, тоже орёт, что в суд подаст за моральный ущерб, наш Игнатич бегаёт вокруг них и не знает, как замять скандал и тоже орёт. Народу набежало, всем же интересно... И мимо всей этой свалки проплывает Яковлев с дипломатом и бутылкой вина, никак не реагируя на вопли Игнатича: «Кто же будет сниматься?! Да где мы найдём такой типаж?!», молча заходит в отдел маркетинга, берёт за шкуру Ванечку-практиканта и говорит, что он будет сниматься вместо этого. Так прям и сказал - «вместо этого». И уходит. Ты представляешь? – Лида закатила глаза и изобразила чувственный обморок. Потом быстро ожила и закончила: - И в итоге, моделька со своим директором на пару обвинили Владимировича, ты даже не угадаешь, в чём! В гомофобии!

- Да ты гонишь?! – Дима охнул и откатился от стола, закинул ногу на ногу. – Все же знают... ну что он...

Лида прекратила смеяться и замотала головой, не соглашаясь.

- Да что они знают?! Фигню какую-то, а тут живое явление! Мальчик, обалденно красивый и явно нетрадиционный, выставлен вон без видимой причины. Конечно, многие ухватились за идею гомофобии, и весь вечер вчера спорили: гомофоб Яковлев или гомосек. Кто-то там вспомнил, что года три назад видел его фотки на каком-то гейском форуме, кто-то недавно видел его в «Бархате» с мальчиком, ещё есть слухи про гостиничный номер на двоих... в общем, - Лида вскочила на ноги и, оправив юбку, опять хихикнула, - пойду послушаю, что говорят сегодня. Может, у Александра Владимировича уже третий рог вырос... или что-нибудь отвалилось.

- Лида, - Дима окликнул девушку уже на выходе. Она обернулась. - Ты не говори никому... что...

- Димик, - лицо Лиды вмиг посерьёзнело, - ещё одно слово, и я смертельно обижусь.

- Ладно, не буду, - смутился Дима.

- Я же люблю тебя и в обиду не дам.

Дверь захлопнулась за Лидой. Дима крутанулся на стуле, пытаясь понять, о чём говорит

полученная информация. Если Александр выставил мальчика, значит, тот просто не подходил для рекламы. «Обалденно красивый» мальчик... Дима, распираемый чувством гордости, пытался не лыбиться как идиот, но получалось с трудом. Омрачало радость только то, что отдел маркетинга обсуждает ориентацию Александра. В конце концов, его лично она касается напрямую. А потом мысли опять вернулись к недоделанному чертежу и фоновой картинке вчерашних приключений. Мило-милу...

Что за гейский форум?..

Дима резко свернул страницу с чертежом и набрал в поисковике имя и фамилию Александра, поставил галочку напротив региона и нажал «Enter».

- Ни хрена себе... - присвистнул Дима, когда страница загрузилась, и на него посмотрел Александр Яковлев «в картинках». Даже в картинках... Дима нажал полосу прокрутки. «Юный гений из глубинки», «Скандал вокруг отделки остановки», «Фотограф и рекламщик - история вечной любви»...

Сердце ёкнуло, и Дима мгновенно понял, что это именно то, от чего Александр пытался оградить его вчера. Ничего хорошего нет в копании в прошлом. Оно ушло и скатертью дорога. Но имеющий уши услышит, а имеющий глаза увидит. «История вечной любви» Александра - это тоже часть его жизни, неотъемлемая часть и пока ещё покрытая мраком. Да, Дима хотел знать, он не мог не знать, что скрыто за этой гламурной жёлто-прессовской фразой.

Марк Малиновский, всемирно известный фотограф-авангардист 14 февраля 2009 года представил в Лондонской национальной галерее новую выставку, посвящённую владельцу крупнейшего в Латвии PR-агентства - Александру Яковлеву.

«Саша - мой ангел-хранитель, - рассказывает о своей музе Марк. - Где бы я ни был, я всегда знаю, что где-то есть замечательный, верный и надёжный человек, готовый ободрить меня, несмотря ни на что. Я могу позвонить ему в любое время дня и ночи и услышать в ответ ласковые тёплые слова. Это меня вдохновляет и поддерживает в трудные времена».

Мужская дружба не ржавеет с годами, а дружба, подкреплённая трепетными чувствами (у Марка и Александра два года назад был бурный роман) может служить примером истинной любви, которая нашла отражение в работах фотографа, и останется в них навечно».

Фотографии Марка не было, да и не хотелось смотреть на него. Дима закрыл страницу и развернул чертёж. Наверное, нужно всё-таки поработать. Два часа потерял! Дима подёргал мышку, поводит курсором по разметочным клеткам, обвёл воображаемый квадрат в центре, потом квадрат превратился в круг, а круг в конус... Дима «работал» ещё минут десять, пока не почувствовал навалившуюся на плечи усталость.

Александр сказал, что Марк остался в прошлом. Или... про Марка сказал Юра, а Александр вообще ничего не говорил о своих прошлых партнёрах.

- 14 февраля 2009 года, - произнёс Дима вслух и мгновенно вспомнил весь текст статьи. Ему казалось, что он слышит тихий вкрадчивый голос, говорящий о своём друге, готовом помочь в любую минуту, несмотря ни на что... - и ни на кого. Они поддерживают отношения.

Сделанный вывод не принёс никакой радости, но почему-то и плохо не было. Было как-то спокойно. Александр не стал менее важным, привлекательным и желанным из-за маячившего на заднем плане всемирно известного фотографа, посвящающего ему выставки. Вовсе нет. Просто... ощущение избранности и единственности исчезло. Мир, он не только вокруг, он ещё

и внутри. И у каждого есть те, кто любит и ждёт. У каждого - свои близкие и родные. И с этим нужно смириться, с Марком нужно смириться. Дима пнул ножку стола и, закусив губу, решил прекратить думать об этом, иначе что-нибудь точно надумает.

- Паспорт! - Дима дёрнулся, ремень безопасности врезался в плечо и предусмотрительно остановил движение. - Где мой паспорт? Ты видел? Я паспорт забыл!

- Он у меня, - невозмутимо произнёс Александр и, слегка нахмутив брови, кинул на Диму оценивающий взгляд. Весь день смотрит так, словно впервые видит, - надоел уже. И без того нервы на пределе, а Александр ещё что-то там думает про себя и никак не выскажет. - Все необходимые документы и деньги у меня, можешь не вспоминать о том, что забыл. Если одежда будет нужна, купим на месте. Дима, - Александр протянул руку и щёлкнул Диму по носу, вызвав невольную улыбку, - расслабься, мы едем отдыхать. Улыбаться, радоваться и не напрягаться. Запомни.

- Даёшь установку на радость?... - тихо спросил Дима, жмурясь от яркого утреннего солнца, и робко улыбнулся, мельком глянув на профиль Александра. Он был похож на древнегреческого бога. Когда Александр не знал, что на него смотрят, он казался особенно красивым и далёким. Фотогеничным, блин... - Вчера видел на сайте статью о выставке твоего друга.

Дима прикусил ноготь на большом пальце и попытался устранить несуществующий заусенец. Кожа была солоноватая - на завтрак были божественно вредные чипсы. И ещё осталось на дорогу.

- Марк мне не друг, - сухо ответил Александр, отчего внутри Димы всё в мгновение ока покрылось ледяной коркой. Вот блин... испортил. Напряжённые пальцы побарабанили по рулю и Дима невольно вздрогнул, услышав в голосе сдержанную усмешку. - А я всё думал, что с тобой случилось, может быть, заболел или опять кто-нибудь позвонил и сообщил плохую новость. А ты в своём репертуаре, моя прелесть.

Александр говорил и смотрел строго, как профессор смотрит с кафедры на нерадивых студентов, прогулявших крайне важную пару - «Как же вы дальше будете жить, если вам так трудно собраться и прийти, чтобы забрать то, что принадлежит вам?!»

- Он отзывался о тебе очень хорошо, - смутившись, промямлил Дима. - У меня сложилось такое впечатление, что вы близко общаетесь до сих пор.

- А ещё он говорит журналистам, что упал с луны, - Александр слегка улыбнулся так, словно Диме пять лет, и он спрашивает у папы с мамой, почему травка не растёт корнями вверх.

Дима тяжело вздохнул и запустил руки в волосы, откинул чёлку назад и хлопнул раскрытыми ладонями по бёдрам, мысленно давая себе пинка для скорости.

- Ты же мне ничего никогда не рассказываешь, - Дима глянул на Александра и отвернулся к окну, зная, что при всем своём внимании к дороге, тот слушает. - Собираю какие-то сплетни, слухи, обрывки разговоров... ну и сам додумываю остальное.

- Если тебе что-то нужно узнать, спроси у первоисточника.

Дима хмыкнул и взмахнул рукой.

- Я не могу тебя постоянно спрашивать.

- Почему? Я готов ответить на любой интересующий тебя вопрос, - искренне удивился Александр и картинно выгнул одну бровь. Тоже, что ли, актер умирает?

Дима сполз по сидению чуть ли не на пол и опять прикусил ноготь. Ну что он мог ответить? Только правду и ничего кроме правды.

- Я тебя боюсь, - сказал Дима и почувствовал, как по шее вверх стал подниматься жар, он заливал щёки, и становилось тяжело дышать, сердце громко бухало в висках. Да, это был самый настоящий страх, неконтролируемый и такой привычный. Ничто не вызывало его, кроме Александра. - Вот сейчас, когда говорю, что боюсь тебя, ужасно боюсь тебя!

- Ты боишься того, что я могу тебе сделать или сказать в ответ?

- Нет, - Дима замотал головой и с шумом выдохнул скопившийся в лёгких воздух. Раз уж начал говорить, то нужно высказать всё, а то вдруг такого случая больше не представится. - Я не знаю, чего боюсь, но не действий, это точно... Я давно уже думаю об этом, анализирую, и мне кажется, что дело в том, что я никак не могу понять тебя, твои мотивы, твоё поведение... я не могу угадать твою реакцию на те или иные слова.

- Как ты можешь это угадать, если ты - не я? Я тебе уже говорил о разнице наших мотивов. Моё поведение - это отточенный годами ритм, а насчёт понимания... мне кажется, что это придёт со временем. Мы знакомы чуть больше месяца, не мудрено, что ты ещё не привык ко мне.

Дима так и замер, закусив палец. Сколько знакомы?..

- Месяц... - повторил он, сам не веря тому, что слышит. А потом набрал в грудь воздуха и громко рассмеялся, снимая напряжение. - Зашибись! И правда. А я думал, что сто лет, не меньше... Мне кажется, что я знаю тебя давным-давно.

- А ты говоришь, что не знаешь, - Александр открыто улыбнулся, и солнечные лучики скользнули по кромке его ровных зубов. Сейчас, в данную конкретную минуту, Дима его не боялся, не волновался и мог спрашивать то, что его интересовало. Александр - человек, от которого требуется только лишь одобрение и готовность выслушать. Он всех слушает, мелькнуло в голове Димы, но о себе не говорит, потому что не спрашивают. А ларчик просто открывался! Ещё бы применить теорию на практике, и будет вообще отлично.

- Ты долго был с Марком? - взгляд заметался по убегающей под колёса дороге. Справа их «Тойоту» грузно обходил джип, явно предлагая помериться «силой», как принято в бане. Александр пропустил его и бровью не повёл на провокацию.

- Два года у нас были близкие отношения, а потом, как ты любишь выражаться, хрень какая-то.

- Вы расстались?

Александр улыбнулся, и вокруг его глаз чётко проступили морщинки.

- Мы и не сходились, - спокойно ответил он и, дотянувшись до приборной панели, включил музыку - ноктюрн Шопена. А в классике определённо что-то есть, подумал Дима, чувствуя, что настроение неуклонно повышается. - У меня была семья, у него какие-то поклонники-фанаты-модели, хоровод желающих подержать свечку. Вначале было весело, потом затянулось.

- А любовь?.. была? Ну там всякая романтика, серенады, цветы, конфеты... или вы так...

потрахались и разбежались?

Александр коротко рассмеялся. Дима тоже улыбнулся в ответ, откровенность – это как наркотик. Один раз попробовал и хочется ещё и ещё, глубже и больше, пока не коснёшься дна, если конечно, сил и терпения хватит, чтобы достать.

- У тебя кардинальные взгляды: или плохо, или хорошо; или любовь, или нелюбовь. Есть и промежуточные состояния, то же влечение, например, тяга, зависимость, фанатизм, любопытство, элементарная привычка.

- Я привык к Вике, и ничего хорошего из этого не вышло, хоть у нас была и привязанность, и симпатия. Сейчас я даже представить не могу себя с ней...

- Опять хорошо-плохо. Ладно, если измерять ситуацию твоими категориями, то получается, что мне было хорошо с Марком, когда ему было плохо. И наоборот.

- Но что-то же держало вас вместе?

- Влечение, интерес. Когда я понял, как общаться с ним без ущерба для своей психики, интерес пропал, а как следствие и влечение. По окончании первых двух лет Марк решил рвануть в Америку, строить там карьеру, снимать кинозвёзд, какие-то прерии, торнадо и Макдональдсы. Звал меня с собой, обещал жить в палатке под кислотным дождём и сплавать на байдарках с горных рек.

- Здорово... - восхищённо протянул Дима. - Байдарки и палатки – это здорово. Я в школе любил ходить в походы.

Воображение мгновенно нарисовало картину романтического вечера, проведённого у костра – ночная прохлада ласкает спину, огонь и жаркие поцелуи обжигают лицо. Душу дьяволу можно продать за такое времяпрепровождение в компании Александра.

- Я знаю, что тебе понравилась бы эта идея. Она и неплоха, если человек понимает, куда идёт.

- А Марк?

- Он ни разу в жизни не был в лесу. Панически боялся всяких насекомых, не переносил антисанитарные условия и плохую еду. И тут эти байдарки... Я пытался объяснить ему, что байдарки – это не только восторги, зелёная травка и голубая водичка, но он меня не услышал и всё равно уехал с каким-то своим поклонником – экскурсоводом, пообещавшим золотые горы и манну небесную. Три месяца они ели манну и лазили в золотых горах. Марк вернулся без экскурсовода и без волос, покорный и смирившийся – он стал исповедовать буддизм. Как я выяснил потом, до Америки они так и не добрались, помотались без дела в Польше с какими-то хиппи, пока не закончились деньги.

- И ты принял его обратно? – Дима достал из сумки оставшийся от завтрака пакет с чипсами и с треском его раскрыл. Александр отказался от предложенных чипсов и с сомнением посмотрел на Диму, с аппетитом грызущего неровные ромбики спрессованной картофельной муки.

- Да. И это была моя ошибка. Через год тихой, почти дружеской идиллии Марка опять потянуло на подвиги. Он сделал коллекцию спонтанных фотографий и помпезно выставил её в галерее без моего ведома.

Александр поджал губы и замолчал. Дима растерянно хрустнул очередной чипсиной и тихо спросил:

- А почему должно было быть разрешение?

- Потому что темой фотографий была моя личная жизнь.

Дима ахнул от неожиданности и отложил чипсы. Облизал солёные губы, поймав на себе тяжёлый страстный взгляд Александра. Хотелось облизать и пальцы тоже, но Дима удержался от этого слишком откровенного и провокационного жеста.

- И что там было на этих фотографиях? Обнажёнка или бытовуха?

- Эротика, в основном. Мы дурачились в его студии, снимали всё, что движется, в том числе и друг друга. Фотографии получились на удивление удачными. Марк хотел их выставить, спрашивал у меня, но я не разрешил.

Дима присвистнул и зябко поёжился. Всё-таки бессонная ночь давала о себе знать. Личная жизнь напоказ. Быть может, в откровении заключена сила искусства, но у всего должен быть предел и элементарная этика, наверное... Хотя зависит от ситуации. Неужели Марк не знал, чем это всё закончится?

- Я знал, что моё несогласие его не остановит. Возможно, я просто малодушно искал повод, чтобы расстаться.

- Покедова, бейби, пиши... - вздохнул Дима и едва слышно добавил: - Я уверен, что он до сих пор не понимает, где ошибся, и хочет к тебе вернуться...

Солнце блеснуло на металлической ручке приборной доски, и Дима на миг ослеп. В носу защекотало, и он чихнул. Сразу вспомнился этот детский прикол - зачихнул. Раньше он даже желания загадывал перед тем, как чихнуть, чтобы уж наверняка. Не сбылось ни одно, правда. Если ты вовремя чихаешь, то это не значит, что тут же купят велосипед.

- Будь здоров, - Александр мельком глянул на Диму и тише добавил, продолжая следить за дорогой: - Смешной ты. Сначала ты его боялся, потом завидовал, а теперь тебе его жалко. Не стоит, птица моя. Марк отлично живёт без меня, чего и нам желает.

- У меня в университетской группе тоже был неадекватный мальчик, который говорил, что он принц эльфов. Мы сначала думали, что он прикалывается, а оказалось, что на полном серьёзе. Такой чудной... - Дима открыл новую пачку чипсов и продолжил громко хрумкать. - Гении все немного неадекватны, но им это можно простить... Таланту можно многое простить.

- Я не был на него в обиде, - пожал плечами Александр. - Всего нет. Он талантлив, его работы впечатляют. Но это не мой человек. Марк не создан для того, чтобы стать чьим-то человеком. Он вечная, самозаполняющаяся пустота.

- Звучит заманчиво. Я был уверен в том, что Марк окажется не простым смертным, - усмехнулся Дима. За окном, параллельно с ними ехали «Жигули». И мальчишка лет пяти, сидевший на заднем сидении, строил Диме смешные рожицы, вызывая на дуэль. Пришлось поддаться и построить в ответ. Строили они, строили, пока мальчишка не получил подзатыльник от матери. Он кинул последний обиженный взгляд на демонстративно довольного своей победой Диму, словно это тот во всём виноват, и увлекся протянутой ему шоколадкой.

- Пять лет, - вздохнул Александр, - до пятнадцати ещё расти и расти.

- Тоже хочешь дать мне подзатыльник? У тебя руки заняты, поэтому подышите, Александр Владимирович.

- А я терпеливый.

- А я быстро бегаю.

Александр не стал отвечать, закусил губу и лукаво подмигнул Диме, мол, посмотрим-посмотрим, кто кого. «Ну конечно, ты меня», - подумал Дима и слегка смутился. Сколько же можно думать о сексе?.. В мире так много других интересных вещей существует! Вот, например, Давид... жуть какой сексуальный и безвозвратно ассоциируется с Александром. Или тот же Пантеон - языческий храм. Язычники вообще были молодцы, а обряды инициации чего стоили, а оргии!.. ммм...

- Всё-таки это были плохие чипсы, я сейчас скончаюсь, - выдохнул Дима, чувствуя себя ужасно разбитым. В животе горело и болезненно пульсировало, и тошнота периодически подкатывала к горлу. На регистрации ещё можно было потерпеть, всё-таки люди кругом, а вот в самолете стало совсем худо. Дима смахнул выступившие над губой капельки пота и, откинув голову на спинку сидения, прикрыл глаза.

Дима слышал, как Александр встаёт с места и куда-то уходит, а потом увидел перед собой стакан с минеральной водой.

- Выпей таблетку и поспи.

Александр протянул Диме круглую большую таблетку и стакан воды.

- Ты прям как заботливая мама, - прошептал Дима, принимая лекарство и воду. Горечь обожгла язык, и пришлось зажмуриться, чтобы проглотить её.

- С тобой будешь и мамой, и папой, - Александр забрал у Димы пластиковый стакан и скользнул кончиками пальцев по его скуле. - Поэтому больше никаких чипсов, гамбургеров и прочей гадости, сынок.

Дима глубоко вздохнул и согласно кивнул, не открывая глаз.

- Практически во всех фильмах героев тошнит, - проговорил он, чувствуя, как постепенно в животе всё успокаивается. - Символично типа... Одна жизнь уходит, начинается другая, новая, лучшая.

- Чувствуешь себя героем фильма?

- Нет, - Дима посмотрел на Александра и широко улыбнулся. - Чувствую, что меня тошнит. А жизнь у меня хорошая, всегда была хороша и будет только лучше. Только бы до Италии долететь, боже... можно не раскачивать самолёт так сильно!

Часть 16.Флоренция-1.

- Раз, два, три, четыре... открывай, запускай, - Дима встал, прислонившись к шершавой тёплой стене, и смотрел, как Александр открывает дверь номера. В гостинице было настолько тихо, что в ушах выбивало пробки, если молчать, и мутная после перелёта голова упорно принимала

какой-то неприятный ультразвук.

Они остановились в самом сердце города на площади Республики в отеле «Savoy». Из окна их комнаты были видны серые туманные горы и тенистый садик с увитыми плющом беседками – в этом была вся Флоренция. Тишина, покой и свежий лёгкий воздух. Неспроста именно здесь творило так много гениев.

Дима чувствовал растекающееся по телу умиротворение, и хотелось обниматься, целоваться и вообще вести себя так, как не подобает взрослому человеку. Радость детства, кристально чистая, ни к чему не относящаяся, когда понимаешь, что любишь весь мир.

- Охренеть! – протянул Дима, плюхнувшись на кровать поверх покрывала. В номере стояло две кровати – двуспальная и полуторная. На всякий случай, очевидно. – Я буду спать на большой, а ты как хочешь.

Александр поставил сумки с вещами около комода, над которым висел огромный телевизор, и достал ноутбук.

- Можешь не скромничать, придвинуть вторую кровать и спать на всех.

- А ты где будешь спаать? – Дима раскинул руки и ноги, изображая морскую звезду, и потянулся. Всё тело сладко заныло, и голова пошла кругом. – Блаженство...

- Я сюда не спать приехал, - Александр подключал ноутбук и даже не обернулся. Дима медленно подобрал руки и ноги, смутившись. Эта манера – говорить серьёзным тоном провокационные вещи – просто мозг выносила и невозможно к ним ни подготовиться, ни привыкнуть. Только душно краснеть и безбожно тупить, задавая риторические вопросы.

- Твоё право, - вызывающе бросил Дима, вскакивая с кровати и направляясь в ванную комнату, - я буду спать как убитый на двух кроватях, а ты можешь занять вон тот милый жёсткий стульчик.

Ванная была шикарная – в тёмных тонах, с отдельной душевой кабинкой, вызывающей приступ слабости в ногах. Эмалевая раковина манила своей гладкостью и глубиной. Захотелось занырнуть перед ужином и прогулкой, и... так много планов! Дима включил воду и стал раздеваться.

- Приглашаю только один раз, - Дима выглянул из ванной и, конечно же, застал Александра за работой. Что же ему ещё делать-то в самом красивом городе мира? – Выключи эту железку, а то я тоже чувствую зов работы. Вчера Всеволод Игнатьевич поручил вести ещё один проект. Скучный ужасно.

- Не думай о работе, думай обо мне, - улыбнулся Александр, выключая ноут. Такой послушный, аж мурашки пробежали по спине от предчувствия разврата.

- Только этим и занимаюсь, - Дима подошёл к нему сам, обнял одной рукой за шею и увлёк за собой в ванную комнату. – Сам себе завидую просто по-чёрному.

- Я тоже тебе завидую, - Александр крепко прижал Диму к себе и поцеловал. Глаза закрылись сами собой и комната пошатнулась. Ощущение полёта длилось около минуты, пока Дима не почувствовал, что с него стягивают нижнее бельё, аккуратно избегая прикосновения.

- Нуу же... - прохрипел Дима, вставая на цыпочки и прямо заглядывая в чёрные горящие глаза.

Александр широко улыбнулся и, чмокнув Диму в нос, мягко отстранился. Это было обидно и вообще... почему? – Издеваешься?

- Вода остынет.

- Я тебе это припомню!

- Какой у тебя размер? – Александр поднял Димину ногу из воды и приложил ступнёй к своей ладони.

- Сороковой или сорок первый, - Дима медленно скользил руками по влажным пенным волосам Александра – подушечками пальцев по лбу, по вискам, слегка помассировать. Пахло мускатным орехом и душистым паром. – Когда ноги замерзают, то сороковой, а в тепле они разворачиваются, как лягушачьи лапки.

- Appetitные лапки, - Александр сжал Димину ступню в ладони и, наклонившись, попытался укусить его за пятку. Дима дёрнулся от щекотки и плюхнул ногу обратно в воду.

- Значит, ты не споришь с тем, что они похожи на лягушачьи? – хихикнул Дима, когда Александр опять нащупал его ногу под водой и достал на свет божий.

- Перепонок нет, а так одна фигня. Зелёные... – он скользнул большим пальцем по косточке щиколотки, там, где кожа была особенно тонкой, и переплетённые венки были отчётливо видны.

- Сам ты фигня зелёная, - протянул Дима. – А ноги у меня нормальные. И вообще! Мог бы хоть раз сказать, что тебе нравятся мои ноги.

- А если не нравятся?

- Тогда что нравится?

Александр обернулся и, поймав Димину руку, прижался губами к запястью.

- Руки, - он быстро облизнул чувствительную кожу и отпустил. – И кое-что ещё...

- Интригуешь... - горячо выдохнул Дима, погладив Александра по плечам. Тот перевернулся к нему лицом и навис сверху, опираясь одной рукой о край ванны. – Что же это - кое-что?

- Ушко, - усмехнулся Александр, проводя рукой по Диминой груди сверху вниз, потом ещё ниже, и ещё, пока тот не задохнулся от горячей волны, сжавшей лёгкие. Александр взял его в руку и медленно сдавил пальцами.

- Ни хрена себе ушко, - коротко рассмеялся Дима и откинул голову назад, облизнув пересохшие губы. Ресницы дрогнули, опускаясь. Мир то включался, то выключался, попадая в такт движениям руки.

- Смотри на меня.

Дима услышал приказ и последовал ему, шире разводя ноги. Колени упёрлись в гладкие прохладные стенки ванны, и Дима глухо застонал, то ли от прикосновения, то ли от движения... Он закусил губу и, поймав выбивающийся из общей картины пульсирующей действительности неподвижный, горящий взгляд Александра, почувствовал, как внутри что-то раскрылось, и волна томного наслаждения затопила его сознание.

- А чего ты сейчас хочешь? – спросил Дима, лениво взяв полотенце по влажной коже и почему-то только на правом плече. Остальное пусть само высыхает.

- Есть хочу, - Александр быстро, по-спартански вытерся и отнял у Димы его полотенце.

- Зачем тебе второе полотенце? – удивлённо спросил тот, пытаясь удержать неумолимо ускользающий махровый край. – Я ещё не закончил, между прочим.

- Моя мама любила говорить про таких тормозных как ты – облюешься смотреть.

Дима тяжело вздохнул и повернулся к Александру спиной, послушно позволяя себя вытирать.

- Я могу быстро работать, но если отдыхаю... то я отдыхаю на всю катушку.

- Жена тебя тоже сама вытирала?

Дима прикусил щёку с внутренней стороны. Что-то неприятно кольнуло под сердцем и стало невесело. Наверное, Александру не стоило так говорить, или Диме не стоило так чутко реагировать.

- Мы с ней вместе не мылись.

Дима молча дождался, пока его вытрут, и забрал у Александра своё полотенце, также молча. В комнате было сумрачно. На улице вечерело, и плотные мягкие шторы, закрывающие окно, стали казаться совсем чёрными. Дима включил ночник и начал доставать из сумки одежду для ужина. Иголочка под сердцем никуда не исчезла. Неужели Александр хотел сказать нечто обидное? Ведь нет же! Не хотел... Но тем не менее у него получилось. Обычная подколка вроде бы, но про Вику... Нельзя так.

Дима выбрасывал на пол содержимое сумки и перебирал вещи уже на полу. Так было удобнее.

- Ты даже из гостиничного номера умудрился сделать свалку.

Дима видел только голые ноги Александра, и с ними разговаривать не было никакого желания. Ноги подошли ближе и остановились рядом с кроватью. Александр присел на корточки напротив Димы и забрал у него из рук рубашку, которая неожиданным совершенно образом превратилась в большой мятый комок.

- Что такое? – тихо спросил Александр, заглядывая Диме в лицо. – Обидел? Прости...

Дима провёл кончиками пальцев по твёрдой гладкой скуле Александра и, наклонившись, поцеловал его.

- Если тебе не нравится, как я себя веду, ты скажи. Я просто думал, что можно... - тихо начал Дима, Александр подался вперёд и не дал ему договорить, накрыл его губы своими и страстно поцеловал в ответ, так, что дыхание перехватило.

- Можно, - шептал он, укладывая Диму на кровать и целуя шею, скулы, губы. – Всё, что хочешь, птица моя... не сомневайся. Непосредственный мальчик... открытый, честный. Я всё люблю в тебе. А эти шутки, это всё глупость, больше не буду обижать тебя.

- Ты надо мной смейся, мне приятно, - серьёзно проговорил Дима. – Но над ними не надо. Они же не могут тебе ответить.

- Не могут, - согласился Александр и в последний раз чмокнул Диму в щёку. - Пошли ужинать.

- О боже... опять выбирать шмотки. Кинь что-нибудь подходящее, а то мне лень... Тут такой воздух странный, что прям ну совсем ничего не хочется делать. Я это ещё в прошлый раз заметил.

- После ужина обязательная прогулка, и не надо делать такое лицо, ночью отоспишься, - Александр поднял с пола серые лёгкие брюки и светлую футболку с красноречивой надписью - «Отвали».

- С тобой отоспишься, - хихикнул Дима, когда его накрыли сверху штанами и включили верхний свет.

- Когда я был на Соборной площади последний раз, то здесь было столько туристов, что казалось, все ходили строем, как в московском метро.

Дима поднял голову вверх, рассматривая собор Санта Мария дель Фьоре, и улыбка восхищения растянула его губы.

- Грандиозное строение, - сдержанно отозвался Александр, глядя на Диму. Взгляд его потеплел и тоже наполнился подобием восхищения.

- Ну ты только посмотри! Посмотри, сколько здесь всего! Ты только представь, как всё это делалось! Месяцами, годами, сколько мрамора, сколько труда... Я просто в ауте! - Дима поймал взгляд Александра и замолчал, смутившись. - Ты куда смотришь?

- На тебя смотрю, из тебя получился бы отличный фанатичный гид, умеешь зажечь содержательной речью.

Дима легко толкнул Александра в плечо и опять возвёл глаза к ярко-синему вечернему небу, на фоне которого возвышался купол собора.

- Ты непроходим, - с сожалением выдохнул Дима и указал рукой на купол. - Ну как ты не видишь?! Это же... - он широко взмахнул руками и закончил на выдохе: - гениально.

Александр быстро обнял его за шею и прижал к себе.

- Я вижу тебя и понимаю, что это гениально, - прошептал он на ухо и отпустил растерявшегося Диму восхищаться дальше. - Хочешь мороженого?

- Какой же ты приземлённый человек, - сокрушался Дима, уплетая мороженое тирамису за обе щёки. - Ты находишься в самом красивом городе мира и ни на что не смотришь! - щёки вспыхнули, и даже ледяное мороженое не спасло от яркого румянца. - Ну кроме меня...

- Я был здесь не один раз, и как путешественник, и по работе. Я привык и к красоте, и к грандиозности. Затёрлось со временем. А ты смотришь иначе на привычное мне. Мне интересен твой взгляд.

- Я ещё и хрень всякую несу, фанатичную, - усмехнулся Дима, слизывая потекшие по вафельному стаканчику тяжёлые капли. Язык сводило от холода, а щёки продолжали гореть. Александр облизнул губы, глядя на Димины старания. Он смотрел так, словно ел его сам, вместе с мороженым и этой нелепой футболкой «Отвали». Смаковал, посасывал...

- Сейчас уронишь, аккуратнее.

Дима вынырнул из тумана и успел перехватить приличный кусок мороженого, опасно накренившийся и капающий на дорогу. Хорошо, не на брюки.

- Ты смотришь так плотоядно, что мне даже страшно становится, - сказал Дима и резко зажмурился от неожиданности - от холода свело зубы и горло перехватило. Да, итальянское мороженое - это вам не просто так! Тает в желудке, а не во рту.

- Учусь быть непосредственным. Честно смотреть, честно говорить... - Александр наклонился ближе к Диминому лицу и втянул носом запах сливочного кофе. - Я хочу тебя поцеловать.

- Да ты что... - промямлил Дима и, подняв глаза, откровенно развратно улыбнулся. - Проблема...

Александр лишь коротко усмехнулся и, наклонившись, ещё ниже скользнул по холодным Диминым губам, раскрывая их. Язык отказывался активно включаться в процесс, поэтому поцелуй получился хоть и сладко-острый, но всё равно какой-то заторможенный. Дима довольно шмыгнул носом и запихал в рот остатки вафельного стакана.

- Нас китайцы фотографировали, - засмеялся он, осматриваясь по сторонам и доставая из сумки платок, чтобы вытереть руки. - Интересно, что они подумали?

- Что два мужика целуются на улице - как им не стыдно?! - Александр свернул в какой-то тёмный тесный проулок с горящим в конце тоннеля высоких домов жёлтым фонарём. Дима едва слышно присвистнул и скользнул рукой по прохладному серому камню стены.

- Не стыдно... - выдохнул он, когда Александр прижал его спиной к этой стене и вновь поцеловал. Где-то вдалеке слышался низкий гул площади, по мостовой процокала копытами лошадь, из раскрытого окна наверху доносилась приятная музыка, что-то про аморэ, кругом аморэ... аморэ - моя судьба. А небо над головой быстро темнело.

- А где ты был кроме Италии, Латвии и Великобритании?

Они шли вдоль шумного, залитого светом включённых фонарей торгового проспекта. На окнах магазинов призывно пестрели надписи «Saldi». В прошлый приезд Вика особенно радовалось этим надписям и накупила столько барахла, что еле-еле утрамбовали в сумки, что-то пришлось надеть на себя - не поместилось. Ещё все эти подарки родственникам, друзьям, коллегам. В этот раз Дима твёрдо решил никому ничего не привозить, потому что эта внеплановая поездка не для того предназначена.

- Всё перечислить? - Александр уверенно взял Диму за руку и крепко сжал. На случай, если он решит вырваться, точно определил Дима и расслабил кисть.

- Ну хотя бы то, что особенно понравилось.

- Понравилось... - задумчиво протянул Александр. - В Чехии понравилось. Но я плохо помню, что там было. Тогда я много пил. Ещё понравилось в Швеции, Дании. Нидерланды я тоже плохо помню...

Дима засмеялся, представив укуренного Александра. Наверное, его все опасались. Если он в нормальном-то состоянии может сказать так, что впору застрелиться, так что он может выдать в угаре - остаётся только догадываться.

- А с кем ездил чаще всего?

- С любовниками, - спокойно проговорил Александр и вовремя успел сжать Димину ладонь, готовящуюся ненавязчиво выскользнуть.

- Да, любовников надо постоянно развлекать, а то быстро срулят, - съязвил Дима, глядя себе под ноги.

- От меня ещё ни один не срулил.

- Всегда может быть первый раз, - пожал Дима плечами и перепрыгнул с одного широкого плоского камня на другой. - Жизнь непредсказуемая штука.

- Тем и прекрасна, - мягко ответил Александр, и Дима подумал, что он точно гипнотизер какой-нибудь. Так быстро переключать его настроение в разные режимы ещё ни у кого не получалось. Обычно люди ведут себя поступательно и говорят предсказуемые, по сути, вещи. Но, наверное, всё дело в возрасте и жизненном опыте. Александр точно знает, как подразнить, чтобы задело, но не обидно. А всё равно жуть как интересно, сколько у Александра было любовников и какой типаж ему нравится... Вспомнился вдруг блондинко-Андрюша, который явно оказался к месту. И похожий на него как брат-близнец мальчик, которого Александр не взял для съёмки. В чём разница? И ещё Диме вдруг показалось, что он похож на Марка внешне. Надо всё-таки найти его фотку, чтобы не думалось.

А потом они вышли на площадь Синьории. И все мысли исчезли и без фотки. Музей под открытым вечерним небом. Персей, Геркулес... Давид.

Дима плюхнулся прямо на землю и, закрыв глаза, медленно втянул носом свежий вечерний воздух. Послушал шум улицы, разноголосье туристов и потом уже посмотрел на Давида. Спокойного, сильного, как сам закон и порядок. Непропорционально увеличенные руки, чётко выделяющиеся вены на запястьях, расслабленная поза и напряжённый взгляд.

- Он прекрасен, - прошептал Дима, подняв взгляд на стоящего рядом с ним Александра. - Посиди со мной. Типа я не один такой дурак, а нас двое.

Александр коротко и сдержанно выдохнул, словно уступая капризам маленького ребёнка, и сел рядом с Димой. Люди культурно обходили их стороной, занятые своими мыслями и фотографиями. Чуть поодаль также сидели на земле две девушки и активно фотографировали Персея с чужой башкой в руках, громко смеялись над чем-то.

- Из тебя тоже можно слепить статую, - вдруг обрадовался Дима. - Я когда тебя рисовал, уже думал об этом.

- Ты меня рисовал?

- Да, было дело. Ты как появился в кабинете, так меня и закоротило. В тот день, когда я со стула упал, но ты, наверное, не помнишь.

- Помню, ты был похож на жучка, который перевернулся на спину и не может подняться сам. - Александр изобразил, как Дима тщетно дрыгал руками-лапками и не мог встать. Это было смешно и артистично. И самое главное, похоже на правду.

- Я не дёргался! - возмутился Дима, краснея. - Я тупил. У тебя был такой взгляд - «Всемирно лежать!» Ну я и лежал.

- Я долго тренировался, - усмехнулся Александр и, ухватив прядку Диминых волос, потеревил её в пальцах.

- Хочу постричься, надоела эта чёлка, сил нет.

- Здесь есть салон-парикмахерская. Там работает мой знакомый мастер, можем сходить завтра к нему, если не передумаешь. Без чёлки ты будешь выглядеть совсем мальчиком.

- Это плохо?..

- Это отвлекает и возбуждает.

- Значит, точно надо будет постричься.

- Провокатор.

Они просидели на площади до тех пор, пока не стемнело окончательно, и кожа на руках не покрылась мурашками.

- У тебя зубы стучат, пошли в отель, - Александр поднялся на ноги и протянул Диме руку.

- Красота треб-бует ж-жертв.

Дима попрыгал на месте, пытаясь разогнать кровь и немного согреться. К вечеру туристов на площади не убавилось, наоборот, набежали какие-то китайцы с аппаратурой и стали снимать всё, что только можно было снять - скульптуры, здания, себя на фоне зданий, в обнимку со скульптурами, друг с другом, с прохожими. Дима смеялся, глядя на их эйфорию, и где-то даже завидовал. Вот истинные туристы - всё им интересно, всё им важно, нужно, не то что этот...

- Саш! Ну, подожди, последний взгляд на красоту кино!

- Если завтра ты заболеешь, я больше никуда тебя не возьму. Ведёшь себя как пятилетний ребёнок, - Александр стянул с себя рубашку, оставшись в одной тонкой майке, и накинул Диме на плечи. - Губы синие, а всё туда же.

- Я понимаю... - пролепетал Дима, робко улыбаясь. - Больше не буду синеть.

- Куда твои родители смотрели, когда ты воспитывался? - вздохнул Александр и, обняв Диму за плечи, прижал к себе, согревая.

- В телевизор, - хмыкнул тот, расплываясь от удовольствия и сонно зевая. - Пошли спать.

- Вторая бутылка вина явно была лишней... - пьяно хихикнул Дима, тщетно пытаясь доползти до кровати. Ноги запутались в брюках, которые почему-то были стянуты до колен. - Из чего его гонят? Из конопли, что ли...

- В Тоскане самое вкусное вино во всей Италии, - Александр обхватил рукой Димину щиколотку и потянул на себя.

- Я спать хочу, - возмущённо протянул тот и, упершись ногой в грудь Александра, легко отпихнул его. - Я сегодня пассивный любовник, поэтому пассивно буду спать.

- Сейчас мы тебя активизируем. Где там красная кнопка, - ловкие быстрые руки сгребли Диму в охапку и перевернули на живот. - Вся энергия скапливается в крестце, если правильно на

него надавить, то человек мгновенно почувствует прилив бодрости.

Дима охнул от неожиданности, когда Александр с силой опустил ладонь ему на позвоночник, потом продвинулся ещё ниже и, стянув бельё, надавил на крестец. Перед глазами заплясали разноцветные круги, и постепенно в голове действительно прояснилось. Кровь быстрее побежала по венам и сонливости как ни бывало.

- Обалдеть! Действует, - выдохнул Дима, переворачиваясь на бок. - А что ещё знаешь? Какие-нибудь штучки... эрогенные зоны.

Александр потянул штанины и снял с Димы брюки окончательно, а потом и боксёры. В его глазах прыгали чёртики, и скулы слегка порозовели. Ну неужели и он тоже захмелел? Вот уж чудо из чудес.

- Знаю, куда целовать, чтобы было приятно.

- Я тоже знаю, - самодовольно усмехнулся Дима. - У мужчин одна эрогенная зона, туда и надо целовать.

- И кто же тебе сказал такую глупость? Или сам догадался?

Дима смущённо потупил взгляд и тяжело вздохнул.

- Ну давай, послушаем твою версию.

- Не надо слушать, - Александр придвинулся ближе и уложил Диму на спину. - Надо чувствовать. Закрой глаза.

Американские горки догнали Диму в Италии. И понеслось... стоило закрыть глаза, как возникло ощущение свободного падения и кручения, и ещё какого-то непонятного состояния. А потом всё остановилось. Александр взял Димину руку и стал покусывать кончики пальцев, то сильно, почти до боли, а потом ласково, облизывая...

- Начинать нужно с периферии, кончики пальцев на руках, на ногах, уши, нос. Это самые чувствительные и отзывчивые к поцелуям места. Поскольку они практически всегда открыты, ты не смущаешься и не зажимаешься, когда их касается кто-то другой. Это легко и приятно. Начинается расслабление всего тела.

Александр поцеловал ушные раковины, прихватил губами мочки, совсем невесомо, пробуя на вкус. Дима почувствовал, как довольная улыбка сама собой растягивает губы и становится жарко, но ещё можно понимать, что происходит, можно себя контролировать и наслаждаться.

- Потом двигаемся к центру - предплечья, голени, бёдра, плечи, шея. Здесь проходят важные артерии и вены. Целуя сгибы локтей и шею, можно почувствовать ток крови, пульс тела и повлиять на него - ускорить, если целовать быстро, едва касаясь и замедлить, если ласкать долго. Я хочу, чтобы ты проснулся, поэтому будем ускорять.

Александр чмокнул Диму в плечо, потом слегка прихватил кожу на сгибе локтя и тут же облизал место укуса языком. По телу пронеслась волна чувственных мурашек, и Дима невольно засмеялся, пытаясь увернуться от щекотных и волнующих прикосновений.

- Дальше следуем по груди к тем самым эрогенным зонам, прикосновения к которым в одном случае помогают раскрыться, а в другом - вызывают приступ паники и страх перед сексом.

Неподготовленный партнёр чаще всего не получает удовольствия от таких прикосновений, потому что они сигнализируют ему об опасности. Здесь сердце, - Александр коснулся подушечкой пальца левого соска, и Дима приглушённо пискнул от удовольствия. А вторая рука коснулась волос в паху и слегка надавила на косточку, вызвав тем самым глухой стон. - А здесь половые органы. Совсем не многие возбуждаются от поцелуев в эти эрогенные зоны. Это первая ошибка, которую допускают маленькие мальчики, исследующие жизнь.

- Я... никого не целовал здесь... не умею... - Дима коснулся глядящей его пах руки Александра и накрыл своей, повёл чуть ниже. Сжал себя и закусил губы, чтобы сдержать громкий стон.

- Научись, - Александр свободной рукой откинул чёлку с Диминого лба и поцеловал покрывшуюся испариной кожу. - У нас ещё много времени.

- Давай... - Дима притянул его за шею и сам поцеловал. - Я уже проснулся. Трахни меня так, как ты хочешь.

- Я всегда делаю то, что хочу, - усмехнулся Александр и, приподняв Диму за спину, усадил к себе на колени. - Попробуй сам, только не спеши.

Вино по-прежнему кружило голову, тело было лёгкое и податливое, как из пластилина, расслабленное и собранное одновременно. Дима крепко обнял Александра за шею и почти перестал дышать, принимая его в себя.

- Двигайся, - выдохнул Александр, подхватывая Димины ягодицы и сильно сминая их - останутся синяки, ну и чёрт с ними. Дима слегка приподнялся, следуя за руками Александра, а потом снова опустился, дыхание сбилось на короткие вдохи и громкие выдохи. А потом всё куда-то уплыло и стало хорошо и бесконечно.

Когда Дима открыл глаза, было уже утро, и привычно гудел работающий ноут.

- Как же тебя надо трахнуть, чтобы ты не работал утром? - откровенно зевая, протянул Дима, пытаясь выпутаться из лёгкого покрывала.

- Трахнуть утром, - улыбнулся Александр, не отрываясь от гиперважного письма. - Могу и этому научить.

- Ну уж нет, - разминая затёкшие мышцы на плечах, усмехнулся Дима. - Лучше работай, милый. А то я до дома не доживу с твоими уроками.

Часть 17.Флоренция-2.

Дима смотрел в зеркало и медленно бледнел. Глаза те же, губы, нос, даже две веснушки на лбу - всё своё, родное, до боли знакомое и годами изученное. Но общее впечатление, так сказать, аура - изменилось напрочь. И дело было не в открытых ушах и лбе, а в том, что лицо стало производить впечатление подсвеченного изнутри. словно тонкая керамическая маска, сквозь которую смотрят на свет.

- Бениссимо! Бениссимо, ми чико аморэ! - звенел где-то в области правого полушария мозга голос активно жестикулирующего Антонио. И ещё он опасно клацал маленькими длинными ножницами около самого Диминого носа.

- Это же... - голос неожиданно жалобно пискнул, и Дима громко кашлянул, прочищая горло, чтобы договорить: - Полный ****ец...

- Что? Не понял... - Антонио всем своими длинным гибким телом изобразил удивление и растерянность. В голове Димы мгновенно пробежала мысль об уехавшем цирке и задержавшемся клоуне.

- ****ец, говорю, - спокойно повторил Дима и провёл рукой по тому, что осталось от волос - почти ничего, сообщила рука неверящим глазам. И они вместе, наконец, догнали, что «слегка укоротить чёлку» можно и таким радикальным способом. А что? Никто не говорил Антонио, что стричь налысо не нужно.

- Такой стиль, твой стиль - открытое лицо, высокий лоб, красивый, зачем прятать? Ди-и-ма-а... - Антонио явно расстроился, но, несмотря на это, изобразить радость у Димы не получилось, увы. - Са-а-ша, а ты что скажешь?

Дима вздрогнул и поднял взгляд, посмотрел в зеркало чуть выше уровня своих ставших просто огромными глаз и ярко очерченных бровей. И увидел Александра, стоящего рядом с вешалкой для рабочей парикмахерской одежды. Дима смотрел на его снисходительную улыбку и думал, что вот сейчас точно заплачет. Ну всегда у него так по-дурацки получается. На похоронах плакать нельзя себе позволить, а вот из-за каких-то волос - пожалуйста, ещё чуть-чуть, и сопли распустятся до колена. Дима отвёл взгляд, чтобы собраться и проглотить противный комок в горле, и встал с кресла. Антонио молча распаковал его из накидки и с искренним сожалением и где-то даже испугом посмотрел на Александра, очевидно, в ожидании и его убийственной реакции. Ясно же, что мальчик-любовник недоволен.

- Мне нравится, Тони. Ты, как всегда, пронизателен.

Антонио - вот же подхалим - мгновенно расплылся в счастливейшей улыбке и опять загоготал что-то про своё видение мира, людей и знание сокровенных секретов. Дима сдержанно закусил губу и почувствовал, что начинает закипать. В конце концов, это его волосы и его лицо! Такие молодцы, блин. Довольны друг другом - мастер и заказчик. Зашибись. А он сам так... расходный материал.

- Приеду домой и призовусь с горя, - зло усмехнулся Дима, перекидывая лямку своей спортивной сумки через плечо. - Будешь ждать меня два года и писать письма куда-нибудь в Сибирь.

Александр приобнял опять эффектно расстроившегося Антонио за плечи и сказал что-то по-итальянски. Дима не стал дожидаться восторженного ответа и рванул дверь. В лицо ударил свежий утренний воздух, в который вплелись тёплые ароматы флорентийских цветущих улиц. Всё-таки это сказочный город. И нет смысла портить себе настроение из-за чьей-то придури - много чести. Волосы отрастут быстро. Хотя обидно было не из-за них, по сути. Дима остановил цепочку рассуждений, потому как знал, во что она в очередной раз упрётся.

- И нафига ты из меня это сделал? - Дима отпрыгнул от догнавшего его Александра подальше, чтобы не позволить ему взять себя за руку.

- Что - это? - Александр достал из кармана телефон и посмотрел на дисплей. - Половина двенадцатого. У нас пятнадцать минут на прогулку, а потом обед в ресторане с оперой.

Дима почувствовал, как обида медленно, но верно хиреет, истончается, как только он представил накрытый стол: мясо, вино, зелень - всё в лучших традициях Тосканы. «Врагу не сдаётся наш гордый Варяг!» - ехидненько подвывал внутренний голос вместо итальянской оперы.

- Чучело! – всплеснул Дима руками, остановившись посреди дороги. - Гопник какой-то... - тише добавил он.

Александр подошёл к Диме вплотную и провёл рукой от затылка по макушке. По телу со скоростью разорвавшейся бомбы пронеслась волна томительной дрожи.

- Здесь родничок, связь с космосом, - улыбнулся Александр и ненавязчиво увёл Диму с проезжей части. - Волосы мешают.

- Но у всех нормальных людей есть волосы, им почему-то не мешают, те же модели вообще по задницу отращивают, - обида всё ещё пыталась сказать своё веское слово, но ровно бьющееся сердце не желало поддерживать её. Александр всегда прав, и ему нравится... очень нравится эта «типа причёска». Дима никогда прежде не чувствовал такой солидарности, это было ошеломляющее открытие. Одно дело повторять в голове слова про любовь и прочие красоты, а совсем другое ощутить тем самым родничком, по которому столь нежно скользили подушечки его пальцев. Александру действительно нравится Дима. В любом виде, в любом проявлении, с волосами и без них, в любых шмотках и без них, сонный и бодрый, больной и здоровый, радостный, грустный, нервный, уставший...

- Потому что модели – это образы, и чтобы их создавать, нужен материал... - Александр вёл Диму по набережной Арно, и солнце светило навстречу, играло на перилах, сквозило в яркой сочной листве и весело вспыхивало на крышах домов, стоявших на противоположном берегу реки.

- Мне нравится, - вдруг проговорил Дима и, облокотившись на перила, поставил ногу на парапет и стал одного роста с Александром, удивлённо выгнувшим правую бровь. Фирменную правую бровь. - Всё нравится – и река, и город, и лето, и причёска, и ты... Будешь теперь любоваться моей бритой головой до скончания века.

Александр слегка улыбнулся и, обхватив Диму за пояс одной рукой, снял с парапета.

- Будем целоваться? – хихикнул тот, цепляясь руками за воротник рубашки Александра и приподнимаясь на цыпочках.

- Без вариантов.

В ресторане пели «Дорогой дальнею, да ночью лунною...» Два стола, за которыми сидели русские туристы, подпевали что есть мочи, перекрывая своим нестройным, но очень душевным пением голоса оперных певцов – высокой темноволосой девушки в национальном костюме и коренастого кудрявого мальчика с холодными голубыми глазами. Глаза эти после каждой музыкальной фразы возвращались к Диме и вспыхивали неприкрытым азартом. Хищник на охоте, уловил Дима эмоцию, и ему стало не по себе. От него явно ждали какой-то реакции, провоцировали, и мешали наслаждаться разудалым весельем вокруг. Девушка заставила Александра хлопать в ладоши и помогать ей петь, было слышно, что русские слова она выучила исключительно по созвучиям, поэтому получалось смешно – пауз между словами не было. Она начинала фразу, а Александр должен был продолжить. Это было мило – девочка была довольна и воодушевлена, а Александр, ну как всегда, прекрасно вписался в действо.

- Итальянцы очень харизматичны, - наливая Диме предусмотрительно полбокала вина, сказал он после того, как отправил девушку с приличными чаевыми в добрый путь, и, заметив его рассеянный взгляд, слегка нахмурился.

- Этот парень-певун сверлит меня взглядом второй час, достал уже, - понизив голос,

пожаловался Дима. - Ненавижу, когда на меня пялятся.

Александр обернулся и кинул короткий взгляд на мальчика, мнущегося около барной стойки. Их концерт закончился, инструменты были упакованы, и часть музыкантов уже ушла. Остался только певец и один из гитаристов.

- Он приглашает тебя, - спокойно объяснил Александр, отчего у Димы в животе неприятно похолодело. Опять эти переглядки и приглашения, взрослые-детские игры. - И похоже, скоро ему это надоест.

- Святая простота, - выдохнул Дима и побарабанил пальцами по столу. - И его не смущает, что я с тобой, как бы?

Александр широко улыбнулся и откинулся на спинку стула.

- Ну, отношения бывают разные, в конце концов, может быть, я твой отец.

Дима отхлебнул половину налитого вина и придвинул салат из морепродуктов ближе к себе, словно тот мог заслонить его от навязчивого взгляда.

- Он смотрит так, что я есть не могу. А я всегда могу есть!

- Он тебе нравится.

Дима вскинул глаза на по-прежнему улыбающегося Александра и замер, прислушиваясь к себе. Действительно, что-то было в этих холодных итальянских глазах, что-то крайне привлекательное. Глубокое. Это был не Игорь, пессимистичный неудачливый парень из Твери. Его взгляд был неприятным, его слова хотелось забыть навсегда. Здесь было нечто иное. Успешный певец, красивый и дерзкий. Одинокий. Сегодня.

- Пожалуй, ты прав, иначе я бы так не реагировал, - Дима попытался улыбнуться, но у него не получилось. Александр вглядывался в его лицо и ждал продолжения, но сказать Диме было нечего. Слишком неожиданное откровение. И оценить его сразу было сложно. - Но я не хочу... мне это не нужно.

Александр подался вперёд и накрыл Димины руки своими, мягко погладил.

- Тогда не делай. Тебя никто за руку не тянет.

Дима выдохнул воздух через нос и сжал пальцы Александра. Тёплые.

- Я думал, что мне никто не понравится, кроме тебя.

- Ты только что вышел в свет, понял, кто ты есть. В мире намного больше людей, чем двое.

- Мне хорошо, когда нас двое, - совсем тихо проговорил Дима, уверенный в том, что Александр его услышит.

- Тогда чего ты боишься?

- Того, что однажды это может измениться.

- Не будь так категоричен, чудо моё. Ты живой, чуткий, отзывчивый. Всё меняется, и ты тоже изменишься, незаметно и неизбежно.

- А у тебя было так? Ты чувствуешь в себе поток времени?

- Чувствую, и с каждым годом он замедляется. Опыт накапливается, делать резкие движения лень. Хочется лежать и балдеть.

Дима засмеялся и покачал головой, не веря тому, что слышит.

- И поэтому Лида называет тебя элеткровеником. Страшно представить, что было, когда тебе не хотелось лежать и балдеть.

- Я был велик и ужасен.

- А теперь ты великий, ужасный и опытный.

Александр расплатился с подошедшей официанткой. Дима поднялся из-за стола и, кинув взгляд на барную стойку, увидел там лишь двух подвыпивших американцев, громко разговаривающих на сокращённом английском. Выходя на улицу, Дима думал о том, что уже не помнит лицо смутившего его оперного певца, хотя у него всегда была отменная память на лица.

- Я слышал, что по статистике геи живут вместе не больше пяти лет. Это в лучшем случае. Семьи нет, детей нет. Ничто не держит их. - Дима щурился от яркого солнечного света и невольно улыбался.

Они шли вдоль набережной, к смотровой площадке, туда, где открывается вид на центральную площадь города, купол собора Марии дель Фьора и окружающую цепь низких покатых гор. Дима уже был там однажды, но Вике стало плохо от жары, поэтому толком насладиться панорамой не получилось.

- А ты - не они? - Александр поймал лямку Диминой сумки и потянул на себя, чтобы они шли наравне.

- Я не верю статистике, - пожал Дима плечами и остановился, засмотревшись на гордо расхаживающую по дну почти обмелевшей реки цаплю. Она высматривала мелких рыбёшек и сочные водоросли. Её тонкие спичечные ножки выглядели ненадёжными и хрупкими. Дима следил за каждым пружинистым шагом и ждал, что вот-вот ножки подломятся, и птичка плюхнет в воду. Но цапля, несмотря на все ожидания, поймала свою добычу и посмотрела на наблюдателей одним глазом, мол, что, съели? - Большинство, меньшинство... я живу так, как хочу, а проценты - для рекламы, тебе ли ни знать, откуда и для чего они рисуются.

- Птичка хочет в клетку, - улыбнулся Александр, обнимая Диму за шею и привлекая к себе. - Не бойся, - шепнул на ухо, - она уже давно в клетке. - Дима залился краской по самые уши и прижался лбом к плечу Александра. Тот погладил его рукой по шее и коротко рассмеялся: - Эй, птичка, летим со мной, там столько вкусного!

- Крылья, ноги, главное - хвост! Блин... его ж отрезал маэстро Антонио! - Дима чмокнул Александра в щёку и, схватив за руку, повёл вверх по каменной, поросшей мхом лестнице к обзорной площадке. В тени деревьев было прохладно и пахло чем-то сладким, сиропным. Вдоль стены розовым и белым цвёл олеандр, опасно нежный и беззащитный. Смертельно ядовитый.

- Я в раю, - на автопилоте проговорил Дима, медленно подходя к краю площадки, где стояли туристы, облокотившись на перила, и смотрели вдаль, на город. Мысли уже разлетелись напрочь, и ничего кроме - «вот бя...» или «я в раю» сказать было невозможно. Никакой суеты,

никакого шума, словно именно здесь даже самые рьяные умы успокаивались и поддавались всеобщему медитативному движению. Ещё чуть-чуть и все закружатся в танце, как в каком-нибудь фильме.

Они смотрели на маленькие черепичные крыши внизу, изрезанные дорогами улочки, укрытые едва заметной коричневатой дымкой. Флоренция и сверху и изнутри казалась светло-коричневой из-за солнечного света, преломляющегося сквозь песчинки, кружащиеся в воздухе.

- Давай сфотографируем тебя в раю, будешь смотреть и завидовать, - сказал Александр, по всей видимости, ему уже надоело бесцельно лицезреть пейзаж. И он придумал себе цель.

Дима молча протянул ему фотоаппарат и блаженно улыбнулся.

- Я, конечно, не люблю фотографироваться... но ради этого, - он махнул рукой в сторону города и, повернувшись лицом к солнцу, широко раскинул руки.

Александр сделал несколько кадров Димы на фоне города, города на фоне гор, гор на фоне неба, а Дима всё стоял и смотрел вдаль, в голове крутилась какая-то незамысловатая мелодия, «memories»... кажется. И было так хорошо и спокойно, что хотелось умереть.

- Когда я жил в Перми, - начал Дима, почувствовав, как ладонь Александра опустилась ему на плечо, - мне нравился соседский мальчик. Он был на два года меня младше, молчаливый, печальный, он всегда ходил один и часто болел. Я воображал, что он принц, которого я должен спасти от чего-то плохого... - Дима засмеялся и потеревил лямку сумки, сосредотачиваясь на рассказе. - В двенадцать лет все нормальные мальчишки хотели играть в хоккей во дворе или на крайний случай стащить из садика бабы Тани яблоки, а я думал о том, как буду спасать мальчика от дракона, как какую-нибудь принцессу... с поцелуями и всеми делами. И каждый раз он улыбался, в моих фантазиях, и я был просто на седьмом небе от счастья. Тогда я думал, что это такой вид дружбы, ну... у всех же по-разному бывает, думал я. У меня вот так, обострение чувства справедливости. Меня же мама целовала, и мне нравилось, значит, и ему тоже должно было понравиться, думал я, и уже тогда подводил под это дело целую философию разделения единого целого на две половинки. Я тогда додумался до того, что миссия нашего воссоединения лежит целиком и полностью на мне, и я должен сделать первый шаг, хотя бы заговорить с ним.

Дима замолчал и закусил нижнюю губу, вспоминая то время, когда он действительно думал, что всё зависит только от его решения.

- О чём вы поговорили?

Дима повернул голову в сторону Александра и увидел в его глазах своё отражение.

- Я не решился. Услышал, как он кричит на свою бабушку, потому что она приготовила что-то невкусное. У них в квартире жила старушка, лет эдак под восемьдесят или даже больше. Иногда она выходила гулять к подъезду и каждый раз здоровалась со мной. У неё был тихий, очень приятный голос, не такой скрипучий, как обычно бывает у пожилых людей, и понимающие глаза. Мне всегда казалось, что она знает много сказок. А он кричал, что в супе плавают лук, а он его терпеть не может.

- Скажу тебе по секрету, - Александр придвинулся ближе к Диме, касаясь плечом его плеча, - все сказочные принцы не любят лук и чеснок. Иначе пробуждение ото сна страстным поцелуем будет испорчено. А второго шанса произвести первое впечатление может и не

выпасть.

- А я люблю чеснок. Эх, не быть мне принцем на головке чеснока.

- Я в детстве читал сказки с конца, чтобы сразу знать о заслугах героя, прежде чем с ним познакомиться.

- И какая твоя любимая?

- Заслуга?

- Сказка, - хихикнул Дима.

- Про колобка. И от бабушки ушёл, и от дедушки... - Александр бросил задумчивый взгляд на панораму и посмотрел на Диму, так пронзительно, словно током ударило, и захотелось зажмуриться. Одна секунда, и он опять улыбнулся. - И никакого тебе благородства, одна беготня.

- Наукой доказано, что сказка про колобка - это апологетика гомосексуализма, - серьёзно проговорил Дима.

- Правда? - Александр изобразил искреннее удивление. Дима залюбовался им. По пальцам можно было пересчитать моменты, когда удавалось поймать его удивлённое лицо.

- Нет, конечно. Но мысль интересна, не находишь? - засмеялся Дима.

- Пошли где-нибудь посидим, мыслитель, а то природа настойчиво зовёт, и мешает любоваться пейзажем.

- А что удобнее: работать на кого-то или организовывать свой бизнес?

Хотелось сползти по лавочке на траву и лечь, закинуть руки за голову и смотреть в высокое безоблачное небо. Но Дима не решился, поэтому удобно откинулся на тёплую деревянную спинку и запрокинул голову. Небо расчертил ватный след пролетевшего самолёта.

- Организация своего дела отнимает всё свободное и несвободное время, и утром поспать на рабочем месте будет невозможно. - Александр водил пальцами по Диминой шее, скользил вверх к затылку, а потом опять спускался вниз.

- Откуда узнал? - лениво протянул Дима, жмурясь от удовольствия. Никого не было рядом, никаких празднующихся туристов - тихий сквер с видом на красивый дом с садом, заросшим оливами, сладковатый горячий воздух и рассеянные прикосновения пальцев. - Лида заложила?

Александр усмехнулся и, наклонившись, поцеловал Диму в висок.

- Сам видел, как ты сопел, спрятавшись за монитором.

- Вот же блин! стыдно мне... типа.

- Я тебе верю, почти.

- Не могу я утром жить. Злобный зомби, - Дима повернулся лицом к Александру и провёл пальцем по его нижней губе. - Вот в десять со мной уже можно нормально разговаривать. Зато

ночью люблю колобродить до утра и неплохо соображать.

- Эту бы энергию да на пользу родине... - Александр лукаво улыбнулся, как всегда это делал перед поцелуем. Дима по инерции приоткрыл рот и широко улыбнулся, поймав себя на столь откровенном приглашении.

- Вот бля... привычка, - выдохнул Дима, уже чувствуя дыхание Александра на своём лице.

Целовались долго, пока рука, опирающаяся на спинку лавочки, не затекла. Дима глубоко вдохнул и обнял Александра за шею.

- Здорово, - прошептал он и закрыл глаза. - Я бы хотел, чтобы так было всегда. Я такой глупый, ты такой мудрый... не хочу взрослеть.

- Дело не во взрослении, а в приоритетах. Твой характер уже сформирован, можно лишь слегка подкорректировать, а поменять - нельзя.

- А Марк был твоим ровесником? - Дима закусил губу, сообразив, что спросил то, что не хотел в принципе спрашивать. Всплыло из подсознания.

Александр снисходительно посмотрел на Диму и кивнул.

- Я не обращал внимание на тех, кто младше меня больше чем на три года.

- Ух ты... - Дима смутился и отвёл взгляд. Вдалеке по дорожке прогуливалась пожилая пара немецкого пошива с маленькой резвой собачкой. Собачка отчаянно рвалась в сторону обнаглевших от непуганости голубей. Женщина с интересом смотрела в сторону Димы с Александром и не отводила глаз, как случалось чаще всего. Дима мгновенно проникся к ней симпатией и уважением. - Значит, я исключение?

- Ты откровение. - Александр взял его руку, перевернул ладонью вверх и приложил свою. По длине пальцы оказались почти одинаковыми, а по ширине разница была значительной.

- Особенный?

- Единственный.

- Ты меня сравниваешь с Марком? Или другими... твоими?

- Я не помню Марка. Это было слишком давно. Если я уйду, то больше не возвращаюсь.

- А второй шанс? Вторая попытка? Право на реабилитацию? Или приговор обжалованию не подлежит?

- Чтобы вынести приговор, нужен состав преступления, разбирательство в суде, показания свидетелей и последнее слово. Это длинная и неприятная процедура. Но если механизм запущен... можно и сократить.

- Я не люблю юриспруденцию, - поморщился Дима и опять поднял глаза к небу. - Я со всеми расхотелся как-то незаметно, без всяких разбирательств. Просто однажды понимал, что всё, хватит, и со мной соглашались. Больше не хочу жить так: разделяя то, что хочу, и то, что должен. Или всё, или ничего - никаких компромиссов.

- Гордый мальчик, - Александр привлёк Диму к себе и опять поцеловал. - Ты заслуживаешь

самого лучшего.

- Тебя... хочу тебя.

- И меня тоже, - засмеялся Александр и потрепал Диму за ухо. - Гулять пошли, дома будем сидеть на лавке.

- Эх... - вздохнул Дима, пружинисто вскакивая на ноги. - Носил бы меня ещё кто-нибудь... вот это было бы счастье!

- Не видать тебе счастья, как своих ушей, птица моя.

- Вот подбодрил, так подбодрил! Твоё напутствие - прям волшебный пендель для скорости.

Дима не помнил, какой по счёту это был оргазм. Один шёл за другим, с небольшими перерывами на какие-то конфеты, которые валялись по всему полу в разноцветных фантиках. Накрывал, уносил и заставлял забывать о предыдущем, обо всём. Дима даже имя своё забывал, и ему казалось, что он конфета, которая медленно тает, томно растекается по горячей коже Александра, вязкая, сладкая - молочный шоколад.

Александр рассказывал смешные истории из своей профессиональной жизни, из студенчества, и Дима смеялся так, что лёгкие начали болеть, и что-то тоже рассказывал, а потом опять забывался... и шоколад тёк по телу, по венам, и перед глазами танцевали отсветы блестящих вкладышей, красные, жёлтые, синие. Дима закрывал глаза, закусывал губы, скользил руками по липкой упругой коже и просил ещё, ещё... ещё...

- Ты же не любишь сладкое?

Александр увлечённо облизывал Димины пальцы и водил руками по его бёдрам, вновь возбуждая.

- Не люблю, - пожал он плечами и, оставив в покое пальцы, наклонился к щеке, которая тоже, по всей видимости, была в шоколаде. - Я люблю сладкого.

Дима засмеялся и закинул ноги Александру на поясницу, стал медленно двигаться, чувствуя ответное возбуждение.

- В следующий раз хочу йогурт... - прошептал Дима, дотянувшись до уха Александра, и игриво прикусил его за мочку, - и Венецию... гондолы, маски, карнавал... секс... и ещё раз секс...

- Может, начнём в обратном порядке? - переворачивая Диму на живот и целуя его в затылок, засмеялся Александр.

- Да, можно, - выгибаясь, выдохнул Дима и шире развёл ноги, - эх, раз, ещё раз... ещё много-много раз...

Часть 18. Предчувствие.

Дима никогда не мог различить во сне, где собственно сам сон, а где явь. Многие рассказывали ему о том, что возможно контролировать свои сны, что есть определённые методики для того, чтобы избежать кошмаров, побороть их - повернуться лицом к догоняющему тебя монстру и увидеть пустой коридор или какую-нибудь большую собаку, а не то-не-знаю-что-но-очень-страшное. Но Дима никогда не оборачивался, когда за ним гнались, он бежал, бежал, куда-то

падал, просыпался весь в поту и с криком, готовым сорваться с губ. Но крик не срывался, Дима просто сидел несколько минут на кухне, курил и приходил в себя, а кошмар забывался наутро, и о методиках их контролирования было просто интересно послушать, как о чём-то не имеющем к нему никакого отношения. Но кошмары снились часто – мутные, тяжёлые, изматывающие.

Дима открывал глаза и жмурился от матового света висящих над кроватью ламп в красных абажурах. Было жарко и влажно, ощущения тяжести чужого тела ошеломляли и возбуждали, и только поэтому хотелось кричать в голос. Проникновение было резким и болезненным, Дима задохнулся стоном и попытался отодвинуться, выскользнуть из-под горячего, требовательного тела, но его крепко удерживали на месте и продолжали двигаться, увлекая за собой. И постепенно боль сменилась мучительным наслаждением, а потом и вовсе размылась мутным воспоминанием под кожей. Дима поднял руки, обхватил крепкую шею и столкнулся взглядом с Александром. Тот улыбался какой-то незнакомой пугающей улыбкой, словно смотрел не на Диму, а на кого-то другого, чужого. Дима замешкался и метнул взгляд выше, на потолок... он был зеркальным, свет горящих ламп распадался на блики и дрожал в туманном душном воздухе. Дима смотрел на отблески, потом взгляд опустился вниз по сплетённым телам, ритмично скользящим по светло-синей простыне и встретился с чёрными неподвижными глазами – незнакомыми глазами. И чёрные длинные волосы, как опасные змеи, рассыпавшиеся по подушке... и чужое лицо... Дима смотрел на себя и не узнавал. Человек, которого так неистово и страстно трахал Александр, был не Дима. Он был старше, более широкий в плечах, его жилистые длинные ноги обнимали поясницу Александра и матово блестели в свете ламп. Он был гибким, опытным и очень искушённым, ему нравилось то, как Александр с ним обращался, как двигался – упруго и жёстко. Он подмигнул Диме и впился зубами в плечо Александра, вызвав довольный низкий стон.

- Саша... - испуганно выдохнул Дима, вновь пытаюсь остановить движение. – Кто я? Саша...

Александр сильно сжал Димины запястья, которые принадлежали вовсе не Диме, и резко завёл руки за голову, играя. Они всего лишь играли, как дикие звери. Диме стало больно и страшно. Взгляд Александра, хищный и безумный, заставил его покориться и перестать дёргаться – будет хуже. В голове вспыхивала боль, перемешанная с первобытным, застилающим сознание удовольствием, и паника разрасталась где-то в области солнечного сплетения. Она накрывала, парализуя руки и ноги, дышать становилось сложнее и сложнее, а Александр всё ускорялся и ускорялся.

- Саша, не надо... не хочу...

- Надо, мой милый мальчик, мой красивый мальчик... Расслабься, доверься... наслаждайся.

Дима широко распахнул глаза, просыпаясь, и несколько секунд просто лежал на кровати, пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце. Голова болела так сильно, что даже ресницы опустить было невозможно. Давление подскочило, подумал Дима и с трудом, подняв дрожащую руку, вытер струящиеся по лицу слёзы. Ощущение паники и беспомощности, которое так ярко накрыло его во сне, постепенно отходило в темноту, уступая место реальности – он лежит на кровати, у себя дома, рядом мерно и обнадёживающе тикает будильник. Из окна тянет июньской ночной прохладой с нотами сирени. В соседней комнате на уровне ультразвука пищит ноутбук – Александр, видимо, ещё и не ложился.

Дима поднял руки и увидел на них красные пятна. Кровь текла из носа и капала на синюю наволочку, моментально впитываясь в ткань, оставляя чёрные пятна.

- Твою мать, - простонал Дима, зажимая нос рукой и запрокидывая голову. - Вот сволочь...

Дима ввалился в ванную комнату, не зажигая свет, и включил холодную воду. Во рту скопилось столько крови, что уже начинало тошнить. Свет зажёгся внезапно, Дима ослеп и выругался.

Ярко-красные струйки носились в воде, делали почётный круг по водостоку и исчезали в черноте канализации. Жизнь уходит из меня, философски подумал Дима и рвано вдохнул солёный воздух с запахом металла.

- Голову опусти, - Александр крепко взял Диму за плечи и отодвинул от раковины, заставил убрать руку от носа. - Не трогай... я сам.

- Блин, течёт ручьём, - Дима опустил голову, как было сказано, и посмотрел на пол, где на гладких керамических плитках бликовал свет лампы. К горлу подкатила тошнота, и воспоминания о кошмаре вернулись вновь. Дима пошатнулся, но Александр держал его крепко и не позволил упасть.

- Глаза закрой, - Дима послушно выполнил приказ и почувствовал, как нечто холодное и мокрое опустилось ему на лоб и переносицу. Наверное, полотенце. - Держи рукой, голову не поднимай.

Дима коснулся пальцами ледяного полотенца, вода неприятно заструилась по локтям к подмышкам, и кожа мгновенно покрылась мурашками. В голове постепенно прояснялось, и ощущение реальности практически бесследно вытеснило страх кошмара, осталась лишь смутная тревога, вызываемая прикосновениями Александра. Дима был уверен что тот смог бы остановиться, если бы Дима его попросил, а не продолжал безжалостно, как во сне, но в груди всё равно болезненно сжалось, когда Александр поднял его на руки и понёс в комнату.

- Сейчас остановится, - тихо говорил он, откидывая подушку в сторону и устраивая Диму на кровати так, чтобы голова лежала на ровной поверхности. - Дыши через рот.

Переносицу ломило, словно от удара, и веки судорожно вздрагивали. Дима старался не шевелиться и чувствовал себя овощем, который носят, укладывают, прикладывают компрессы. Но его это уже давно перестало смущать. В другое бы время Дима выдал бы какую-нибудь шутку про своё состояние, но сейчас было не до смеха.

- У меня кровь медленно сворачивается, - просипел Дима, сглатывая вязкую слюну и морщась от солёного привкуса.

- Не разговаривай, - Александр приподнял полотенце и перевернул другой стороной - кожу прижгло холодом, и Дима невольно дёрнулся. - Тшш... лежи смирно.

- Есть, сэр, - едва слышно ответил Дима и слегка улыбнулся.

- Юный Петросян шутить ещё изволит, - Александр провёл рукой по Диминой голове и, наклонившись, тепло чмокнул в ключицу. - Расслабься.

Дима судорожно вздохнул, опять вспомнив свой недавний кошмар, те самые слова, но сказанные другим тоном. Он никогда не слышал у Александра такого тона, но каким-то шестым чувством знал, что он может так говорить, и так смотреть... и делать больно против воли.

- Саша... - Дима протянул руку и нащупал напряжённые пальцы Александра, лежащие около

его плеча. - Спасибо за то, что возишься со мной.

- Потом отработаешь, - добродушно усмехнулся Александр и снял компресс с Диминого лица, - вдохни носом. Больно?

Дима осторожно впустил в лёгкие воздух через нос. Запах металла стал глуше, но ещё не исчез. В носу щекотно пощипывало, и переносица тупо ныла при каждом вдохе. Сглотнув слюну, Дима не почувствовал крови. Остановилась наконец-то.

- Терпеть можно, - ответил он и открыл глаза.

Александр размотал полотенце и промокнул капли воды, оставшиеся на Димином лице, сухим концом.

- И часто у тебя такое бывает?

- Очень редко, раньше чаще было.

- На солнце долго находился?

Александр лёг рядом с Димой и, приподнявшись на локте, посмотрел на него сверху вниз.

- С Лидой и её парнем купались на Нерли. У воды было прохладно, казалось, что не так сильно печёт, а кепку я дома забыл.

Александр тяжело вздохнул и осуждающе покачал головой. Да Дима и без него знал, что беспечность чревата, тем более что у него есть предрасположенность к гипертонии.

- Нужно заботиться о себе, Дима, ты уже большой мальчик. Это не так сложно. Я не могу постоянно контролировать тебя.

Дима медленно закрыл глаза и согласно кивнул, обещая себе всё, что только можно пообещать в такой ситуации: что он никогда не будет халатно относиться к своему здоровью, что будет следить за своими вещами, что не будет заставлять Александра возиться с ним, как с маленьким ребёнком. В конце концов, они взрослые люди, мысленно дал Дима себе затрещину, и тут же все мысли оборвались. Перед глазами вспыхнул опасный взгляд из сна. И Дима вдруг понял, что он их знает. Чувство тревоги вновь сдавило горло.

- Саш... - едва слышно начал Дима, глядя в тёмный потолок. - Если бы я попросил тебя... ты бы сделал, даже если бы не хотел?

Александр нахмурился и погладил Диму по щеке. Его руки были тёплыми, почти горячими, что так ярко контрастировало с холодной Диминой кожей.

- Для тебя сделал бы.

- Спасибо.

Дима закрыл глаза, улыбнулся, отвечая на поцелуй Александра и постепенно успокаиваясь. Это просто давление и сосуды, близко расположенные к слизистой. Реакция организма на солнечный свет, ускорение движения крови. И эти дикие игры - необоснованные Димины страхи. Просто страх неизвестности, и никакое не предчувствие и прочие бабушкины бредни.

А вдруг это Марк?..

Марк оказался невысоким, коренастым и светловолосым. Он широко улыбался в журналистскую камеру, и взгляд его светло-зелёных глаз блестел искренней радостью и довольством. Нарцисс, фыркнул Дима, мгновенно поставив диагноз. Одной рукой Марк обнимал тощего парнишку, преданно заглядывающего ему в рот. Мальчик был тупой как дрова, но очень красивый. Почему-то этот факт особенно неприятно кольнул. Если поставить Диму рядом с Александром, у несведущих обывателей могло сложиться такое же впечатление. Дима в очередной раз почувствовал отвращение к смазливим моделькам. Статья была посвящена поездке Марка с «другом» к Стоунхенджу, и много-много пафосных слов описывали его восторги по этому поводу и пророчили вечную любовь, замешанную на мистике.

- Лида, ты веришь в вещие сны?

Дима закрыл уже пятое интервью с гениальным товарищем Малиновским, не получив никакой конкретной информации, кроме того, что он не летит на Марс, потому что его никто не приглашает, и о том, что растущие в саду перед домом гортензии символизируют смену его стиля жизни. Пару раз Дима даже усмехнулся, поняв, что Марк откровенно стебётся над журналисткой.

- Если снится что-то хорошее, то верю, а если плохое – то нет, конечно. Я больная, что ли, настраиваться на негатив. Нужно думать только о хорошем, смотреть смешные фильмы, слушать весёлые песни, тогда и жизнь будет весёлая и беззаботная.

Лида что-то быстро строчила в записной книжке и говорила тоже очень быстро, попадая в такт с рукой. Раньше Дима прикалывался над этой её особенностью, а потом привык, и порой даже она ему нравилась, гипнотизировала. Смотреть на то, как люди работают – определённо лучшее занятие, которое могло придумать человечество.

- А если не понятно: хороший сон или плохой?

- Как это не понятно?

- Ну... - Дима сделал неопределённый жест рукой и покрутился на стуле, пытаясь правильно подобрать слова. - Например, пугает то, что, по сути, должно радовать, потому что оно как бы не имеет к тебе никакого отношения, происходит не с тобой, так кажется во сне...

Лида прекратила строчить и захлопнула блокнот. Она выглядела так сосредоточенно, словно готовилась прыгнуть с самолёта – значит, сейчас выдаст что-нибудь умное. Дима невольно напрягся.

- Это психология, подсознание... знаешь, дедушка Фрейд много говорил об этом.

- У Фрейда всё замешано на либидо, это просто идеальная модель, а жизнь более многогранна. Есть и другие механизмы, - повторил Дима слова Александра и в горле неожиданно пересохло.
- Может, попьём чайку?

- Точно! - Лида вскочила с места и засуетилась около стоявшего в углу кабинета столика, за которым они пили чай время от времени. - Я сегодня с утра совсем сбесилась и напекла какого-то опасного для жизни печенья, по фирменному рецепту мамы Вадики.

- Ух ты, уже дружите семьями? - Дима подцепил двумя пальцами темно-коричневый неровный диск печенья и осторожно откусил рассыпчатый край. Сахара и корицы, конечно, было многовато, но всё равно было вкусно.

- Приходится дружить, Вадик души не чаёт в своей маме и во мне... Не буду же я рвать его душу?.. - Лида застыла с мученическим выражением на лице, ожидая вынесения вердикта. Как она ни старалась вести себя в стиле унисекс, всё равно порой просыпалось нечто истинно женское, хрупкое и настолько милое, что Дима, не будь он таким, каким он был, мог бы запросто влюбиться в Лиду. - Ну и?

- Отпад, - прохрустел довольный Дима. - Очень вкусно.

- Да тебе чего ни дай, всё слопаешь, словно сроду не кормили, - усмехнулась Лида, не менее довольная, ещё и смущённая. Дима глазам своим не верил. Пожалуй, это был первый раз, когда он видел её такой открытой и наивной.

- Никто не хочет брать на себя обязательства по моему кормлению, - вздохнул Дима, усаживаясь за стол и разливая чай в большие керамические кружки. «Если уж пить чай, так нескромно», - сказала Лида и купила им обоим два здоровенных и тяжелых бокала с какими-то толстыми хитрыми котами на боках.

- А как же наш великий и ужасный? Не испытывает угрызений совести по ночам?

Теперь настала очередь Димы краснеть и смущаться. Но при Лиде это было можно, она поймёт всё правильно.

- Он испытывает несколько иные чувства, - проговорил Дима и игриво прикусил кончик языка. Лида прыснула от смеха и чуть не поперхнулась чаем.

- Скромняги, - сквозь смех протянула Лида. - Жить вместе не надумали ещё?

Дима прожевал печенье и сделал небольшой глоток горького чая - забыл подсластить.

- Мы и не думали... - пожал он плечами и почувствовал, как неприятно засосало под ложечкой. Он думал. Он даже и не знал о том, что постоянно об этом думает и ждёт чего-то. Только чего? - Я себе это вообще с трудом представляю.

- Чего ты не представляешь? - искренне удивилась Лида. - Ты же с Викой два года прожил, теперь-то чего растерялся? Ладно, я там с родителями живу или Вадик с семьёй брата, да и не в том дело... как-то я порой даже забываю, что у меня парень есть, а вы-то...

- Что мы?

- Совсем другая история.

- Вот именно, что совсем другая, - Дима отставил кружку и с тоской посмотрел на рыжую морду кота. Кот знал ответы на все вопросы, но как истинный хитрец, только улыбался и молчал.

- Димик, ну чего ты боишься? - Лида подалась чуть вперёд, словно в кабинете был кто-то, кто не должен был слышать их разговор. - Скажи ему, что ты хочешь жить с ним. Или... ты не хочешь?

- Я не знаю, - Дима опустил взгляд в стол и потерев край скатерти. Он не хотел смотреть Лиде в лицо. Правде в лицо. - У него есть жена, сын, - семья... если за то время, что мы вместе, он не захотел что-то изменить, значит, на это есть веские причины.

- Я всё равно считаю, что ты должен ему намекнуть. Пусть, в конце концов, определится уже, с кем он.

- Если я намекну, а он откажется... - Дима поднял глаза и встретился взглядом с Лидой. Это придало ему силы и примерило с данностью. Мысли оформились в слова, а у слов появился свидетель. - То я не смогу продолжать.

Лида снисходительно улыбнулась, но Дима знал, что она поняла. И стало легче.

- Иногда нужно идти ва-банк, если ставки достаточно высоки. Я уверена, что он не откажется.

- Я тоже, - Дима широко улыбнулся и, вновь придвинув к себе кружку, громко прихлебнул чай.
- Но следующий ход за ним. У нас соревновательное влечение.

Лида опять засмеялась и, протянув руку, потеревала Диму за ухо.

- Ты такой классный с этой причёской, такой мальчишка. Даже я хочу тебя к себе домой уволочь и никому не показывать.

- Я не хочу в его доме жить, - Дима зябко поёжился, вспоминая музейный холод просторных комнат. - Только если в подвале, где стоит барабанная установка, и ещё у него есть Гибсоны, целых два, и микрофон...

- Димка, - Лида смотрела серьёзно и ласково одновременно, как мама, которая всё видит, всё знает. - Он не отпустит тебя. Даже если вы расстанетесь. Не бойся, проси чего хочешь.

- Я знаю, что он сделает всё, что я попрошу, поэтому я и не прошу, да и нечего просить... Я не настолько изобретателен, насколько он проницателен.

Дверь скрипнула, открываясь. Дима обернулся и увидел вошедшего Александра, разогретого солнцем, пропитанного городской пылью и запахом дыма - во дворе перед зданием офисов жгли траву. Дима судорожно сглотнул, подавляя в себе желание обнюхать его с ног до головы, как верный пёс вернувшегося, наконец, хозяина - дожили!

- Приятного аппетита, - улыбнулся Александр, снимая солнцезащитные очки и рассматривая Диму в ответ.

- Александр Владимирович, давайте чайку с нами, - мгновенно сориентировалась Лида и подняла вверх свою полупустую кружку.

- Спасибо, Лида, но я уже пил чай. Можно я украду твоего напарника на пару минут?

- Можно хоть до вторника, - засмеялась девушка и задорно подмигнула мгновенно покрасневшему Диме.

Дима точно помнил, что дверь закрыта, поэтому даже если кто-то что-то и услышит, проходя по коридору, то точно не сможет войти и прервать то, что начиналось столь невинно.

- Корица? - Александр целовал его в ухо и медленно задирает футболку на животе. Гладил рукой, волновал лёгкостью и ненавязчивостью прикосновений. Тело таяло, наслаждаясь.

- Типа того... - мямлил Дима, скользя пальцами по волосам, прихватывая их и потягивая в стороны. Он чувствовал, что Александру это нравится, словно бы слышал довольное урчание где-то в груди. - Ещё ваниль...

- Ммм... хочу ванили... - Александр прижал Диму к стене и, запрокинув его голову, звонко чмокнул в улыбающиеся губы. Но Диме этого было мало - хотелось глубоко, до головокружения. Он приподнялся на цыпочках и сам поцеловал Александра, так, как хотел. - Какая активная ваниль, - глухо засмеялся Александр, поддерживая Диму за спину и скользя кончиком носа по его виску. - Самая сладкая ваниль...

- Ты приедешь сегодня ко мне? Я соскучился, - Дима счастливо вздохнул и прижался сильнее, чтобы чувствовать всё его тело - холодную пряжку ремня, пуговицы на рубашке, жесткий воротничок.

Александр гладил его по спине, расслабленно целовал в висок и молчал. Значит, не приедет. Дима будто падал, ожидая его слов.

- Я сегодня улетаю в Латвию. На две недели.

Дима беззвучно втянул носом воздух, пытаясь справиться с разрастающимся в груди холодом. Две недели... это же так много.

- Работа? - осторожно спросил Дима, отстраняясь и заглядывая в лицо Александру. «А может быть, семья?»

- Да, работа, - Александр опять привлек Диму к себе и поцеловал в макушку. - Напортачили там без меня, надо вернуть всё на место, пока не поздно. Власть портит людей, а власть абсолютная портит абсолютно. Поставил опытного специалиста с холодной головой и твёрдыми убеждениями, а через полгода получил политическую проститутку.

- Во сколько уезжаешь? - Дима всё-таки выскользнул из объятий Александра, чтобы не тянуло так сильно, и немного собраться тоже не помешало бы. В конце концов, что за ребячество-девичество? Он же не навсегда уезжает... Как назло, ещё сон этот вдруг вспомнился ни с того ни с сего, и в лёгких не осталось воздуха - Дима забыл вдохнуть, сосредоточившись на выражении своего лица, которое необходимо было контролировать. Александр с кем-то чужим, опасным. Дима ему не конкурент.

- Самолёт в шесть вечера. Из города выеду в час, с припуском на пробки и регистрацию.

Александр подошёл к столу, стал просматривать какие-то папки, искать нужные. Дима остался стоять на месте, закусив ноготь на пальце. Часы над головой Александра показывали половину первого.

- Не умею прощаться, - Дима коротко вздохнул, выпуская многострадальный палец изо рта. - Поэтому давай я как бы уйду сейчас... и скажу, что увидимся как-нибудь... а ты мне ответишь - как только, так сразу. Ладно? - попытка улыбнуться потерпела полное фиаско. Уголки губ уныло опустились, и Дима мгновенно сник вместе с ними. Никогда не умел играть на публику, черт...

Александр оставил папки там, где они лежали, по всей видимости, не найдя нужную, и подошёл к Диме. Обнял. Крепко, горячо, успокаивающе.

- Я вернусь сразу, как закончу, птичка моя, - прошептал он Диме на ухо. - Я уже хочу вернуться.

- Позвони, когда долетишь, чтобы я не думал всякую лишнюю фигню, - грустно усмехнулся Дима, но холода в груди уже не было. Две недели - это всего лишь время.

- Позвоню.

- Увидимся как-нибудь.

- Как только, так сразу.

В пепельнице не было места ещё одному окурку, поэтому Дима аккуратно пристроил его рядом и вновь вернулся к проекту супермаркета, который планировалось построить на центральной улице напротив детской больницы. Заказчик хочет усидеть на двух стульях, как и Всеволод Игнатьевич, который всю последнюю неделю кроме как на матном русском не разговаривал ни с кем. Неожиданно оказалось, что Александр выполнял столько функций, что впору хвататься за голову и кричать караул. Но Всеволод Игнатьевич, как истинный мужчина и опытный руководитель кричал несколько иные слова. Диме было всё равно, на каком языке ему объясняют, что надо сделать. Надо, значит, сделаю. Остальное - лишнее. Всё остальное лишнее.

Александр не звонил уже третий день, а Дима не хотел отвлекать его от работы. Что-то у него там усложнилось, и по отдаленным признакам Дима догадывался, что двумя неделями тут не отделаться. И постепенно он смирился и с этой мыслью. С мыслями смиряться было очень просто, достаточно поговорить с чем-нибудь из окружающих предметов откровенно, и всё становилось на свои места. А вот тело никак не хотело понимать, почему нет ласки? Почему нет поцелуев? Почему к нему никто не прикасается? Ведь было желанным, было любимым, было живым.

Дима повертел в руках сотовый и быстро натянул сообщение. Пусть повисит у него в телефоне, будет время - ответит.

«Самая популярная мужская эсэмэска - «и я тебя». Чур, я начинаю. И я тебя».

«Хочу увидеть»

«И я по тебе»

«Соскучился»

«Люблю тебя»

«И я тебя люблю. Обманываем статистику:) Позвони мне».

Часть 19.Понедельник 6:23.

Дима уже больше полугода не доставал кисти и краски из-под дивана в гостиной. Запрятал туда после того, как Вика нашла картинку с недвусмысленным содержанием. Картинки были нарисованы ещё в студенческие годы, но Диме всё равно было за них стыдно, и он решил, что всё дело в красках, и если их спрятать куда-нибудь подальше и прекратить ими рисовать, то всё наладится. До встречи с Александром Дима часто думал о том, что всё ещё может НАЛАДИТЬСЯ, нужно только приложить больше старания и прекратить думать о том, о чём не положено. Но Александр бесцеремонно вошёл в кабинет в своих эсэсовских сапогах и буквально растоптал все надежды на излечение.

Дима затянулся сигаретой - теперь он курил регулярно, но знал, что как только Александр вернётся, он сможет бросить. Просто оральный комплекс, который легко лечится большим количеством поцелуев. А в то, что их будет много, Дима свято верил и днём, и ночью, каждую

минуту он возвращался к этому. Но вокруг ничего не менялось, и телефон не мог подарить прикосновение. Дима всё глубже погружался в апатию. Вытащить из которой могло только рисование, по крайней мере, он очень на это рассчитывал. Яркие краски, тёрпкий низкий запах, и создание собственного мира. Дима опять возвращался к себе, как тогда, когда не мог заговорить с понравившимся ему мальчиком.

- Ты занимаешься чем-то интересным, - уверенно проговорил Александр в трубке, зажатой между плечом и ухом. Дима ставил мольберт и курил, когда Александр позвонил. Часы показывали два ночи, значит, у него появилось свободное время. - Слышу, как скрипят твои мозги.

- Это не мозги, это мольберт, - засмеялся Дима, наконец закончив процесс установки и перехватывая телефон освободившейся правой рукой. По инерции стряхнул пепел в баночку с приготовленной водой.

- Творишь творения?

- Рисую рисование и курю курение. Что-то захотелось вспомнить молодость. А то от домов и компьютера едет крыша.

- Сева у вас там совсем распоясался, мне уже сообщили. Зовут быстрее обратно, угомонить его нервоз.

Дима опять затянулся и провёл пальцем по шершавому краю мольберта. Конечно же, занозил и медленно убрал руку, чувствуя, как разрастается пульсирующая боль. Это было почти приятно.

- У нас тут у всех нервоз, - невесело усмехнулся Дима, поднося палец к лицу и рассматривая занозу. Вокруг ранки уже скопились алые капельки крови. - Третья неделя пошла... На улице так хорошо вечером, прохладно и долго не темнеет, я на балконе рисовать буду.

- Дима, я прилечу к тебе на следующие выходные, посмотрю, что ты там нарисуешь.

Александр говорил уверенно, и Дима чувствовал, что апатия постепенно рассеивается. От выходных до выходных. Хотя бы что-то определённое.

- Тебя нарисую, хочешь? Таким, как я вижу отсюда.

- Хочу.

- Правда, портреты - это не моё, но ничего, потерпишь, - Дима утопил окурок в баночке и потянулся за второй сигаретой, но рука, дрогнув, лишь скользнула по пачке и опустилась. Хватит.

- Потерплю, куда я денусь. Кстати, в среду приезжает Юра. Он мне все уши про тебя прожужжал. Про фотографии тебя, которые у него в универе отобрали и повесили на самом почетном месте. Так что ты теперь звезда Юриного университета.

- Мальчик-мажор, привыкший получать всё самое лучшее, - съязвил Дима, вспоминая последний разговор с Юрой. - Он про нас знает?

- Я сам не говорил, а он не спрашивал.

- Понятно. Я тоже никому ничего не говорю, но почему-то всё равно догадываются.

В груди неприятно тянуло. Дима хотел спросить, почему Александр сам не рассказал Юре, но не стал. В конце концов, он лучше знает своего сына, знает самого Диму, и вообще он всё на свете знает лучше всех.

- Потому что я всегда оказываюсь рядом с тобой в самый неподходящий момент, - засмеялся Александр, но как-то не особенно весело. Дима сглотнул, услышав в его тоне тоску, точно такую же, как и у него самого. Она резонировала, сливалась, усиливалась, и становилось в два раза тоскливее. Дима настолько явственно представил себя на месте Александра, что рука, державшая телефон, вздрогнула так сильно, что чуть не выронила скользкий корпус на пол. Александр привык быть поглощённым работой, только работой, ему намного сложнее, чем Диме, справляться с чувствами, потому что в построенной им системе они были несколько лишними. Поэтому их легко можно было контролировать и выключать время от времени. А сейчас они не выключались. И тревога о том, кто остался далеко и каждый день ждёт возвращения, постоянно сопровождала принятие любого решения.

- Саша, - Дима сдавил пальцами переносицу и закрыл глаза. Прошло время эгоизма, теперь их двое. - Ты за меня не переживай, оставайся там столько, сколько нужно. Я желаю тебе успеха, построй там всех как положено.

Александр засмеялся, теперь уже легче, и Дима услышал, как на заднем плане раздался звонок городского телефона. «Даже в два часа ночи нельзя оставить человека в покое!» - зло подумал Дима и пожалел, что его нет рядом, чтобы отключить все эти чёртовы телефоны.

- Надо ответить, - вздохнул Александр.

- Надо так надо. Буду ждать тебя в выходные.

- Спокойной ночи, мой хороший.

- И тебе спокойной.

Дима нажал отбой и, отложив телефон, вытащил очередную сигарету из пачки.

Первый раз Юра позвонил в пятницу, когда Дима был в кабинете у Всеволода Игнатьевича и сдавал проект супермаркета. «Отличный проект», - устало бросил директор и предложил Диме выпить по сто грамм коньячку. Рабочий день был на исходе, отдел маркетинга потянулся домой. Дима сначала хотел отказаться, а потом почему-то согласился. Быть может, в силу своей молодости и неумения отказывать стоящим выше по социальной лестнице или старшим по возрасту. А быть может, в силу того, что ему вот уже который день хотелось напиться вдрызг, только не пить же одному или с тем же Лидкиным Вадиком-нытиком. Тот, если начинал квасить, то прилюдно вспоминал все Лидины грехи, жаловался и обижался на её холодность и безжалостность. Два раза Дима смог вынести его «душевные» монологи, на третий отказался наотрез идти с ним в бар - посидеть за компанию.

Когда в заднем кармане брюк завибрировал телефон, Дима уже с трудом смог прочитать, кто звонит. Юра. Дима искренне удивился не тому, что он звонит, а тому, что не удалил номер его телефона из списка контактов, словно чувствовал, что с этим человеком ему ещё придется иметь дело и не раз. Ну ещё бы! Это же сын сами-знаете-кого.

- Подружка беспокоит? - пьяно хихикнул Всеволод Игнатьевич, наливая уже пятый раз по сто.

- Нет, Юрий Александрович, - искренне ответил Дима и отключил телефон совсем. Разговаривать с Юрой при двух (то ли ещё будет!) Всеволодах Игнатъевичах ему как-то не хотелось.

- Яковлева сын, что ли? - брови директора столкнулись где-то посередине лба, как два упрямых барана.

- Да, он самый. Приехал на каникулы.

Дима сделал из салфетки инвалидного лебедя и поставил на стол напротив Всеволода Игнатъевича, мол, я не только супермаркеты проектирую, но ещё и лебедей-инвалидов.

- Терпеть его не могу, - поморщился директор, глядя на лебедя. Дима тоже его терпеть не мог из чувства солидарности.

- Да, не очень получилось, - Дима сгрёб недооригами рукой и быстро расправил лист.

- Он мне тут звонил, на работу просился на лето. Мол, свои же люди, сочтёмся. Если бы Сашка знал, он бы ему такую работу устроил... - Всеволод Игнатъевич хряпнул кулаком по столу, так что рюмки опасно вздрогнули, но Дима вовремя успел их придержать, и ничего ценного не потерялось. - Это всё Ирка со своими прогрессивными методами воспитания, сделала из нормального пацана какую-то соплю. Тьфу.

Всеволод Игнатъевич ударил по столу второй раз, но в этот раз Дима уже держал рюмки на весу, одну из них протягивая директору. Стекло весело звякнуло, и они выпили ещё по сто грамм, закусывая ядрёным, как третья мировая война, лимоном. Где-то на периферии сознания Дима решил, что, пожалуй, хватит с него, ведь ещё надо как-то потом домой добираться... но мысль быстро задохнулась. Всеволод Игнатъевич достал откуда-то из-под стола вторую бутылку. Но теперь уже виски.

- А мне... - Дима отвёл восторженный взгляд от бутылки, словно увидел старого приятеля, и вспомнил, что хотел сказать, - не показалось, что Юра сопля.

Директор хмыкнул и точным резким движением забрал у Димы рюмку. Он казался совсем трезвым, если бы не голос, ставший вдруг низким и глухим.

- Это потому что ты сам ещё сопля. Ты только не обижайся, я же любя. - Всеволод Игнатъевич протянул Диме руку, и тот её пожал со всей силой, на которую был способен. - Но ты не такая сопля как он. Ты просто... какой-то растерянный вечно, неуверенный в себе, скромный, что ли, какой... Ну в общем, это со временем пройдёт, а если и не пройдёт, то не важно. Никому от этого плохо не станет, просто тебе самому полегче было бы.

- А Юра? С ним что не так?

- А с ним всё не так. У него своей башки на плечах нет. Всё как папа, да как мама... Безответственный он, а знаешь что это такое? Безответственность?

Дима кивнул, но ничего не ответил, ему было интересно, что скажет Всеволод Игнатъевич, как он видит эту проблему.

- Это значит, что ему доверять нельзя. И не потому что он подлый, или выгоду ищет, нет... он может быть неплохим специалистом, я не спорю... Всё дело только в том, что он ни черта не знает, что такое хорошо, а что такое плохо. Поэтому я не могу взять его к себе в фирму, даже

несмотря на Сашу... Но Сашка не будет просить за него. Он знает, где кончается семья, и начинается работа. И не путает одно с другим никогда. Вообще Сашка молодец, без него Юрка бы затерялся среди мамочкиных любовников. Знаешь, что у Сашки жена - продюсер? Ещё та стерва... но баба красивая и умная, вот только детей рожать ей не надо было. Есть такие женщины, которым детей рожать не рекомендуется. Вот она из таких.

- Детей? - переспросил Дима, теряя нить рассуждения, но запоминая факты. Завтра они ему пригодятся для того, чтобы пожалеть себя очередной раз и поскучать по Александру. - У неё их несколько?

- Двое, Юрка и Лариска, ты разве не знал?

Дима активно замотал головой, что, мол, нет, не знал, откуда мне вообще знать, мы с ним спим, а не про детей жены разговариваем. А потом вдруг резко прекратил мотать. Конечно, знал. Ещё тогда, когда впервые увидел и его заклинило. Чувствовал, что двое детей, причём разнополых.

- А дочери сколько лет? - Дима машинально запихнул в рот дольку лимона, чтобы чем-то занять руки, и ему вышибло пробки. Точно, конец второй мировой, и слёзы на ресницах, как в той песне.

Всеволод Игнатьевич прекратил разливать виски и протянул Диме конфету из распакованной, но так и не начатой коробки.

- Сы-пасибо... - проплакал Дима и быстро бросил конфету в рот, раскусил и пососал сладкую начинку, перебивая мерзкий обжигающий вкус лимона.

- Дочь не Сашина. Он взял Ирку уже с Лариской. Она года на три вроде бы старше Юрки. Такая же стерва, как мамаша. Но Саша её любит, говорит, что она девочка с мозгами и далеко пойдёт. Она в Германии живёт, адвокатом в какой-то конторе работает. Я сам Ларису всего пару раз видел и то мельком. Но впечатляет, действительно адвокат, как скажет, так все вздрогнут. Всё-таки не должна женщина быть такой строгой... Мы же, мужики, мягкость любим, теплоту, ласку... А не эту вот... твердость. - Всеволод Игнатьевич махнул рукой и протянул Диме полную рюмку. - Ты лучше конфетами закусывай, а то весь изревелся, а мне нужны крепкие ребята!

- Не люблю кислое, - оправдался Дима.

- Ну тогда и не трогай. Я вот что ещё хочу тебе сказать, - Всеволод Игнатьевич поднял рюмку и изобразил на лице серьёзное благоговение. - Давай выпьем за твоих родителей.

- Почему за мои... - начал смущённый Дима, но директор оборвал его речь суровым взглядом отца семейства.

- Выпьем за твоих родителей, потому что они воспитали умного и трудолюбивого парня, который ко всем относится одинаково, будь человек хоть директор, хоть уборщица. Есть в тебе стержень, зерно, сердце в тебе есть, Димка. Я бы взял тебя с собой в разведку. Так что спасибо твоей маме за твоё сердце, а отцу - за стержень.

- Спасибо, - проговорил Дима, расплываясь в счастливейшей и глупейшей улыбке.

Они выпили ещё по сто, а потом ещё, а потом Дима отключился, и жизнь продолжалась без него. Кажется, Всеволод Игнатьевич поручил его своему водителю, дал чёткие ЦУ и отправил с

миром. В машине Дима уснул и проспал до тех пор, пока водитель грубо не растолкал его и помог дойти до входной двери в квартиру. Дальше Дима самостоятельно открыл дверь и даже закрыл её с обратной стороны. Утром он проснулся, сидя в коридоре в обнимку с телефоном, трубка была снята и валялась рядом с ботинками.

Вот бя... неужели додумался звонить Александру?! Стыд мгновенно запалил щёки, шею, Дима медленно вернул трубку на телефон, а телефон на место. Собрал ботинки и даже относительно быстро поднялся с пола. А в ванной его накрыло. Неожиданно и жёстко прихватило так, что даже дыхание сорвалось, и лишь задушенный влажный всхлип вырвался из груди. Дима выкрутил кран с холодной водой на полную катушку, и звук льющейся воды заглушил предательские всхлипы. Казалось, что все слёзы, какие только могли скопиться в нём за все те годы, что он не плакал, решили излиться именно в это дурацкое солнечное утро. Дима даже не пытался остановить их, самоконтроль дал трещину и склеить его края было уже невозможно, пусть всё выйдет, пусть не останется ничего, кроме похмелья, никаких мыслей о чужих детях, о чужих семьях... о том страхе, который он испытал, увидев снятую трубку. Этот чёртов страх всё разрушить любым неверным жестом, словом. Дима был уверен в том, что не посмел бы позвонить Александру, быть может, репетировал, фантазировал, но не стал бы звонить. Гордость не позволила бы. Вот она, эта та самая гордость, льётся солёными каплями из глаз и уходит в канализацию. Всё уходит в канализацию, и кровь, и слёзы, и такое отчаянно красивое лето.

Что же делать? Что же нам дальше делать?

Юра всё-таки дозвонился. Воистину – стучите и вам откроют. Дима с закрытыми глазами слушал какой-то рекламный блок про альпийский шоколад - «Один кусочек и вы в Альпийском мире». Башка трещала по швам, и ноющий над ухом Мэтью Беломи не добавил радости.

- Привет, Дима, это Юра, узнал? - неуместно весело заболтал парень на том конце.

- Привет, Юра, это Дима, узнал, - уместно хмуро ответил Дима.

- Заболел, что ли? - искренне посочувствовал Юра. И Дима с замиранием сердца отметил, что тон его голоса похож на отцовский. Даже больше, не только тон, но и сам голос.

- Перепил, - Дима выключил рекламу шампуня против перхоти, ему ещё долгое время он не понадобится.

- Такая жалость, а я хотел пригласить тебя сегодня в клуб. У меня день рождения, а никого из знакомых в городе нет.

Дима уныло присвистнул.

- Поздравляю, типа. Счастья, радости желаю. Но я сегодня играю роль креветки, поэтому ни веселиться, ни соображать не могу.

- А мне не нужно веселье, мне просто твоя компания нужна. Я бы хотел извиниться за прошлый раз. Я сказал лишнее, на самом деле я ничего такого не думал никогда. Ты прикольный парень. Я просто думал, что ты спишь с моим отцом, поэтому так по-дурацки всё и получилось. Но это глупость... и я параноик...

- Это не глупость, - Дима говорил твёрдо и спокойно. Ему уже было всё равно, что Юра о нём думает на самом деле. - Я действительно с ним сплю.

В трубке повисло неловкое молчание, Юра не стал переспрашивать или делать вид, что Дима неудачно пошутил. Они молчали секунды три, а потом Юра начал первым:

- Мы можем сходить в парк, покататься на каруселях. Грустно сидеть дома одному в такой клёвый день.

И на это Дима не стал возражать.

В парке, куда Дима подрулил на своих двоих, а Юра на папином «Лансере», было прохладно и пахло сладкой ватой. Субботний день – день выгула детей, собак и папиных любовников.

- Привет, - махнул Юра рукой, высокий, загорелый, выделяющийся из толпы модными шмотками и по-европейски развязной походкой. – Хреново выглядишь.

Дима поморщился и, прищурившись одним глазом, посмотрел на высоко стоящее солнце. Было около трёх часов дня, а похмелье до сих пор не ослабло, и в голове были свои домашние карусели, периодически носившие то вверх, то вниз.

- Посмотрел бы я на тебя после встречи с Всеволодом Игнатьевичем, желающим побороть рабочий нервоз, - улыбнулся Дима и достал из нагрудного кармана солнцезащитные очки. Надел, посмотрел опять на небо и тут же снял. – Терпеть не могу очки.

- Ты просто покупаешь неудобные, - Юра забрал у Димы очки и стал рассказывать, какие нужно покупать, чтобы не было так хреново в них, что хочется выкинуть в первую попавшуюся мусорную корзину.

Они шли вдоль березовой аллеи туда, где голосил Дима Билан и лаяли какие-то неподружившиеся собаки. Дима никак не мог определить, кто бесит его больше.

- Тебе нравится Дима Билан? - спросил вдруг Юра, когда они поравнялись с площадкой и Дима пошёл дальше, к лесу. Зловеще скрипящие карусели вызвали в нём необоснованный приступ паники и дежавю. Лучше просто помотаться по лесу, желательно где-нибудь подальше от людей.

- А что? Должен? - усмехнулся Дима, перехватив слишком уж внимательный взгляд Юры. Тот явно искал на его лице признаки гомосексуализма. Он был таким смешным и наивным, несмотря на свой недетский рост и аккуратно выстриженную испанскую бородку, что Дима вновь проникся к нему симпатией.

- Нет, не должен, - пожал Юра плечами и, остановившись, стал доставать из рюкзака фотоаппарат. - Здесь красиво. И тебе идёт эта новая причёска.

- И в чём логика? - усмехнулся Дима, придерживая рюкзак Юры, чтобы не упал в лужу, оставшуюся после вчерашнего дождя.

- В том, что есть гармония. В парке и тебе есть гармония.

Дима посмотрел на Юру и задержал взгляд чуть дольше, чем положено. И Юра тоже смотрел на него, не моргая. Они понимали друг друга, на более высоком уровне, нежели словесный, действенный или интуитивный. Это было ощущение общего вектора, как иногда оборачиваешься на взгляд стоящего сзади, потому что он хотел, чтобы ты обернулся, и вы понимаете друг друга.

- Ты меня смущаешь, - искренне ответил Дима и отпустил рюкзак, чувствуя, что Юра и сам держит его достаточно крепко.

- Извини. У меня это как-то само собой получается. Ты не первый жалуешься, - Юра поправил воротничок рубашки, завернувшийся внутрь, и легко закинул рюкзак на плечо. Сильный, зачем-то отметил про себя Дима, представляющий себе вес этого рюкзака.

- А я не жалуясь, - пожал Дима плечами и пошёл вперёд по дорожке к зарослям лещины.

- А я знаю, почему отец тебя выбрал, - вдруг тихо проговорил Юра. Дима обернулся и увидел направленный на него объектив. - Улыбнись.

- Отвали, - улыбнулся Дима, раздался щелчок. Вспышки не было, день был светлым, и яркая зелень и без того бликовала на фоне ослепительно голубого неба. - И почему же он меня выбрал?

- Потому что ты красивый.

Дима хмыкнул и поскрёб скулу рукой.

- Но не в модельном смысле, не в фотогеничности дело, - поспешил оправдаться Юра. Видимо, у него частенько возникали проблемы с пониманием, потому что оправдывался он мастерски и очень скоро. - Дело в том, что ты красив во всём, в жестах, в словах, в поступках... Как человек.

- Откуда ты знаешь о моих поступках? - удивлённо вскинул Дима бровь и опустил на разлапистое бревно, лежавшее в трёх шагах от тропинки. Юра остался стоять на месте, высматривая ракурс для новой фотографии.

- Ну сколько я видел, все были красивы. Ты защищаешь себя, ты не ведешься на понты, на деньги, никогда не говоришь лишнего, не прячешься за спину отца. Ты пошёл со мной гулять, не боясь, что я буду тебя обвинять.

- В чём обвинять? - Дима коротко рассмеялся и поудобнее устроился на жёстком бревне, позволив ногам свободно болтаться в десяти сантиметрах над землёй. Раньше он любил кататься на высоких качелях, чтобы ногами не касаться земли, а раскачиваться только упругими поступательными движениями вперёд. - У тебя нет никакого права меня обвинять.

- Я его сын, и у меня есть много прав, - сухо возразил Юра. И, свернув с дороги, подошёл к Диминому бревну, сел рядом. - В конце концов, есть простое иррациональное презрение, которым я могу воспользоваться.

- Пользуйся, - лениво протянул Дима, наслаждаясь тёплым ласковым ветром, обдувающим разгорячённую кожу, помнящую следы недавней истерики. - Только ты не гомофоб, и тебе это будет трудно изобразить. Но ты начни, а там посмотрим, что получится.

- Не хочу, - буркнул Юра и, включив фотоаппарат, стал пролистывать получившиеся фотографии, потом повернулся к Диме и показал ту фотографию, на которой тот сказал: «Отвали». - Ты мне нравишься, даже больше, чем я думал.

Дима вновь смутился и отвёл глаза в сторону леса, где было темно и откуда тянуло влажностью прелой листвы.

- Ты тоже гей?

- Я? Нет... - Юра мгновенно залился краской и стал почти бордовым под цвет своей терракотовой рубашки. Видно было, что он нечасто краснеет.

- Это хорошо, - мягко улыбнулся Дима. - Тебе повезло.

Они помолчали несколько минут, словно воспевая Димино невезение. И опять Дима всей кожей ощутил разницу между Александром и Юрой. Первый никогда бы не стал молчать в такой ситуации, у него всегда в запасе есть парочка вкусных конфет и смешная история. И жизнь, на самом деле, прекрасная штука. Дима коротко выдохнул, насильно выдёргивая себя из затягивающего одиночества.

- Пошли, постреляем в тире, - сказал он, бодро вскакивая на ноги.

- Тут и тир есть? - Юра с огромным облегчением поддался Диминому веселью. Видно было, что ему тоже не хватает конфет Александра. Его всем не хватает. Быть может, есть что-то здоровое в тех людях, которые боятся его и не подпускают к себе близко, как та же Лида. Быть может, они чувствуют, к какому глобальному саморазрушению стремится человек, привязывающийся к Александру?.. Но пути назад уже нет. Именно сейчас, стоя рядом с Юрой, Дима понял, насколько увяз в Александре и стал от него зависим. И радость не радость без него, и воздух не тот, и солнце не так греет, и жизнь большая, красивая, но пустая, как голограмма. И к Диме она не имеет никакого отношения, его словно выбросило из неё, в очередь ожидающих жизни, в очередь тех, кто думает, что начнёт жить завтра, когда случится одно, другое, третье, у каждого своё. Сегодня вечером, завтра утром, послезавтра в обед... в понедельник 25 июля в 6:23 начнётся жизнь, но не сейчас. Не сейчас.

Часть 20. Ценности

Лида всё утро ходила на цыпочках вокруг Димы и старалась не говорить ничего лишнего, даже дышала через раз.

- Вот блин, сволочь, - цедил Дима сквозь зубы, неотрывно глядя в монитор и нервно дёргая мышку. День не заладился со вчерашнего вечера, когда в доме на два часа вырубили свет, и Дима остался без работы, наедине со своими нерадостными мыслями и горящими окнами в доме напротив. Там, в чужих квартирах, показывали жизнь. Кто-то смотрел телевизор - окна светились матовым, периодически мигающим, словно вздрагивающим светом, кто-то ужинал на кухне, почти весь ряд кухонных окон горел, и сквозь тонкие тюли как на ладони просматривались семейные заседания под те же неугомонные телевизоры. В спальнях комнатах горели ночники - родители укладывали детей спать, любовники предавались тихой страсти, быть может, не очень тихой, но думать об этом Дима не хотел, он просто смотрел в окна и понимал, что ему сегодня не светит ничего из увиденного, даже если дадут электричество.

Когда свет включили, Дима уже спал.

- Слушай, Дим, я, конечно, понимаю, что меня это не касается... - сделала Лида первый заход, оторвавшись от журнала регистрации звонков и с сочувствием глядя на Диму. - Но ты хотя бы ешь?

Дима кивнул, не отрывая взгляда от компьютера. Всеволод Игнатьевич поручил ему быстро оформить ту часть проекта, что подарил ему Александр, которая готова на сегодняшний день. Кому-то там надо показать, чтобы заценили... Дима не уловил путаную мысль директора. Потом уловит, когда понесёт сдавать. На лишние мысли в голове не хватало места, всё занято построением философии однополой семьи.

- Ем, периодически.

- Слушай, Минаев, - Лида поднялась из-за стола и подошла к Диме, облокотилась на стол и заставила посмотреть на себя, побарабанив длинными красными ногтями по столу. - Ты брось это дело. Ты себя в зеркале видел? Одни глаза остались, бледный как поганка, того и гляди, в обморок хлопнешься.

- Лида, - Дима посмотрел на девушку и слегка улыбнулся, успокаивая её, - мамочка ты моя самопровозглашённая, всё у меня нормально. Мне некогда думать о бренном, впереди грядёт серьёзный проект...

- Да плевать, Дима, - Лида подалась вперёд, опасно нависая над ним. - В больнице тебе не нужны будут ни проекты, ни деньги, и придётся подумать о бренном. У тебя же истощение налицо, послушай специалиста, я знаю, о чём говорю. У меня двоюродная сестра загремела в больницу на полгода со своими диетами.

Дима отвёл взгляд и уткнулся в чертёж, осталось только заполнить техническую таблицу и черновой вариант проекта готов. До октября можно успеть сделать ещё три таких же. Усталость бродила где-то под кожей, и мысли путались, но, сконцентрировавшись, можно было работать ещё очень долго, нон-стопом, неделю как минимум, а потом и отдохнуть, когда Александр приедет... да, тогда и будем отдыхать, вместе.

- Ну зачем ты так, Дима? - Лида заговорила шёпотом, ласково, словно с маленьким упрямым ребенком, настроившимся убежать до того, как ему выскажут все замечания. - Подумай о себе, он-то о себе не забывает, - едва слышно добавила девушка и устало выдохнула, будто призналась, наконец, в страшном грехе.

Дима растерянно изучал её лицо и медленно догонял смысл сказанного. Мысли тяжёлыми пульсирующими сгустками капали, словно припечатывая. Четыре недели. Александр любит секс. Все мы просто люди, и его можно понять. Дима считывал информацию, написанную на лице Лиды, как компьютерные коды, не расшифровывая.

- Лид, ты если что-то знаешь, скажи прямо, мне сейчас не до двусмысленных высказываний.

Девушка ступала на миг, по всей видимости, проникнувшись Диминой усталостью. И взгляд её из назидательного вмиг переплавился в сочувственный и где-то даже испуганный. Она не знала, что сказать Диме. Как сказать Диме... Но этого уже и не требовалось. Просто слова, очередные слова, брошенные в пустоту.

- На все мероприятия принято заказывать девочек, эскорт-услуги. С тех пор, как Александр Владимирович работает у нас, стали заказывать и мальчиков.

- Он не спит с ними, - уверенно проговорил Дима и смущённо улыбнулся. - Я уже спрашивал.

Лида тоже улыбнулась, чуть успокоившись, и, протянув руку, провела по коротким Диминым волосам, едва касаясь кончиками пальцев головы.

- Тогда почему страдаем?

Дима мельком взглянул на Лиду и чётко увидел, что она не поймёт. Несмотря на всю свою пронизательность и женское чутьё, и не потому, что менее тонко организована, нежели Дима, что было весьма сомнительно. Она не поймёт, потому что другая, потому что сильная, потому что независимая и не влюблённая.

- Я не страдаю, - Дима закусил губу и вновь отвернулся к монитору, давая понять, что разговор плавно подходит к концу. - Увидеть хочу...

- Вернётся, куда он от тебя денется, - вздохнула Лида, возвращаясь к своему столу. - Ты только есть не забывай, а то придет принц, а от принцессы одни глазюки остались, целовать будет нечего!

- Поем, обещаю, - Дима поднял вверх правую руку, демонстрируя тотальное согласие.

- А я вот не уверена в Вадике настолько, чтобы спокойно отпустить его на месяц туда, где доступные модельные девочки гроздьями свисают с кустов - съешь кусочек, милый. Поэтому и не могу думать о том, чтобы стать его женой. Или смириться... или другого парня найти. Вот и все варианты. Знаю, что сама дура, лень мне искать другого.

- Лучшее враг хорошего, конечно. Но я считаю, что тебе стоит отчаяться, хотя бы раз почувствовать себя никем, и ты поймёшь, что важно, а на что можно забыть.

Дима сидел в кабинете Всеволода Игнатьевича и изучал траекторию ползающей по окну блестящей пузатой мухи. Наглая, она лениво перебирала лапками, разморённая на солнце, часто останавливалась, чтобы помыть прозрачные голубоватые крылышки. Подаренный Александром проект, уже в готовом к утверждению виде, лежал перед директором, пока тот разговаривал на немецком по телефону. Для Димы «черновой вариант» значил - «запускаем с завтрашнего дня, можно поменять только цвет заголовка».

Всеволод Игнатьевич засмеялся и положил трубку. Горящий взгляд довольного директора отвлек Диму от созерцания жутко интересной своей неинтересностью мухи.

- Я не принимаю этот проект для города, - начал он, отчего Дима чуть не свалился со стула, так его прострелило. Не понравилось?!

- Почему? - выдавил он из себя, не моргая глядя на выдерживающего мхатовскую паузу Всеволода Игнатьевича. Тот явно решил добить Диму интригой, и у него это почти получилось.

- Потому что поступило более выгодное предложение, - наконец сжалился директор и прекратил сверлить Диму «говорящим» взглядом, развернул монитор в его сторону. Там был написан какой-то длинный документ на немецком языке, по расположению реквизитов похожий на типичный контракт. - Читай.

- Я не знаю немецкого, - пожал плечами Дима, уже догадываясь, что за контракт ему предлагают прочитать. В памяти мгновенно вспыхнул образ критика Антипова, воспевающего талант как вид небесного дара при наличии инвалидности. Интересно, что бы он сказал на этот раз? Александра уже месяц нет в городе, никто не тянет Диму за уши, - определённо это магия. Точно! Ему бы в это было проще поверить, чем в то, что европейская строительная корпорация заинтересовалась проектом «того самого» Дмитрия Минаева, молодого да раннего.

- Плохо, - добродушно улыбнулся Всеволод Игнатьевич. - Теперь тебе долго придётся иметь с ним дело. Советую выучить.

Дима, смутившись, закусил ноготь на большом пальце и исподлобья посмотрел на директора, предлагая прочитать контракт самому.

- Твой проект выиграл государственный конкурс для здания научного института в Эрлангене и приз в 15 тысяч евро. Можешь присматривать ещё одну машину. До осени хотят всё оформить,

- засмеялся Всеволод Игнатъевич.

- У меня есть одна, хватит. Конкурс... я даже и не знал, - Дима обрадованно заёрзал на стуле, прикидывая, сколько это в рублях получается. Больше полумиллиона... Вот бя... - Все деньги мои или только процент от них?

- Все твои, у нас свой расчёт, - махнул рукой Всеволод Игнатъевич. - Конкурсная комиссия там всех на уши поставила с твоим кубиком Рубика. Искали что-то вписывающееся в ландшафт центрального парка, у них там какой-то особенный ландшафт. Но я не вдавался в подробности, так, решил рискнуть, вдруг выгорит.

- И когда вы успели им заслатъ? - Дима удивлённо хлопал глазами, пытаясь переварить полученную информацию. Его «кубик» будет построен в Европе. Его любимый «кубик», который он делал для Александра, будет построен в Европе... Александр будет им гордиться. Пусть только попробует не гордиться! Дима не мог усидеть на месте, нужно позвонить ему, рассказать. Или лучше написать сообщение, а то вдруг он занят. Да, точно. Лучше написать. А может, сказать при встрече? Чтобы сразу и отметить. Да, нужно подождать до пятницы или до субботы, когда он там освободится, быстрее бы он приехал...

- Я отправил те эскизы, что ты мне давал, давно ещё... - Всеволод Игнатъевич махнул рукой, мол, какая тебе уже разница? - Немцы уже и примерный контракт составили. В Европе работают оперативно, не то что у нас. Хотя к тебе это не относится, ты гений, Дима. Мне даже не жалко будет, если немцы переманят тебя к себе.

- Совсем-совсем? - лукаво улыбнулся Дима, вальяжно откидываясь на кресле. Гордость распирала изнутри и требовала выхода. Нужно поделить с Александром, тяжело одному радоваться. Не весело.

- Ну только если самую малость. В пятницу приедут юристы из Эрлангена, будут обговаривать условия контракта, чтобы был на рабочем месте в обязательном порядке.

- Будет сделано, - Дима отдал честь, встав с кресла. - Куда же я дену такую кучу денег? - тихо хихикнул он, выйдя из кабинета и оглядывая пустой коридор. В голове мгновенно созрел гениальный идиотский план, достойный кубика Рубика - купить воздушный шар и улететь на Северный полюс. Усталость всё-таки давала о себе знать.

Дима на ватных ногах дошёл до ванной и плюхнулся в тёплую воду, поверх которой плавал приличный слой упругой пены, пахнувшей ванилью и мускатом. Хотелось праздника, пусть не души, так хотя бы тела. Немцы говорили, говорили, говорили... о таланте, о развитии, о деньгах, о будущем. Звали работать над проектом «на месте», обещали обеспечить жильём, записать на курсы ускоренного изучения немецкого языка - всё, что душе угодно, только бы Дима согласился работать в их продвинутой корпорации на их продвинутом оборудовании в их продвинутых программах. Останется только двинуться умом, и будет ему счастье...

Всё было мимо, всё не о том. Дима любил Россию, и не хотел менять свою «Ауди» на «Феррари», как весь день предлагал Всеволод Игнатъевич, помешанный на машинах, ремонтах и загородных дачах. Но даже не это было причиной отказа, - всё-таки европейское признание, ступень к новому, красивому и блестящему миру дизайна и архитектуры, - с Александром расставаться было невыносимо. И Дима отказался, не сомневаясь ни секунды.

А теперь он плавал, закрыв глаза и утопая в ванили, дрыгал ногой в такт включённой на всю квартиру Земфире и думал о том, чего ему ещё от жизни нужно? Завтра приедет Александр, и всё встанет на свои места. Рядом с ним легко не думать ни о чём. А деньги... будут и деньги, и

признание, а если не будет, то можно заработать. Только бы он скорее приехал, Дима всё бы отдал, чтобы эта ночь быстрее закончилась. Хотя нафига ему признание?

По телевизору показывали «Унесённых ветром», и рука не поднялась, чтобы переключить, хотя Дима терпеть не мог мелодрамы. Все эти сопли, слёзы из-за банальных, надуманных проблем. Как говорил один преподаватель в университете: «Романы надо не читать, а делать». Но Вивьен Ли была очаровательна. Она была красива не той чувственной красотой, на которую клюют нормальные мужчины, желающие увидеть в своей постели столь ослепительную женщину. Нет, она была иная. Её красота была для всех. Гордая и недоступная, податливая и тёплая, беззащитная и опасная. Дима, разморённый горячей ванной и успокаивающим запахом ванили, дремал под пожар, охвативший американский юг, лошади ржали, женщины кричали, кто-то стрелял из пистолета, а Дима думал о красивой женщине, мерцающей сквозь матовую дымку сна, она улыбалась и рассказывала о любовных страданиях. Красивые женщины знают толк в любовных страданиях. «Каждый живой человек должен однажды познать, что такое страдание, - говорила чудесная Вивьен, - чтобы понять, что он живой».

В дверь позвонили. Дима не сразу сообразил, что это не его бьют по голове волшебной палочкой и играет музыка, как в сказке, а кто-то пришёл и хочет, чтобы ему открыли.

Посопев около замка, Дима открыл дверь и замер, застыв на пороге, как последний кретин. Это был он. Здесь. И опять неожиданно.

- Саша... - выдохнул Дима, отходя в темноту коридора и пропуская Александра внутрь.

- Здравствуй, птица моя, - улыбнулся Александр, переступив порог квартиры и поставив сумку около шкафа для обуви. Значит, домой не заезжал. Он одет в незнакомый хлопчатобумажный костюм, у него новая, непривычная причёска, он пахнет незнакомой свежестью... Он весь какой-то новый, далёкий и долгожданный. Дима прислонился к стене, молча наблюдая за тем, как Александр разувается, не торопясь. Он приехал отдохнуть, и уже отдыхает, в каждом жесте чувствовалась расслабленность и умиротворение, но Дима знал, что это всё ненадолго. Стоит только...

- Давай я повешу пиджак, - Дима подался вперёд и протянул руки, чтобы помочь Александру раздеться. Пальцы их столкнулись, переплелись. Дима коротко рассмеялся и тут же почувствовал себя прижатым к Александру вплотную.

- Попался, - выдохнул тот, лукаво улыбаясь.

- Ой, - только и смог ответить Дима, приподнимаясь на цыпочках и заглядывая в потемневшие глаза, глубокие, бездонные, затягивающие. Ближе, ближе... ко мне. Дима влажно вздохнул, зажмуриваясь и запрокидывая голову. Александр втянул носом воздух, прикасаясь к губам, раскрывая, лаская языком. Нежно, привыкая, пробуя на вкус. Руками - под одежду, сминая ткань, обнажая спину, заставляя прогибаться, заводиться. Дима вжался в крепкое тело, чувствуя, наслаждаясь близостью, доступностью, теплом. Ничего не изменилось, он всё такой же на вкус, на ощупь - надёжный, бескомпромиссный, страстный. Желание вспыхнуло, ослепляя, размывая контроль, запутывая мысли.

Александр приподнял Диму, провоцируя закинуть ноги на пояс, обнять руками, ногами. И целоваться, так, что скулы сводит, дыхания сбиваются, недостаточно воздуха, хочется больше, глубже, ближе. Как же я рад тебя видеть, как же рад тебя чувствовать, знать, что нас двое, двое, двое...

Прохладный шёлк покрывала коснулся разгорячённой кожи спины, Дима судорожно выдохнул

воздух, ослабляя объятие. Александр положил его на постель и навис сверху, продолжая целовать. Ещё, ещё... не уходи, не прекращай. Так хорошо...

- Меня ждал? - мягко усмехнулся Александр, стягивая домашние Димины штаны, под которым ничего не было. Дима понимал, что надо бы пошутить в ответ, но не получилось, и он искренне согласился, чувствуя, как краска возбуждения заливаает грудь, плечи, шею, щёки. Внизу живота стало жарко-больно-сладко.

- Каждый день, - прошептал он, закусывая губы, чтобы сдержать стон и остаться во вменяемом состоянии. Целый месяц его никто не раздевал и не трогал там. - Са-шаа... - беспомощно выдохнул Дима, вздрагивая от поцелуя в живот и ниже, ниже. Александр слегка надавил на внутренние стороны бёдер, раздвигая их, чтобы было удобнее. Кончиками пальцев медленно гладил по косточкам, круг, ещё один, в то время как жаркая глубина рта охватила собой весь мир. Дима запрокинул голову - не смотреть, чтобы не ускорить финал раньше времени, хотелось наслаждаться этим погружением бесконечно - скользить на грани наслаждения и опустошения. Внутри всё плавилось, перетекало, сливалось воедино и вновь распадалось на части. Движение затягивало в ритмичный круговорот, мысли медленно текли в голове, словно загустевший мёд. Пальцы прихватывали шёлковую ускользящую ткань, скользили по склонённой голове Александра, перебирали волосы. Ощущения размылись, исказились. Тело потеряло форму, опору. Оно уже не принадлежало действительности, оно стремилось за грань. Дима дышал тяжело, рвано, по виску прокатилась капелька пота - щекотно, в носу защипало. В груди что-то тонко пискнуло, и Александр, подняв голову, удивлённо уставился на Диму. Тот мгновенно поддался безумному веселью, сметающему всё на своём пути, и хмельно захихикал, сползая вниз по покрывалу и обнимая Александра за шею. Ну не везёт с минетом, пора уже привыкнуть.

- Всё не как у людей, - давясь смехом, проговорил Дима и поцеловал Александра в улыбающиеся губы.

- Хорошо, что в мире есть хоть какое-то постоянство.

Дима прекратил смеяться и, приподнявшись на локте, прижался лбом к щеке Александра, потом поцеловал скулы, подбородок, переносицу, лоб.

- Самый красивый... люблю тебя. Хочу тебя...

Александр уложил Диму обратно на кровать и внимательно посмотрел сверху, обвёл кончиками пальцев контур губ и слегка нахмурился.

- Колючий я, да? - прошептал он и чмокнул растерявшегося Диму в кончик носа. - Всё лицо покраснело. Совсем забыл, что мой мальчик очень нежный.

Дима отвёл взгляд, чувствуя, что ещё чуть-чуть, и он точно заплачет. Вот же глупости, ну что за глупости...

- А я и не заметил, - промямлил Дима, вновь утопая в неподвижном изучающем взгляде. И в груди стало тесно от нежности.

- Ты мне сегодня приснился. Ты был грустный и куда-то собирался уезжать, не дождавшись меня. И я испугался, что не успею поймать птичку.

- Успел, - Дима прижался к Александру, слушая стук его сердца, отчётливый, ускоряющийся, резонирующий с его собственным. Они лежали, обнявшись, около минуты, молча,

прислушиваясь к ощущениям, растворяясь друг в друге. Вместе.

- Я скоро стану миллионером наполовину, - Дима голой задницей сидел на стиральной машинке - не очень конечно, приятно, но терпеть можно, и смотрел на раздевающегося Александра. Домашний стриптиз в ванной - определённо самое неэротичное зрелище. - Да кинь на пол, он чистый, - махнул Дима рукой, глядя на то, как Александр тщетно пытается пристроить свой костюм на вешалке рядом с Димиными штанами и рубашками. И откуда их так много накопилось? Половина шкафа, как минимум.

- Ты и пол помыл? - улыбнулся Александр, следуя совету и сваливая свой дорогуший (ну а какой он ещё может быть?) костюм в углу между машинкой и корзиной для белья.

- Я же ждал тебя, кто знает, где тебя угораздит свалиться, - засмеялся Дима. Машинка опасно скрипнула, но мужественно выдержала ёрзанье.

- Твоя предусмотрительность меня восхищает и заводит, - Александр стащил Диму с насиженного места и затолкал под душ, несмотря на вялое сопротивление, включил воду. Прохладные струи ударили по плечам, и из груди вырвался невольный писк.

- Я уже мылся, - Дима попытался высвободиться из объятий Александра, но тот крепко держал его, прикусывая ухо, потом шею. - Целый час мылся! Даже кожа скукожилась на пальцах!

- Кукожиться - это судьба. Что там за миллион? Кого убил-ограбил?

Александр звонко чмокнул Диму в ключицу, вызвав бешенство мурашек и, как следствие, приступ неконтролируемого смеха. Какой миллион? Это было сто лет назад, и не с ним вообще.

- Наш проект выиграл конкурс в Эрлангене, и я получу в качестве приза бешеные бабки, - Дима вылил гель для душа на мочалку и стал возить по спине Александра сверху вниз, сверху вниз... Казалось бы, обычная процедура, как себя намыливать, так и его... Почти одно и то же. Вот только в животе быстро разгорался пожар, и руки предательски дрожали - надолго его не хватит.

- Сева отправил на конкурс? - Александр упёрся руками в стену и немного осел вниз, позволяя намыливать плечи. Дима судорожно вдохнул, глядя на его расслабленную спину, поясницу, упругие, спортивно подтянутые ягодицы. У Александра была идеальная атлетическая фигура, вызывающая сонм героических и эротических фантазий. Дима чувствовал, как его сознание растекается тонкой плёнкой по той мощи, что излучал стоящий перед ним человек. Это было больше, чем простое влечение, желание проникнуть, слиться. Дима не хотел секса, хотя он был уверен, что Александр бы позволил, он специально провоцировал, и поза, и расслабленность речи. Но этого было бы мало, Дима знал, что его жажду не утолить подобным соитием. А всё должно быть идеально. Прелесть и опасность игры в том, что каждый выполняет свои, заведомо определённые роли, и гармония получается, когда роль определяется тем, что человек хочет на самом деле. А хотелось принадлежать тому, кто владеет.

- Да... - выдохнул Дима едва слышно, мочалка выскользнула из руки и шмякнулась на пол, обрызгивая ноги перламутровой пеной. Перед глазами поплыли жёлтые круги, и в голове разверзлась необъятная пустота, готовая засосать в себя остатки сознания. Диму словно выкинули из самолёта, забыв прицепить парашют. Страшно и красиво. Плитка на полу поплыла куда-то в темноту.

Александр развернулся и вовремя успел поймать обмякшего Диму. Тот мгновенно пришёл в себя, вынырнув из неба, в которое он падал, и крепко ухватился за протянутые руки.

- Как же мне научить тебя заботиться о себе? - Александр вывел Диму из душа и усадил обратно на машинку. - Ты ел сегодня? Конечно, нет.

- Ел, - проговорил Дима и непроизвольно помотал головой, опровергая свои слова. - Кажется, ел... Или вчера, я не помню. Саш, со мной всё нормально. Просто устал...

- Я вижу, - Александр снял полотенце и накинул Диме на плечи, стал вытирать, одновременно мягко разминая, успокаивая. - Ты сильно похудел, и бледность уже не романтичная, а нездоровая.

- Некогда, весь в делах, заботах, - смущённо улыбнулся Дима. - Да и нервничаю... Всеволод Игнатьевич сказал показать черновой вариант, пришлось доделывать всё за два дня.

- Горе ты моё, - Александр поцеловал Диму в щёку и, слегка нахмурившись, сказал серьёзно: - Никто за тобой не гонится. У тебя было время до октября. А Севу не слушай, он всегда хочет быстро - плохая привычка. За ним не успеешь.

- Меня нужно контролировать, иначе я забываю о еде, воде и сне.

Дима благодарно погладил Александра по щеке и встал на ноги. Накинул на плечи халат и собрался выйти из ванной, чтобы и впрямь чем-нибудь перекусить до ужина, а то вдруг ещё отрубится в самый интересный момент, а хотелось быть бодрым долго. Но Александр задержал его на пороге, взял за руку, поцеловал запястье.

- Дима, я никуда от тебя не денусь. Пойми. Я хочу, чтобы ты мне доверял и не боялся.

- Я доверяю, - прошептал Дима, прислонившись лбом к груди Александра. - Дело не в этом...

- А в чём?

- Я не могу без тебя. Мне плохо... Физически плохо. Ты мой наркотик. Я тебя слишком сильно люблю. Хочу быть спокойнее, я понимаю, что это похоже на слабохарактерность или инфантильность, - мне пофигу, как это называется. Когда тебя нет рядом, в городе, я начинаю сходить с ума. И дело не в ревности, мне, правда, всё равно с кем ты спишь, когда уезжаешь надолго. Я стараюсь делать вид и думать, что не всё равно, что дело в ревности, собственничестве, что меня волнует твоя жена, эти мальчишки-модели, которые постоянно крутятся около, ну всё то, что должно бы волновать. Но, Саша... - Дима поднял голову и посмотрел Александру в глаза, - мне ДЕЙСТВИТЕЛЬНО наплевать. Я сознательно обманываю себя, ревнуя. Ревность - это так просто... так понятно и разрешимо. А я... меня нет без тебя. Я смотрю и не вижу, дышу и не чувствую, говорю, что-то делаю и вроде бы получаю одобрение, деньги, меня зовут работать в Европу, полгода назад я поехал бы, даже не раздумывая, но теперь для меня это пустые слова, в них ничего нет. И я горжусь собой и думаю, куда потратить деньги, что ещё я хочу, и понимаю, что ничего не хочу. Тебя хочу... вот чтобы ты всегда со мной возился, сюсюкал... целовал, трахал, да всё, что угодно. Можно и молча посидеть, ничего не делая.

Александр слушал внимательно, не улыбаясь, на дне его глаз вспыхивало что-то тёмное и тревожное. Он понимал, о чём говорит Дима, и ему явно не нравилось.

- Дима... - Александр взял Димино лицо в руки и ласково, по-отечески поцеловал в лоб. - Ты мой мальчик. Понимаешь? Мой. Моя птичка, красивая, талантливая, нежная. Люблю тебя, Дима. Женщина хочет, чтобы смотрели на неё, мужчина - чтобы смотрели с ним в одну сторону. Я смотрю на тебя и вижу мир, в котором нет ни моей, ни твоей стороны. Мир яркий,

цельный и глубокий, и я люблю его. Я принимаю его, восхищаюсь и хочу сохранить нетронутым. Я всё сделаю, чтобы сохранить его и тебя.

- Спасибо, Саша... - Дима глубоко вздохнул и широко улыбнулся. - Может, поедим перед битвой? А то есть опасность потерять одного бойца.

- Обожаю твои пельмени.

- Почему пельмени? - Дима прикусил кончик языка и игриво подмигнул. - Я же ждал тебя - купил котлеты.

Душная мягкая подушка гасит громкий стон, и тело непроизвольно выгибается, приподнимаясь, стремясь навстречу, попадая в заданный ритм. Движения перетекают одно в другое, пальцы судорожно хватаются за край подушки, чтобы удержаться. Так сильно влечёт в туманную влажную глубину, одно движение, и она поглотит, благодарно примет в себя и будет плавно качать, как в колыбели. Александр дышит в шею, целует, прикусывает слишком чувствительную кожу, тянет на себя. Тело пронзает дрожь, и новый стон срывается с губ. Александр ускоряется, ему нравится, когда Дима не сдерживается и громко стонет. Провоцирует и сам заводится ещё больше. Можно приподняться, выгнуться, отклониться назад, скользнув рукой по напряжённому бедру, сжать, царапнуть. Александр придерживает Диму, гладит грудь, сжимает кончиками пальцев соски, спускается ниже. Дима уже не сдерживается, голос срывается на хрип, пальцы переплетаются, скользят вместе, сжимают, ласкают друг друга и горячую плоть, помогая быстрее достичь пика.

Александр мокрый, Дима прижимается спиной к его груди, откидывает голову на плечо, судорожно хватая ртом воздух. Сухие, словно обветренные губы Александра накрывают его рот. Неудобно, мышцы шеи тянет - больно, но прервать поцелуй нет сил, - остро, откровенно, и боль, как экзотическая приправа, пульсирует в кончиках пальцев. Хочется усилить эффект, Дима прикусывает нижнюю губу Александра, слышит, как тот глухо рычит, подыгрывает, тоже начинает кусаться и тут же зализывает место укуса.

В этот раз накрывает медленно, растекается мелкой дрожью по венам, пульсирует под кожей, раскручивает жар внизу живота, нагнетает, нагнетает... Сознание уплывает вслед за движением. Кажется, что это чёртово колесо, весь мир летит вниз, вниз... страшно от того, что нельзя остановиться, а можно только падать, падать, и земля уже близко, и вот-вот будет столкновение. Дима зажмуривается, вскрикивает, и в одну секунду взлетает. Свет ослепляет на миг, и становится спокойно и полно. Умиротворение наполняет лёгкие, течение несёт мягко и бережно, качает, как целое море воздушных шариков.

- Покурить... бы, - не хочется шевелить ни пальцем, и ресницы слипаются, но жалко тратить время на сон, надо курить или целоваться. Дима тянет Александра за руку, чтобы он сам догадался и не позволил ему уснуть.

- Спать хочешь, - Александр целует, едва касаясь губ, языка, кромки зубов. - Спокойной ночи, моя птичка.

- Саааш... - протянул Дима, пытаясь изобразить недовольство, но не получилось. Сладко зевнув, он только закрыл глаза, думая, что сейчас откроет и будет требовать бодрствовать... Мысли смешались, краски выцвели, и мир оплыл, растворился, исчез.

Дима открыл один глаз, в комнате было темно - шторы задвинуты. В соседней комнате монотонно пищал ноутбук.

- Постоянство – это хорошо... - потянулся Дима и вновь задремал. Выходные, ура!

Часть 21. Игры

Александр улетел в среду, обещав вернуться в начале следующей недели. Судебный процесс подходил к концу. В понедельник последнее слушание, а потом возвращение домой. Команда Александра выигрывала, и Дима искренне желал ему успеха, а тот в свою очередь поздравлял его с выигрышем в конкурсе – на работу Дима вышел только в среду.

- Я рассталась с Вадиком, - гордо заявила Лида, как только Дима на автопилоте зарулил в кабинет. Лучше бы вообще не спал, чем те два часа, на которые Александр буквально насильно затолкал его в кровать и заставил там спать!

- Зашибись, - протянул Дима и откровенно зевнул. - Ты монстр.

- А ты такой отзывчивый, дорогуша, - недовольно хмыкнула Лида и закусила губу. Обиделась.

Дима мгновенно проснулся. Лида обижалась крайне редко, знать, был явный перебор с бесчувственностью.

- И правильно сделала, что бросила, - Дима подошёл к девушке и положил руки на напряжённые плечи, помял бережно. - Ты достойна лучшего ухажёра, даже этот унылый бухгалтер, который краснеет каждый раз, заходя в кабинет, лучше, чем электрик со стажем.

- Почему? - Лида опустила голову и блаженно вздохнула, расслабляясь под чуткими пальцами.

Дима чуть сильнее надавил на основание позвоночника, и Лида громко охнула, съёживаясь, а потом засмеялась, удивившись своей реакции.

- Потому что ему не всё равно, что ты о нём думаешь.

- Он милый, - вздохнула Лида. - Цветочки дарит, в кино приглашает. А я всё никак не соображу, что мне от жизни надо. Сложно выбирать, когда чувств нет.

- Напротив, - Дима погладил Лиду по плечам и отодвинулся. - Когда есть чувства, выбирать очень болезненно.

- И кого ты выбирал?

- Я стиль жизни выбирал, а не человека. Человека мне подарили.

Лида взяла Диму за руку и крепко сжала пальцы.

- Глядя на тебя, Димулька, я стала верить в лучшее. В сказки какие-то глупые... Мелодрамы смотрю, песенки слушаю. И нравится... Пусть у вас всё будет хорошо.

- Будет, обязательно будет, - улыбнулся Дима и подумал, что такой уверенности в нём давно уже не было. Когда Александр приедет, он предложит ему жить вместе. Можно жить в Диминой квартире, можно купить новую, построить дом, где-нибудь за городом, маленький, предрасположенный к бардаку, с подвалом для «Гибсонов». Планы, достойные героини романтической мелодрамы. Дима усмехнулся, оборвав себя на мысли о собаке, которую хотел завести ещё в детстве. Такого большого чёрного ньюфаундленда, похожего по характеру на Александра, чтобы в следующий раз, когда тот соберётся уехать, с Димой остался бы его клон.

И ничего сложного. Хочется – делай. С понедельника начнётся новая жизнь!

- Привет, Дима. У нас тут игра намечается – «Дозор». Слышал? – Юра позвонил ни свет ни заря, когда Дима пытался понять, что же день грядущий ему готовит – смотрел общеобязательный гороскоп по Первому каналу. «Если вы хотите добиться успеха, то дерзайте. Сегодняшний день как никогда подходит для совершения смелых поступков и принятия ответственных решений. То, что вы выберете сегодня, отразится на вашем дальнейшем будущем...» Дима вяло жевал бутерброд и думал о том, что хоть и не верит он в гороскопы, но на всякий случай не стоит делать резких движений, а то и впрямь вдруг что где отразится.

- Слышал, – ответил Дима, на что Юра издал нечленораздельный звук, который можно было расшифровать как радость. – Моя бывшая жена играла пару раз, рассказывала.

- Отлично! В команде «Жуки» есть два места, меня пригласили, а я тебя приглашаю. Ты как? Занят с субботы на воскресенье?

Дима подумал, что поспать в выходные было бы конечно, неплохо. Но, вспомнив о том, что, скорее всего, придётся всю ночь сверлить взглядом потолок и фантазировать о будущих собаках, домах, поездках в красивые места и сексе, Дима решил согласиться. В конце концов, это интересно, и время пройдёт быстрее.

- С правилами ознакомишь, тогда подумаю.

Включив воду, Дима сполоснул посуду и поставил тарелку с чашкой вверх дном на полотенце, чтобы вода сама стекала. Вытирать было лень. Юра долго и нудно объяснял правила, запинаясь и отвлекаясь на рассказы о каких-то курьёзных случаях, произошедших во время прошлых игр. Кого-то там забрали в ментовку, кто-то упал с высоковольтного столба и сломал ногу, одна девочка свалилась в яму с битым шифером и серьёзно порезалась. Двое получили воспаление лёгких, трое лишились прав... но, в общем и целом, игра прикольная и совсем не опасная, просто не надо терять голову и наглеть. Только вся сложность состояла в том, что кто не наглеет и не теряет голову, тот не выигрывает. Дима покачал головой, слушая предостережения Юры и готовясь ко всяким неожиданностям. Дима любил неожиданности и рисковать тоже любил. А у Юры определёнno был талант приглашать, каждый раз Дима не мог отказать, так всё это здорово и азартно звучало.

- У тебя ноут есть?

- Угу.

- А машина?

- Ага...

- А чего нет? – засмеялся Юра, в трубке зашипело.

- Секрет, – улыбнулся Дима, плеснув апельсиновый сок в стакан. В носу защекотало от резкого цитрусового запаха, и во рту мгновенно скопилась слюна.

- Заедешь ко мне в субботу в пять вечера, я познакомлю тебя с Егором и Паоло, один капитан команды, а другой наш навигатор.

- К тебе – это куда? – Дима сделал глоток и чуть не поперхнулся, осознав, что сморозил несусветную глупость, спросив, где живёт Юра. В замке графа Дракулы, где же ещё.

- В Загородный, - неуверенно протянул Юра. - Ты у нас не был?

- Был... - стушевался Дима, поставил бокал с соком на край стола и посмотрел в окно. На улице шёл дождь, по тротуару вдоль дома напротив бежала маленькая девочка в ярком платье. Ткань лёгкой цветастой юбки липла к тонким коленкам, сдерживая движение. Смешная девчонка. В сознании вспыхнула мысль, что что-то не так... в систему закралась ошибка, вирус. На миг тревожное чувство сжало сердце. А потом мысли поменяли своё направление и страх рассеялся. - Пару раз.

- Если не вспомнишь дорогу, позвони, я объясню.

- Ладно, надеюсь, что вспомню.

Дима положил трубку и взял бокал. В голове вновь и вновь прокручивалось это Юрино «у нас не был?..» Неужели этот дом-музей кто-то может считать своим домом? Дима не верил, что это возможно. Или Юре больше нечего считать своим домом?

- Привет, Дима, - Юра открыл дверь и пропустил Диму в знакомый коридор с дурацким уезжающим из-под ног ковриком. На этот раз коврик никуда не уехал, и Дима, быстро разувшись, прошёл в коридор, ведущий в гостиную комнату, откуда слышались весёлые повышенные голоса.

- Как много Егоров и Павлов, - улыбнулся Дима, приглаживая слегка отросшие волосы, которые теперь всё время торчали в разные стороны и делали Диму похожим на включенного воробья.

- Мама вчера приехала с Барсиком, - Юра взял принесённый Димой ноутбук и подбадривающее похлопал его по плечу. - Я сейчас вас познакомлю.

Дима замер на пороге, уставившись на проход в комнату. Звонкий женский смех вызвал в нём мгновенный приступ паники. Жена Александра здесь... Та самая жена Александра. Дима поборол в себе предательское желание развернуться и уйти, но трусость никогда не входила в список его дурных привычек и, набрав в грудь побольше воздуха, Дима пошёл следом за Юрой. В конце концов, эта женщина много значит для Александра и априори заслуживает уважения. А уж про интерес и говорить не приходится. Дима думал, что сгорит от любопытства на подходе.

- Добрый день, - поздоровался он, осматривая расположившихся в комнате людей. Двое легко и просто одетых парней сидели на кожаном диване, между ними лежал ноутбук. Они синхронно кинули на вошедших открытые и светлые взгляды: Егор и Павел, представил их Юра. Дима проникся симпатией к ним с первого взгляда. В кресле рядом с диваном сидел худой парнишка лет восемнадцати на вид, белобрысый и кудрявый, очень похожий на ангельского модельку Андрюшу. Мальчик осмотрел Диму с ног до головы, оценивая, и, сдержанно улыбнувшись, кивнул в знак приветствия. Мальчика звали Илья. Напротив него, тоже в кресле, сидела стройная маленькая женщина, уютно подвернув под себя ноги в тёплых вязаных носках. На её тонкую бледную шею стекали светло-каштановые густые волосы, завитые крупными кольцами. Она внимательно изучала какие-то распечатки, и когда Дима с Юрой вошли в гостиную, подняла на них острый как бритва взгляд ярко-голубых глаз. Выглядела она очень молодо и высокомерно. Дима почувствовал, как пальцы задрожали, и он слегка их встряхнул, чтобы снять напряжение.

- Здравсти, - поздоровалась она и по её полноватым коралловым губам скользнула снисходительная усмешка искушённой во всех вопросах женщины. - Пришла новая партия

авантюристов. И кто из вас на машине поедет?

- Дима поедет, - кинул Юра, проходя в комнату и усаживаясь на край дивана. Егор поднял ноутбук себе на колени, освобождая место для Димы.

- А права у тебя есть? Дима, - женщина смотрела, не моргая, словно читала его как раскрытую книгу, что он здесь делал, когда её не было, как он относится к её мужу, что он собой представляет... на что вообще рассчитывает.

- Есть, - Дима прислонился к косяку плечом и сложил руки на груди, невольно закрываясь. Ему казалось, что он стоит перед женой Александра обнажённый и насквозь открытый. - Уже лет пять как есть.

- А-а, - протянула она, возвращаясь к распечаткам. - Значит, уже большой мальчик. Я могу спать спокойно, отпуская с тобой своего сына.

- Ириша, оставь их в покое, пусть развлекаются, - мальчик-Илюша подал голос, и он у него оказался низким и весьма приятным. С лёгким латышским акцентом. - Я бы тоже поехал, если бы было место.

- А я останусь одна, сторожить твои тапки? Барсик, даже не мечтай, - Ира хмыкнула и окатила мальчика недовольным взглядом.

- Ира, ты сегодня вредная, - мальчик картинно надул губы, но Дима чувствовал, что это просто игра, и никакой обиды не было. Дима не понимал, сколько ему лет, и могло оказаться сколько угодно - от восемнадцати до тридцати.

- Вот спасибо, дрогой, я тебя тоже люблю, - женщина встала с кресла и плавно оправила подол чёрной вельветовой юбки, обтягивающей её стройные округлые бёдра. Дима поймал восхищённые взгляды сидящих на диване парней. Столь непосредственная реакция вызвала у него невольную улыбку, которую он поспешил спрятать, пока Ирина не заметила. Интересно, знает она или не знает? - Приглашаю на ужин. Я сегодня за хозяйку, поэтому ничего кроме похвалы и пустой посуды не принимаю.

- Мам, - Юра поспешил встать с дивана, оказавшись на голову выше матери. - Я тебе помогу.

- Ну рискни, - улыбнулась Ирина и, проходя мимо Димы, посмотрела на него, слегка прищурилась. По спине потёк холод, и руки опять задрожали. Она знает. - Дима, вы любите жульен?

- Да, люблю.

«А моего мужа?» - словно спрашивал её взгляд.

«Да, как и вы...» - отвечал Дима.

«Я - нет, а ты попался, мальчик».

Ирина вышла из гостиной, вслед за ней широким шагом поспешил Юра. Они над чем-то посмеялись в коридоре. А Дима всё думал и думал об этом тяжёлом, сочувствующем и всезнающем взгляде. О чём знает Ира, что Дима ещё не понял?

- А ты с Александром Владимировичем работаешь? - подал голос тот, кого называли Барсиком. Вне поля зрения Ирины он казался на удивление взрослым и серьёзным. Дима решил, что всё-

таки Илья старше него, и не так глуп, как показалось на первый взгляд.

- Да, я проектный дизайнер в «Спектре».

- Интересная работа, - включился в разговор Егор и, сложив свой ноутбук, стал убирать его в чехол. - Я сам инженер по теплокоммуникациям. Дома проектируешь?

- Когда как. Мой последний проект - супермаркет, - Дима хотел рассказать и про конкурс, который он выиграл, но почему-то не стал. Он чувствовал, что этого не нужно делать - чужой успех заставляет думать лишние мысли.

- Тоже нужная вещь, - засмеялся Павел и, достав из заднего кармана сотовый телефон, набрал номер. - Люд, мы через час будем на месте. Поторопи там всех, чтобы не растягивались долго, а то в прошлый раз из-за Женьки потеряли время.

За обедом-ужином Барсик воодушевлённо рассказывал о недавней своей поездке в Тайланд, как он где-то заблудился и, встретив аборигенов, нашёл с ними общий язык. Они его поили местным алкоголем, а он танцевал для них чечётку. Рассказывал Барсик увлекательно и смешно, бросал на Ирину откровенно влюблённые взгляды. Для неё старался. Это было чертовски мило. Дима чувствовал себя как никогда неуместно.

- Дима, а вы не думали о карьере за границей? - Ирина отрывала мелкие кусочки от листа салата и вальяжно отправляла их в рот. Медленно пережёвывала, не моргая глядя на Диму. - Слышала, русские дизайнеры там в чести. Наблюдается взрыв русотворчества во многих областях культуры.

- Думал, - согласился Дима, постукивая кончиком вилки по столу. - Но языковой барьер для меня непреодолим.

- Привыкните, - пожала Ирина плечами. - Всем так кажется поначалу, а потом привыкают. Или вы не хотите строить карьеру в принципе?

Дима задумчиво повозил вилкой в тарелке с салатом.

- Да, пожалуй. Мне хватает того, что я имею.

- Счастливый человек, - искренне восхитилась Ирина. - Тогда и не начинайте думать. Потом сложно будет остановиться, говорю как эксперт, - она подмигнула Диме и молча протянула Барсику, сидящему напротив, свой пустой бокал. Мальчик мгновенно сориентировался и долил ей рубинового вина. Надрессированный, подумал Дима, но по-доброму. Ему нравилась эта пара, и те роли, которые они со вкусом играли. В этот момент Дима подумал, что Ирина похожа на Вику. Её мудрый глубокий взгляд, неспешная речь и тотальное понимание сложившейся ситуации. Она обволакивала всех собравших за столом мужчин своим тонким обаянием и чувственностью. Всем было приятно находиться рядом с ней. Но что-то не позволяло Диме расслабиться окончательно, что-то во взгляде Ирины каждый раз, когда она смотрела на него, заставляло вжать шею в плечи и сидеть молча, стараясь двигаться как можно меньше. Эта женщина никого не любила, и считала это своим достоинством - привет из мира Александра. Из того самого мира, который живёт по другим, неизвестным Диме законам.

Дима вздохнул облегчённо, только когда сел в свою машину и завёл мотор.

- Мама не знает о вас с отцом, я забыл предупредить, - Юра посмотрел на Диму, извиняясь.

- Она знает, - улыбнулся тот, обходя справа чёрную «Тойоту». Сердце забилось быстрее. Блеснувший на солнце капот весело ответил Диме - «привет»!

- С чего ты взял? Я ей не говорил...

- Сама догадалась, я думаю. У женщин интуиция лучше развита, наверное... - Дима пожал плечами. Он знал, почему Ирина догадалась, - прочитала по лицу. Но объяснять Юре не хотелось. Вообще обсуждать эту тему с Юрой не хотелось, несмотря на то, что тот явно был не против услышать пространные рассуждения на тему разницы мужского и женского восприятия.

К тому времени, когда Дима с Юрой подъехали к условленной штаб-квартире команды, пошёл дождь. Мелкий, холодный, он словно колотся, как после долгого сидения на одном месте - мышцы начинают неприятно покалывать. К ночи обещали ливень.

Штаб-квартира располагалась в школьной библиотеке, где работала Люда - девушка Павла. Кроме уже знакомых Диме игроков в просторном читальном зале собралось ещё десять человек. Пять девушек и пятеро парней с горящими азартом лицами. Они что-то рьяно обсуждали и даже не посмотрели на подошедших.

- Егор! - крикнула рыженькая девчонка и подпрыгнула на месте, зазывно помахала рукой, чтобы Егор подошёл к ней. - Мы получили задание. Это по твоей части, санскрит. Посмотри.

- О! - Егор перепрыгнул через стоящие на его пути какие-то пакеты и мешки с одеждой и подбежал к девушке. Стал активно разгадывать присланный ребус, пытаясь пригладить взлохмаченную густую шевелюру. У них с рыженькой девушкой явно намечался роман.

- Игра началась, - шепнул Юра. - Сейчас нам выдадут приблизительные координаты, и мы поедem на задание.

Дима широко улыбнулся и подошёл к склонившимся над одним ноутбуком игрокам.

- У меня есть ещё один ноут, можно его использовать. Интернет мегафононский, - предложил он. Народ одобрительно загудел, и тут Дима окончательно понял, что игра началась.

Как они попали в этот привокзальный район, Дима помнил смутно. Каждые пять минут звонила Люда и командовала менять направление. Сначала они ехали к химическому заводу, потом резко развернулись и понеслись в реку, увязли ненадолго в грязи, а потом вынырнули в тёмный проулок, ведущий к частным домам, построенным веке в тринадцатом, никак не позже - так страшно и уныло они выглядели. Появлялись новые данные, ориентиры отгадывались.

Машина остановилась около заброшенного дома, черневшего трёмя разбитыми окнами и распахнутой дверью чердака. Дождь уже лил как из ведра, наполняя колдобины разбитой дороги ледяной мутной водой. Один-единственный фонарь в конце вымершей улицы болезненно вздрагивал и, по всей видимости, уже давно дышал на ладан.

Дима заглушил мотор и накинул на плечи выданную в штаб-квартире куртку работника дороги. Это было обязательное условие - у команд «Дозора» была договорённость с ментами, чтобы они не задерживали людей в ярко-рыжих дорожных куртках. Видимо, прецедентов было так много, что пришлось заключить перемирие.

- Фонарик захвати, - сказал Дима, вылезая из машины, - и лопату на всякий случай.

- Лучше топор взять, он функциональнее, - Юра запутался в рукаве куртки и раздражённо шипел сквозь зубы.

- Топор тяжёлый. Лезть вверх будет трудно.

- Я полезу, а ты мне светить будешь, - серьёзно ответил Юра, а потом громко рассмеялся. - Кто бы нас послушал, помер бы от страха!

Дима прыснул от смеха, но тут же осёкся. Ему показалось, что в чернеющем ослепшем окне мелькнула чья-то тень. Страх перехватил горло, и в животе всё сжалось.

- Ты чего? - Юра подошёл к замершему на подходе Диме и бухнул руку на плечо так неожиданно, что тот чуть не подпрыгнул на месте. - Страшно? - нервно хихикнул Юра, очевидно, что стрёмно было не только Диме.

- Да иди ты, - Дима отвёл плечо и первым шагнул в висевшую на честном слове драную дверь. Скрипнули несмазанные петли, и звук неприятно отозвался где-то в глубине груди. - Посвети.

Бледно-голубой свет фонарика выхватил из темноты тесной комнаты обугленную уродливую стену с остатками обоев в мелкий цветочек, железный остов кровати и непонятную штуку, напоминающую советскую этажерку. Если Люда правильно назвала координаты, то на одной из стен именно этого дома должен быть написан код. Дима, опасливо ступая по ворчащим под ногами доскам, вошёл внутрь и, когда Юра мазнул светлым пятном по потолку, заметил белые цифры - «778».

- Стой, - вскрикнул Дима, широко шагнув в комнату, - на потолке.

- Стой! - Юрин крик утонул в треске ломающих досок. Диме показалось, что земля ушла у него из-под ног. Правое колено пронзило острой болью, и он едва успел вцепиться в протянутые руки Юры. - Ты совсем чокнутый?! Куда тебя понесло?

Они замерли на пару секунд, тяжело дыша и не двигаясь. Юра крепко держал Диму за руки и когда тот перестал проваливаться дальше, потянул на себя. Дима выбрался из дыры, в которой увязла нога, и тщательно ощупал колено. Боль отступила, видимо, просто порезался.

- Азарт, твою мать... - хрюкнул Дима, давясь от смеха. Страх отступил, осталось только нервное возбуждение. - Звони Люде, код - 778.

- Ты просто полный придурок, Дима. Я думал, ты башку себе тут свернёшь, - Юра вышел из дома и набрал номер Люды, назвал код. А потом посмотрел на прихрамывающего Диму и восхищённо выдохнул: - Отчаянный парень.

- Поведёшь машину немного? - Дима сел на место рядом с водительским и стащил с себя мокрую куртку, закинул на заднее сидение. Кожу на коленке саднило. Он закатал штанину, чтобы осмотреть рану.

- Больно? - Юра подошёл к нему и опустил на колени, тоже рассматривая порез, вокруг которого уже собрались тёмно-красные капли. Дима смахнул их пальцами и раскатал штанину обратно, поймав растерянный и сочувственный взгляд Юры.

- Выживу, не парься. Поехали, вдруг ещё на какое-нибудь задание успеем.

На задание они не успели. Успели на культурную пьянку ночью в библиотеке. Пьянка плавно

перетекла в дом к Юре, куда он радушно пригласил всех «дозорных». Ирины с Барсиком не было. Они ушли на танцы, сообщил Юра напрягшемуся Диме. И потому отказавшихся от приглашения не нашлось.

Кто-то достал из рюкзака коробок травки, и Юра принёс две бутылки абсента. И то и другое было встречено громкими криками одобрения. Игра пошла по-крупному.

- Я... своего отца люблю, - заплетающимся языком говорил Юра, обнимая Диму за плечи. Упитые и укуренные вусмерть дозорные расплзлись по разным комнатам, благо их было много и каждому нашлось место. Они же сами сидели в той спальней комнате с дизайнерской кроватью посередине, которую Дима ненавидел всеми фибрами своей души. Сесть на это чудо дизайнерской мысли не решался даже Юра. - А ты?

Дима слегка затянулся сделанным Юрой косяком, в лёгких образовалась тяжесть, - дышать было трудно, а соображать и того сложнее, - и согласно кивнул.

- Люблю... - выдохнул он, и голова куда-то понеслась, лёгкая-лёгкая, пустая-пустая... вперёд, со скоростью света. - Больше всех люблю.

- Мой отец, он... знаешь, какой крутой?! Он круче всех. Он в Латвии всех в кулаке держит, и здесь тоже держит... Я хочу быть таким же как он... хочу, чтобы он мной гордился. Чтобы он приезжал домой, когда возвращается, а не к тебе. Понимаешь? Ты же любовник... просто любовник. У него их столько было, но он никогда нас не бросал из-за любовников. Я не знаю, что с тобой делать, Дима... Ты классный, ты такой, ****ь, красивый! Понимаешь меня, Дима? Но он мой отец... - Юра взял протянутый Димой косяк и втянул в себя дым - последняя затяжка. Потом затушил окурок о стену и затолкал под ковёр. - И я хочу, чтобы он мной гордился...

- Он гордится, гордится всеми нами... - хмельно хихикнул Дима, не услышав и половины того, что говорил ему Юра, и сполз по стене на пол. Хотелось растечься водой по полу. Свет горящих ламп распадался на осколки, словно витражи. В детстве у Димы был маленький калейдоскоп - смотришь в дырочку, крутишь, и разноцветные стёклышки складываются в причудливые фигуры, каждый раз разные. Это было волшебством. Дима часто моргал, и блики на лампах были как те самые стёклышки... складывались, разбежались, менялись местами, перетекали... синие, красные, жёлтые... А он сам тёк, как та река во Флоренции, и Александр держал его за руку...

Юра склонился над ним и заглянул в глаза. Дима улыбнулся ему и опустил ресницы, в глазах напротив отражались стёклышки калейдоскопа - красиво...

- Отец целует тебя в губы?.. - прошептал Юра и, не дожидаясь ответа плавающего в эйфории Димы, наклонился ещё ниже и жадно поцеловал.

Калейдоскоп распался, Дима инстинктивно сжался, пытаясь отстраниться от навязчивого прикосновения. Что-то пошло не так, случилось что-то плохое... Распахнув глаза, он встретил безумный чёрный взгляд Юры, его раскрасневшееся, пышущее жаром лицо было искажено ужасом. Дима рванулся в сторону, ударился макушкой об стену - больно. Отрезвляет.

- Ты совсем спятил? - задохнулся возмущением Дима, хватаясь руками за голову. Тупая гудящая боль расплзалась от места удара вниз к вискам, и в глазах зашипало от страха, боли и обиды. - ****ец какой-то...

- Дима... - Юра растерянно хлопал глазами и пытался тоже потрогать Димину голову, словно от

этого прикосновения зависело: станет Диме легче или нет. - Прости... Дима... Это само... я...

- Да пошёл ты, - прошептал Дима, поднимаясь на ноги. Стена, о которую он пытался опереться, норовила провалиться куда-то в тартарары и увлечь его за собой. И пол был мягким, вязким, а ноги ватными и одновременно тяжёлыми, словно скованными по всей длине. - Ты же не такой... на хрен ты лезешь? Ну на хрен, блин...

Юра продолжал сидеть на полу, обхватив голову руками и раскачиваясь взад-вперёд как китайский болванчик. Дима чувствовал, что его стошнит от вида этих неврастенических раскачиваний. Господи... и почему же так трудно идти? Ноги передвигались с трудом, и тело штурмило как на корабле, попавшем в бурю. Дима шёл, опираясь о стену одной рукой, а второй держался за голову. Сознание периодически отключалось, и казалось, что он засыпает и его уносит всё время вверх, вверх... Дима всеми силами старался держаться в ускользающей реальности, пока не забыл, что ему нужно уйти из этого дома, от Юры с сорванной башней. Он опасный, опасный... Дима через тысячу лет спустился с лестницы и окончательно забыл о том, что случилось в комнате, почему голова болит? И что такое голова? Единственное, что осталось - импульс уйти отсюда, неосознаваемый инстинкт самосохранения. Бежать, бежать, куда угодно. Он открыл входную дверь, и резкий порыв мокрого ветра ударил в лицо. Дождь разошелся на всю катушку. Ветер раскачивал деревья, и те уныло стонали, словно им тоже было больно. Дима съёжился, обхватив плечи руками. Мир сузился до радиуса взгляда. Что Дима мог видеть, то и было миром. И это был убогий, враждебный ему мир, из него хотелось поскорее убраться ко всем чертям. Сознание опять выключилось. Александр приехал и звонит в квартиру, нужно открыть. Он соскучился... Дима подбегает к двери, замок не поддаётся, он психует, матерится, ну давай же! Давай же, открывайся! Наконец замок поддаётся, дверь распахивается, но за ней никого нет. Дима явственно слышит голос мамы, которая давным-давно говорила о том, что если послышится стук или звонок в дверь, а когда смотришь в глазок, никого не видишь - не открывай, не к добру... не открывай, Дима. Не открывай.

- Дима, ну куда ты идёшь? - Юра тряс за плечо и пытался остановить. Дождь разбивал бесцветный мир на сотни осколков, и они резали кожу, пронзали насквозь, до самого сердца.

- Отвали от меня, - устало выдохнул Дима, вновь выныривая из зеленоватой дымки наркотического дурмана. В ушах всё ещё слышалась трель звонка, словно наяву. И холод из распахнутой двери, а Саша так и не пришёл... Дима всхлипнул и смахнул воду с лица. Хотелось умереть, так стало тоскливо и страшно одному в целом мире... Ну почему он не пришёл? Дима так ждал, что дышать не хотелось без него...

- Дим, пошли в дом, ну прости меня, Дима... ну хочешь, ударь меня, набей морду, только пошли обратно, простудишься, ты же весь мокрый, - Юра тащил его за руку обратно туда, где холодно и пусто, в темноту. - Я не буду... я больше не буду приставать к тебе.

- Я хочу домой, - Дима остановился посреди улицы. Он стоял по щиколотку в луже в одних носках и никак не мог сообразить, что же делать. Что он ДОЛЖЕН со всем этим делать, а слёзы всё никак не прекращались, а может быть, это были не слёзы, а просто дождь. - Домой хочу...

- Пошли домой, ну пошли... - вкрадчивый голос, такой приятный, такой знакомый... И если закрыть глаза, то можно увидеть любимое лицо. Александр, он улыбается, он пришёл, чтобы забрать Диму домой.

- Хорошо... так хорошо, - улыбнулся Дима в ответ своему видению, поворачивая назад. Вода хлюпала под ногами и лилась сверху, кругом была вода, холодная, колючая, а внутри было

тепло, жарко, хотелось прижиматься к родному телу и целоваться, целоваться... Саша здесь, он ведёт его домой, и можно, наконец, отдохнуть.

Небо раскрылось над головой, и любви было много, так много, что она сочилась из розовых рассветных облаков, текла яркой радугой на землю, падала крупными хрустальными каплями вниз. И тело земли впитывало нежность и блаженство, принимая в себя всю любовь, что дарило ему небо.

- Я люблю тебя... - шептал Дима как заклинание, подходя к закрытой двери и распахивая её вновь, - Саша...

Тишина пустого коридора оглушила в ответ. И Дима проснулся.

Часть 22. Утром

В комнате было светло. Дима открыл глаза и первое, что он увидел, был Александр. Он стоял около окна и курил. Пепел с его сигареты словно в замедленной съёмке падал на пол. На красивый чистый пол, Александр даже не смотрел на него. В груди всё сжалось и заледенело, сознание ещё не успело сориентироваться, но душа, или что там принято считать ответственной за чувства, уже знала, что всё самое страшное, что могло случиться, уже случилось. Пепел сыпался в лучах утреннего солнца, пробивающихся сквозь лёгкий тюль, а Александру было всё равно, он глубоко затягивался и неотрывно смотрел в окно. И столько разочарования и боли было в его взгляде, что Дима невольно зажмурился так сильно, что слёзы выступили на глазах.

Только бы это было сном... Проснись, Дима, проснись.

Сзади за спиной послышался тихий сонный вздох и тяжёлая рука опустилась на плечо, сжала его и расслабилась. Юра что-то пробормотал Диме в макушку, но не проснулся. Александр повернул голову в сторону кровати и, выдохнув дым, затушил окурок в стоящей на подоконнике пепельнице. Дима смотрел на Александра и не смел моргнуть, он больше ничего не смел. Всё закончилось. «Прости... прости меня, пожалуйста...» Сказка разбилась. И грязные мутные разводы на поверхности сознания, пыльное утро и серый пепел.

- Собирайся, я отвезу тебя домой, - тихо и убийственно спокойно сказал, наконец, Александр, неотрывно глядя Диме в глаза. Взгляд не был рассерженным или шокированным, это было и невозможно по сути. Александр никогда не злился. Он просто смотрел усталым и очень-очень взрослым взглядом человека, привыкшего к разочарованиям.

Дима судорожно вдохнул воздух, и лёгкие с трудом пропустили его внутрь. Они не хотели дышать, не хотели начинать день с такой боли. Дима сел на постели, голова была словно чугунная. Юрина рука соскользнула с его плеча и легла на обнажённое бедро. Дима смотрел на неё как зачарованный: на синие вены, рельефно оплетающие широкую загорелую ладонь. Вчера он позволил этим рукам сломать то хрупкое и бережно охраняемое Александром равновесие. Позволил... В голове было пусто и тяжело. Ни одного вопроса, ни одного ответа.

Дима потёр ладонями колючие щёки и, дотянувшись, вытащил из-под Юры свои брюки. Они всё ещё были влажными. Кажется, вчера он промок. Хотел уйти домой, но так и не дошёл. А ночью было тепло и... вместе... Вместе с кем? Черт, чёрт, чёрт!

- Я удивил тебя так, что ты потерял дар речи, - горько усмехнулся Дима, поднимаясь с кровати и натягивая на себя мятую футболку, которую подобрал с пола. Холодная сырая ткань словно цапала горящую от стыда и страха кожу. - Я тоже умею держать обещания.

Александр смотрел, как Дима одевается, сложив руки на груди и не меняясь в лице. Чёртова выдержка, истинный айсберг. И все его желания под чёрною водой.

- Я вижу. Твой ноутбук уже в машине.

- Предусмотрительно, - прошептал Дима, закусил губу, пытаясь сдержать подступающие к горлу слёзы. Не сейчас. Только не при Александре. Хватит с него. - А моя машина тоже в машине?..

- Потом заберёшь, как-нибудь.

Александр прошёл по комнате, не касаясь Димы, и открыл дверь, подождал его на пороге. Из кухни доносились весёлые голоса Ирины и Барсика, они обсуждали какую-то нелепую рекламу и девочку-модельку, которая постоянно забывала текст и несла какой-то бред. Ирина смеялась, высоко и звонко. Человек, никогда не предававший, всегда смеётся открыто. Дима не хотел встречаться с ними, а Александр, кажется, наоборот. Он оставил Диму в коридоре, а сам завернул на кухню, что-то сказал тихо, и смех мгновенно смолк. Барсик ответил: «Как хочешь, можно и так». Больше никто не смеялся.

Дима обувался, стараясь не производить ни единого лишнего звука. Он потом всё скажет, всё объяснит, как было на самом деле, что он ничего не понимал, что он думал только об Александре, только его целовал, только ему бы позволил... Такой несусветный бред. Он и сам в него не верит теперь.

- Саша... - Дима остановился, натянув одну кроссовку, и прислонился лбом к плечу стоящего рядом Александра. - Саша... - едва слышно. И больше ничего. Никаких просьб, никаких оправданий. «Что теперь, Саша?..»

Долгожданная рука мягко коснулась Диминой головы и провела вниз по шее.

- Тебе надо отдохнуть, - почти ласково проговорил Александр. Дежурная фраза, по телу пробежали противные мурашки.

Он не добавил «птица моя», в отчаянии подумал Дима. И в ушах зазвенело от одиночества и пустоты, словно все силы вышли из тела, оставив лишь тянущую боль в мышцах. Лишь боль напоминала о том, что жизнь продолжается, и что Дима всё ещё рядом с Александром, но уже так далеко. Дальше, чем был в самом начале.

Солнце слепило глаза, и Дима прикрывал их рукой, чтобы не видеть, как красиво было на улице после прошедшего ночью дождя. Умытые улицы кричали о радости и счастье. Дима ненавидел, когда кричат громко. В салоне привычно играл Вивальди. Концерт соль минор «Лето». Дима судорожно вздохнул, вспоминая, что совсем недавно эта музыка значила для него.

- Выключи музыку, пожалуйста, - попросил он, не открывая глаз.

Александр выкрутил звук на минимум, но не стал выключать. Дима был ему благодарен за столь демонстративный жест.

- Поспи, я тебя разбуду, как приедем, - сказал Александр, закуривая. Машина встала на светофоре.

- К чёрту, - выдохнул Дима, открывая окно и глотая свежий воздух. Захотелось выйти из

машины и пойти куда глаза глядят, пока ноги не отвалятся. В детстве Дима часто думал о том, что будет, если идти всё время вперёд, куда придёшь? К тому же месту или всё же возможны варианты? – Как твоя фирма?

- В порядке. Завтра будет последнее слушание. Но исход заведомо известен, поэтому не было смысла оставаться там.

- Поздравляю.

- Спасибо.

Александр нажал на педаль газа и машина мягко тронулась. Он затушил сигарету и выкинул в открытое окно. Он не смотрел на Диму. Он всю дорогу не смотрел на Диму. И это убивало медленно и верно, било по нервам, резало вены... Чёрт тебя побери! Ну наори, блин! Ну врежь так, чтобы искры из глаз посыпались! Ну обзывай последними словами, чёрт... чёрт... Да сделай хоть что-нибудь! А потом, потом всё забудь?.. Дима невольно скривил губы и опять закрыл глаза. Он знал, что Александр не станет его обзывать, бить и даже обвинять не станет. Потому что он любит, любит своего мальчика, свою птичку, которая его ждёт, скучает и не предаёт. Только это уже не Дима.

«Тойота» остановилась около Диминого дома. Александр остался сидеть на месте, постукивая кончиками пальцев по рулю.

- Не зайдёшь?

Да что у него с голосом?! Словно из подвала кто-то пропищал.

- Нужно позвонить Севе, уладить дела в его конторе. Я заеду к тебе позже, когда ты придёшь в себя, и мы поговорим.

Дима посмотрел на Александра и согласно кивнул. Ему вдруг показалось, что они прощаются. «Поезд отходит, провожающие, покиньте вагоны». Горло сдавило с такой силой, что Дима подумал, что сейчас заплачет и никуда не пойдёт из этой машины. Скажи всё сейчас! Взгляд Александра, устремленный на него, говорил, что он не вернётся, больше никогда не придёт к Диме, потому что у него нет больше птички, к которой нужно возвращаться.

- Я буду ждать.

Реальность стала расплывчатой, но Дима смог сдержать слёзы и даже попытался улыбнуться. Глупость... самая жалкая улыбка на свете.

«Тойота» скрылась за поворотом, и Дима, пошатываясь, пошёл к двери. Одна крупная капля скатилась с его щеки и упала под ноги. Больше Дима не плакал и не ждал.

Дима зашёл в молчащую квартиру, пронизанную солнечным светом и пахнущую знакомой бумажной пылью. Вика всегда говорила, чтобы он открывал окна прежде, чем куда-либо уходить. Нужно дышать свежим воздухом, для здоровья полезно.

Дима стащил кроссовки, наступая на пятки, и пошёл в ванную, раздеваясь по пути. Хотелось всё с себя снять и кожу в придачу. И вчерашний день тоже бы вот так снять как футболку, и закинуть куда-нибудь в угол, чтобы потом, найдя случайно, машинально запихать в стиральную машинку и проверить пару раз. С чем там принято стирать грязные вещи? Добавьте немного «Ваниша», и все пятна сойду на счёт раз. Интересно, а можно отмыть «Ванишем» вот эти

малиновые пятна на шее и груди? Страсть, видимо, хлестала через край, ну ещё бы... ведь он «такой, ***ь, красивый!» что даже у самых натуральных натуралов сносит крышу.

- Не в красоте дело... - вздохнул Дима, включая прохладную воду и подставляя раскрытую ладонь под упругую струю. - Всё это полный бред...

Юра поимел всю папину жизнь, ускользящую от него. И Дима тоже поимел всю выверенную годами систему Александра. Идеальную систему отношений, где все друг другу доверяют и могут оставить детей одних без присмотра. Неплохая система, и казалось, так просто жить по ней.

Злость захлёстывала, пульсировала в кончиках пальцев, в гудящих висках. Дима злился на Юру, на себя, на алкоголь, на траву, на весь мир, на то, что не смог настоять на своём. Злился на то, что злиться уже бесполезно. Надо как-то... продолжать.

Вода приятно ласкала ноющее тело, очищала, создавая иллюзию обновления. Дима закрыл глаза и был искренне благодарен своей памяти, что она не сохранила воспоминания прошлой ночи. Иначе сейчас он непременно бы всё вспомнил и утопился. Он помнил только, как Юра его поцеловал, как он ударился головой и вышел на улицу под дождь. И ещё открывшуюся дверь, за которой не было Александра. Дима застонал и съехал вниз, под воду. Тоска вновь сжала сердце, дрожь пробежала вдоль позвоночника, и стало холодно. Он больше не вернётся. Дима знал, что даже если они поговорят, тот Александр, которого он любит так безумно, больше не вернётся к нему. И имеет право. В мире намного больше человек, чем двое. И где-то есть его мальчик, и Дима знал, что Александр рано или поздно найдёт его, на этот раз сам, чтобы наверняка, чтобы не потакать тем, кто возмнил себя способным быть столь же идеальным и надёжным как он. И всё плохое забудется, и Дима станет таким же прошлым, как Марк. «Сколько их у него было...»

По телевизору крутили «Сто к одному». Вопрос был про сказочных персонажей - «Какая самая известная бабка на Руси?».

Дима неотрывно пялился в экран, без единой мысли в голове потреблял цветные картинки. Интересно, если бы у игроков спросили, что делать после измены, какой был бы самый популярный ответ? Конечно же, «просить прощения», потом «скрывать правду», потом «разбежаться по разным углам и дать время подумать», какие-нибудь два отороженных человека из ста определённо бы выдали нечто неординарное, вроде того, как «пожениться с тем, с кем изменил».

- А лучше всего смотреть передачу «Сто к одному», - проговорил Дима вслух, усердно пытаясь выпить стакан холодного молока. Ни о какой еде он даже думать не мог, сразу начинало мутить. Когда яркий экран сменился ещё более яркой заставкой рекламы «Чудо-йогурта», раздалась трель дверного звонка. Дима вздрогнул и неаккуратно поставил стакан на край. Сработал закон всемирного тяготения, стакан перевернулся и звонко разбился об пол. Молоко с осколками стекла брызнуло на ноги. Дима чертыхнулся и, переступив лужу, пошёл открывать. Он знал, что это не Александр, поэтому не торопился. Взявшись за ручку, Дима нервно выдохнул. А вдруг?.. Вдруг Александр решил обмануть судьбу? Он может... только он один может.

- Привет, Дима...

Юра стоял на пороге, засунув руки в карманы и изображая лицом жертву Чернобыля. Он просил прощения всем, чем мог: глазами, позой, нервными жестами, нелепыми улыбками и

короткими вздохами, даже волосами, влажными и взъерошенными. Эдакий образ идеального виноватого. Тошнота вновь сдавила горло.

- Проходи, - Дима раскрыл дверь шире и пропустил Юру в квартиру. - Чай будешь? Есть ещё молоко, правда, только в виде лужи...

Дима не стал дожидаться, когда Юра виновато разуется и что-нибудь виновато ответит. Он завернул в ванную комнату и взял тряпку, чтобы вытереть пол.

- Бьёшь посуду? - Юра встал в дверях, пытаясь расслабиться. Но куда там, вина вновь согнула его плечи. Вот зараза. Дима собирал осколки тряпкой и выкидывал их в мусорное ведро. - Помочь?

- Спасибо, я уже всё разбил.

- Я про уборку, - Юра нервно усмехнулся, продолжая стоять на входе. Дима подумал, что ещё две секунды, и он врежет ему этой мокрой грязной тряпкой по лицу. Без истерик, с холодным расчётом, чтобы прекратил дышать над душой.

- Сам налей себе чаю. Я напился молока.

Дима выжал тряпку, и вода в ведре стала мутной. Юра прошёл в кухню и достал из шкафа кружку. Александр всегда выбирал именно эту кружку - узкую и тяжёлую. Настоящая керамика.

Началась «Двойная игра». Спрашивали про то, что может быть резиновым. «Терпение», - ответил про себя Дима и широко улыбнулся своей гениальной мысли.

- Дима... я пришёл попросить прощения, - начал Юра, активно топя пакетик в кружке кипятка.

- Я вижу, - пожал Дима плечами и опустил на соседний стул, чтобы было видно экран. Всё-таки цветные картинки иногда помогают.

- Отец сказал, что если бы я не был его сыном, он бы меня убил, - печально усмехнулся Юра, глядя куда-то в стол. А потом поднял на Диму тяжёлый взгляд. - Интересно, сколько вины может поместиться в человеке?

- Грамм сто - сто пятьдесят, не больше. Тебе повезло, что ты его сын, мне вот не очень... - Дима не чувствовал ни капли жалости. Была бы надежда, можно было бы и пожалеть.

- Дима... - Юра так пронзительно посмотрел на Диму, что тот даже отвлёкся от гипнотизирующих цветных картинок. - Я ему всё объяснил... и про травку, и про абсент, и про то, что ты хотел уйти домой... Он всё понимает, он тебя простит, Дима... если бы ты тоже...

- Что - я тоже? - презрительно хмыкнул Дима, опасно раскачиваясь на стуле. - Что тоже?!

- Попросил прощения... рассказал, как всё было на самом деле, - Юра осёкся и закончил фразу уже шёпотом: - Он поймёт.

- А он и так всё понял, - Дима поставил стул на место, понимая, что в таком состоянии он легко может свернуть себе шею и даже не заметить, как. - А прощение... Если бы я знал, что это поможет, я бы сейчас просил его, а не сидел тут с тобой и телеком.

- Но он же... - Юра залился краской и вновь опустил взгляд в стол. - Это же ничего не значит,

это всё алкоголь. Ты не виноват в том, что так получилось. Мы оба не виноваты...

Дима нервно засмеялся и вновь стал раскачиваться на стуле. А ну и чёрт с ней, с этой шеей, свернётся, так и пусть!

- Просто неудачное стечение обстоятельств, - голосом диктора радио сказал Дима. - Александр, не обращайтесь внимания на все эти засосы и голую задницу своего любовника. Он имел в виду совсем другое. - Дима замолчал и отвернулся к окну. - Иди ты знаешь куда, Юра... Я сам себя не прощу. А ты, если можешь... скатертью дорога.

Они молчали долго. По телевизору опять началась реклама. «Даниссимо», и пусть весь мир подождёт».

- Я завтра улетаю в Латвию, - Юра шумно отодвинул наполовину пустую кружку.

- Счастливого пути, - сухо ответил Дима, не глядя на него.

- Дима... - в голосе Юры послышалось отчаяние. - Ну прости меня, прости... Это не ты... это всё я, ты был такой беззащитный, такой красивый... Дима, я не знаю, что на меня нашло, это как затмение, я виноват, Дима... да, я один во всём виноват...

Юра говорил что-то ещё, но Дима его не слушал.

- Ты виноват, и ты завтра улетаешь, - сказал он, наконец, когда Юра закончил свою истерику и мог уже нормально воспринимать действительность. - А мы остаёмся. Счастливого пути, Юра.

Работать было вообще невозможно. От всего тошнило: от чертежей веяло какой-то безвыходностью, от телевизора - навязчивостью, из окна - обречённостью и недоступностью. Дима стоял на балконе, курил и смотрел вниз на детскую площадку. Какой-то мальчишка кидался в девочку с ярко-красным совочком в руке песком. Та плакала и кидалась песком в ответ. В детстве всё просто. Ты кинул - в тебя кинули. Дима никогда не кидался в девочек песком.

Сообщение от Александра пришло в пятом часу вечера. Дима дрожащей рукой нажал кнопку, развернул сообщение и жадно проглотил буквы.

«Сегодня прийти не получится. Дела».

Сердце упало куда-то в желудок и, казалось, вовсе перестало биться. Не придёт. Сегодня он всё-таки не придёт. И завтра... и послезавтра. И всегда.

«Увидимся завтра на работе».

Дима отправил ответ и, получив сообщение о доставке, вырубил телефон окончательно. Чтобы даже сомнений не было. Всё. Закончили с этим. Суд присяжных вынес смертный приговор.

Ночью Дима спал как убитый. Никаких кошмаров больше не снилось, никаких вещих снов. А утром он проснулся, зная ответ на вопрос «что делать?»

Что же нам дальше делать?

Лида сидела на своём обычном месте и, что-то напевая себе под нос, раскрашивала календарь на будущий месяц - выделяла особенно важные даты, чтобы вместе с ней о них не забыли все заходящие в кабинет.

- О-па... Димуля, - протянула она, округляя глаза. - Ты попал под коток? Где твоё лицо?

- Всю ночь пил, курил и шлялся, - съязвил Дима, кидая сумку на пол рядом со своим столом. - Всеволод Игнатьевич у себя?

- Даа... - недоверчиво протянула Лида, упорно вглядываясь в Диму, чем раздражала просто невероятно. Но разговаривать с ней на эту тему не хотелось. - И второй у себя... и тоже какой-то мрачный, словно всю ночь убивал мирно спящих жителей. Поругались, что ли?

- Лида, меньше надо смотреть мелодрамы - вкус портится.

Дима вышел из кабинета, хлопнув дверью. Косяк не выломал, конечно, но грохот разнёсся по всему коридору. Проходя мимо кабинета Александра, Дима затормозил на миг, невольно прислушиваясь к тому, что творится за дверью. В кабинете было оглушительно тихо. Значит, работает. К нему Дима зайдёт потом. Им всё-таки нужно поговорить.

- Доброе утро, Всеволод Игнатьевич, - Дима вошёл без стука и встал напротив директорского стола как на расстрел - руки по швам, смотреть прямо и не моргать. Всеволод Игнатьевич отвлёкся от компьютера и удивлённо посмотрел на Диму. Все знали, что тот никогда не приходит раньше девяти и спит ещё до десяти, что особенно не нравилось местной бухгалтерии. Почему-то бухгалтерия знала обо всём на свете, и всё, о чём она знала, ей очень не нравилось.

- Привет, Дима, что-то ты рано... - директор улыбнулся и кивнул на стул, предлагая Диме присесть. Но тот не стал присаживаться, он хотел сократить все формальности до минимума. «Лучше умереть стоя», вспомнилось почему-то. Иначе лишние мысли испортят весь настрой.

- Всеволод Игнатьевич, я решил воспользоваться предложением немцев и поехать в Эрланген, чтобы вести проект на месте, - Дима выпалил всё на одном дыхании и замер в ожидании ответа. И почему он чувствует себя трусом? Это же такой шанс - поехать в Европу! Это же... бегство, конечно. Директор смотрел на него исподлобья и жевал нижнюю губу. «Да что с ним такое?! - занервничал Дима. - Вот только не надо об этом долго думать! Сам же предлагал в пятницу! Уговаривал, нёс что-то про перспективы, про удобство и выгоды!»

- Носом чую подставу, - усмехнулся Всеволод Игнатьевич и не спеша поднялся из-за стола. - Ты же был против и весьма категорически, насколько я помню.

- Я хорошо подумал, - Дима отвёл взгляд к окну, набираясь мужества или просто отчаяния, и потербил край футболки. Он не был готов к тому, что директор начнёт его отговаривать. - Буду строить карьеру, другого шанса может и не выпасть. К тому же и вам будет удобно иметь там своего человека.

- Да мне и так неплохо, Дима, контракт наш. По мозгам за нетерпение я получил от свет нашего Александра Владимировича, - Всеволод Игнатьевич прошёлся по кабинету и присел на край стола напротив Димы, - поэтому у меня уже всё нормально, никакой горячки. В отличие от тебя.

Дима до боли прикусил щёку с внутренней стороны и коротко выдохнул, понимая, что нужно идти до конца, раз уже начал. Нет смысла оставаться, чтобы каждый день понимать, что всё кончилось. Жалеть себя, слушать от Лиды сплетни, с кем и куда пошёл Александр. Каких мальчиков и куда он приглашает... К чёрту.

- Всеволод Игнатьевич, мне НУЖНО уехать, - тихо проговорил Дима, глядя в пол. - Хотя бы на

время. Когда проект закончится, я вернусь. Не хочу оставаться жить за границей.

- Не нравится мне всё это... - директор ещё раз внимательно посмотрел на Диму. - Давай так: ты сейчас успокойся, напишешь заявление на отпуск, съездишь куда-нибудь, к маме, например, где она у тебя живёт? Далеко где-то...

- В Перми, - вставил Дима, жалея бесполезных усилий Всеволода Игнатьевича вспомнить то, чего он точно не знает.

- Точно, - щёлкнул пальцами директор, наклонившись, и достал из папки, лежащей на столе, белый лист А4. - Пока ты едешь и думаешь, я потихоньку, очень медленно начну оформлять тебе рабочую визу. А потом ты возвращаешься и говоришь, что окончательно решился, мы звоним и договариваемся, куда и когда тебе подъехать. - Всеволод Игнатьевич встал со стола, и, обойдя Диму, положил руки ему на плечи и насильно усадил за стол. Складывалось впечатление, что он считает Диму умалишённым и старается лишний раз не раздражать и не позволять делать резкие движения. - Они каждый день письма на электронку пишут, не передумал ли ты. Так что опоздать ты всегда успеешь.

Дима обречённо посмотрел на пустой лист и написал заявление. Сегодня ему не хотелось сопротивляться, пусть всё идёт как идёт.

В коридоре было тепло, но Диму бил озноб. Положив ледяную руку на лоб, он обнаружил, что температура в норме. Нервы, просто нервы... Кабинет Александра был закрыт.

- Заходил Александр Владимирович, спрашивал тебя.

Лида сурово взирала на монитор и даже головы не повернула в сторону вошедшего Димы.

- Да? - растерянно переспросил он, плюхнувшись на свой стул. На столе перед ним царил полный хаос: какие-то яркие бумажки с набросками и разметками, мини-эскизы, мятая миллиметровка, ручки без колпачков, колпачки без ручек, фломастеры, разномастный набор карандашей и стеклянные шарики. Диме нравилось катать их по столу - очень успокаивали и расслабляли зрение и пальцы. - Значит, ещё раз зайдёт, если нужно.

Дима катнул один шарик, и он тут же увяз в стопке листов бумаги. Лида никак не прореагировала на последние слова, сказанные убитым голосом. Она по-прежнему невозмутимо долбила клавиатуру, явно с кем-то переписываясь в «аське». Она терпеть не могла «аську». Дима вспомнил о том, что позволил себе хлопнуть дверью, демонстрируя своё раздражение.

- Хорошая девочка Лида, что в доме напротив живёт, - Дима сложил на столе руки и опустил на них подбородок. - Ну прости дурака...

Девушка шумно втянула носом воздух и лениво передёрнула плечиками, словно отгоняя севшую на них муху.

- В следующий раз, когда будешь психовать, не хлопай дверями. Не у себя дома, - сухо проговорила она. Но Диме и этого было достаточно. Главное, что не молчит. Дима смотрел на Лиду и думал о том, что ему её будет не хватать. Её неуместных комментариев, её вкусного домашнего печенья, шуток и внимания. Она всегда была внимательна к Диме как старшая сестра. Мудрая, заботливая и такая своя в доску. Старших сестёр много не бывает, с тоской подумал Дима.

- Я взял отпуск. Поеду домой... - тихо сказал он и, достав из-под кучи бумаг шарик, катнул его в другую сторону. Шарик докатился до края стола, миновав его, грохнулся на пол и скрылся под столом с принтерами. И чёрт бы с ним, не жалко. - А потом в Германию. Открываются широкие возможности, буду получать много денег, накоплю себе кучу самого дорогого барахла, построю самый красивый дом, заведу самую большую собаку и буду жить и поживать, как самая последняя плесень...

Лида оторвала, наконец, взгляд от монитора и посмотрела Диму, нахмутив брови.

- А Владимирович?

Дима коротко вздохнул и решил казнить второй шарик. Рыжий, светящийся на солнце, он упал на пол вслед за первым.

- Надо строить карьеру, Лида, - улыбнувшись, заговорил Дима тоном Всеволода Игнатьевича. - Мне надо строить карьеру. На дворе двадцать первый век, век движения и прогресса. А у меня талант, или за что сейчас премии дают?

- Не вижу смысла в том бреде, что ты несёшь, - хмыкнула Лида и тут же громко добавила, её осенила гениальная в своей простоте идея: - Он тебя бросил?! Вот пидар... - она тут же закрыла рот ладошкой и залилась краской смущения, - прости, пожалуйста, я не то имела в виду, само как-то вырвалось.

Дима ткнулся лбом в сложенные предплечья и тяжело вздохнул. Лида откинулась на стуле и громко постучала носком туфли по столу. А потом бухнула так сильно, что Дима невольно поднял голову, посмотреть: не упал ли это компьютер.

- Я, конечно, ни черта не понимаю в ваших высоких отношениях. Я существо весьма примитивное, в моём чёрном ящике не заложено более двух операций. Но вот мне кажется, что ты совершаешь серьёзную ошибку, сбегая. Он же тебя любит, реально любит. Только слепой не видит, как он к тебе относится.

- Я не могу остаться.

- Дима... - Лида подошла к Диминому столу и села поверх всех бумаг, провела рукой по голове, потёрла щеку. - Димочка, хороший мой... Ты же смелый и отчаянный парень. Кто меня постоянно толкает? Подбадривает и советует? Куда делся этот человечек? Зачем он хочет спрятаться?

- Он устал и хочет отдохнуть, - Дима поймал ускользающую руку Лиды и сжал хрупкие пальцы с блестящим золотым колечком на мизинце. - Предать можно лишь однажды. И мой лимит исчерпан... Знаешь, мне очень нравилась одна сказка, детская сказка про маленькую птичку, которая жила в клетке и считала, что мир состоит только из двух человек.

- Сева сказал, что ты взял отпуск?

Александр сидел в кресле напротив Димы и выглядел очень уставшим и постаревшим на несколько лет. Видимо, плохо спал ночью.

- Да, пока он оформляет документы для работы в Германии, я хочу съездить к маме. Давно не был дома. Взял билет на завтрашний рейс. А оттуда сразу в Германию полечу, строить свой чудо-проект.

Дима съехал по стулу вниз и упёрся одной ногой в ножку стола, чтобы удобнее было сидеть. В кабинете Александра была шикарная мебель. Почему же он не спал ночью? Неужели из-за Димы? В груди на миг потеплело.

- Отличный проект.

- Спасибо. Он посвящен тебе.

- Я знаю, мне это льстит.

Александр неотрывно смотрел на Диму и тоже о чём-то думал. Сегодня все о чём-то думают. Может, лунное затмение какое-то?

- Я ждал тебя вчера вечером. Купил пельмени, - Дима нахмурился и, нащупав заусенец на большом пальце, стал его тереть. Кайф.

- У Иры был приступ аппендицита, я отвозил её в больницу.

- И как она? Будут оперировать? - Дима оставил палец в покое и чуть подался вперёд.

Ирину было жалко. Такая хорошая красивая женщина, жалко, когда хорошие люди попадают в больницы.

- Операцию сделали ночью. Сейчас она уже звонит по телефону и планирует дела на следующую неделю.

- Она молодец.

Дима опустил голову и потёр переносицу, вспоминая, что же он хотел сказать Александру? Что он ещё может ему сказать? В голове было пусто. Они словно два незнакомых человека. И от этого было очень страшно.

- Дима, - тихо позвал Александр, - я знаю, почему ты хочешь уехать. Но это не поможет.

Дима не поднимал голову. К горлу опять подступил комок, и сердце забилось быстрее, быстрее, словно сбившийся с ритма моторчик, решивший всё из себя выжать, а потом остановиться навек.

- Я себя никогда не прощу...

Послышался шорох одежды, а потом ровные шаги. Ближе, ближе... Александр подошёл к Диме и опустил напротив него на корточки. Накрыл ладонями лежащие на коленях руки, согревая. Сердце застыло на мгновение, а потом пошло вновь, но уже чуть спокойнее. Какие тёплые у него руки...

- Маленький мальчик, какой же маленький мальчик. Хочет быть идеальным и забывает о том, что он живой и может ошибаться.

- Не могу... - всхлипнул Дима, но слёзы всё-таки сдержал. Крепко сжал руки Александра и тихо выдохнул: - Теперь ты не будешь мне доверять так, как раньше. Больше не будет так, как раньше... Никогда.

- Как же ты любишь громкие слова, - снисходительно вздохнул Александр, целуя Димины пальцы. - Такие громкие, что уши закладывает. Мне больше нравится, когда ты говоришь о

том, чего хочешь, а не о том, чего никогда не будешь делать.

- Я хочу... - Дима посмотрел, наконец, на Александра. Его взгляд, глубокий и мягкий, обволакивал, успокаивал и заставлял забыть обо всём, делал неважным всё, что было до него. Александр никогда не упрекнёт, никогда не будет смеяться, читал Дима во взгляде те самые намерения, которые принято выражать громкими словами. Но зачем? Всё и так можно ощутить, вдохнуть, вобрать в себя: и нежность, и желание, и доверие. - Я хочу просто собраться с мыслями и успокоиться. К тому же я сто лет уже не видел маму, а я её любимый сынок, между прочим...

- Это правильное решение, - сказал Александр, вставая.

Дима тоже поднялся с кресла и смущённо улыбнулся. Легко провёл кончиками пальцев по его скуле и, дотянувшись, чмокнул в щёку.

- Если я уеду, я смогу вернуться? - прошептал Дима, прижимаясь к Александру и чувствуя его руки на своей спине. Они сминали ткань футболки и привлекали ближе, надёжно удерживая на месте. Попался...

- В любое время, моя птичка, - прошептал Александр Диме на ухо и прикоснулся губами к виску, задержался на миг, втягивая носом запах Диминых волос.

- Тогда увидимся когда-нибудь, - довольно зажмурившись, сказал Дима, отстраняясь. - Помнишь ответ?

Александр кивнул, отпуская Диму.

- Как только, так сразу, мой мальчик.

2:23 «Я намыл сто грамм золота. Теперь я ещё и золотой магнат»

2:40 «Приеду в гости, возьму замуж. Жаль такое приданое терять»

2:42 «Правда, что ли, приедешь? О_О»

2:57 «Адрес пиши»

3:01 «г.Пермь, аэропорт «Большое Савино», я встречу»

3:15 «В субботу буду. Спать ложись, золотоискатель»

3:16 «))»

6:23 «2:3 в мою пользу, кстати»

6:26 «Бля...»

6:32 «И тебя с добрым утром, птица моя!»

.....Продолжение
следует.....